

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

САИДАКБАР АГЗАМХОДЖАЕВ

**ИСТОРИЯ
ТУРКЕСТАНСКОЙ
АВТОНОМИИ**

(Туркистон Мухторияти)

Издательско-полиграфическое объединение
«Тошкент ислом университети»
Ташкент – 2006

Агзамходжаев Саидакбар

А 23 История Туркестанской автономии: (Туркистон Мухторияти) /С. Агзамходжаев; (Отв. ред. Д.А. Алимова); АН Республики Узбекистан, Ин-т истории.- Т.: Изд.-полигр. объединение «Тошкент ислом университети», 2006-268 с.

ББК 63.3(5У)6

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор Д.А. Алимова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Р.Я. Раджапова
доктор исторических наук, профессор А.А. Голованов
доктор исторических наук, профессор А. Хасанов
доктор филологических наук, профессор Н. Каримов

Вступление Узбекистана на путь суверенного развития вызвало острый общественный интерес к осмыслению истоков длительной борьбы народов края за свободу и независимость, к истории формирования идеологии национально-освободительного движения как факторов, подготовивших современный прорыв к государственной независимости. В течение многих советских десятилетий героические страницы освободительной борьбы среднеазиатских народов были либо преданы забвению, либо умышленно сфальсифицированы. Сегодня в условиях независимости, когда появилась возможность восстановления исторической правды, назрела потребность в решительном пересмотре былых установок о роли и месте в историческом процессе как всего национально-освободительного движения, так и его отдельных общественно-политических течений, устремленных на образование национальной демократической государственности.

Данная монография посвящена истории создания в Туркестане автономной демократической республики, вошедшей в историю под названием Туркистон Мухторияти.

Книга рассчитана на историков, юристов, политологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также всех интересующихся проблемами общественного и государственного строительства.

СОДЕРЖАНИЕ

В в е д е н и е	4
Глава I. Становление движения за автономию Туркестана	30
1.1. Развитие идеологии национально-освободительного движения в Туркестане	30
1.2. Общественно-политические перемены в Туркестане после Февраля 1917 г	63
1.3. Формирование идеи автономии Туркестана	98
Глава II. Вовлечение народов Туркестана в автономистское движение	128
2.1. Туркестанский краевой мусульманский Совет (Край-муссовет) организатор и координатор всетуркестанского национального движения	128
2.2. Нарастание автономистских настроений	150
Глава III. Борьба за практическое воплощение автономии Туркестана	166
3.1. Разработка автономистских требований	166
3.2. Создание Туркистон Мухторияти-практический шаг к образованию национально-демократической государственности в Туркестане	188
3.3. Насильственная ликвидация Туркистон Мухторияти ...	223
3.4. Навязывание большевистской модели «национально- государственного самоопределения». Провозглашение Туркестанской Автономной Советской Республики (ТАСР)	238
З а к л ю ч е н и е	262

ВВЕДЕНИЕ

Движущей силой глубоких перемен, меняющих современный облик мира, является исконное стремление народов к независимости, их желание самим определять свою судьбу.

Жизнь современного Узбекистана отличается мощным динамизмом. Провозгласив независимость, узбекский народ реализует свое неотъемлемое право на свободное самоопределение. В республике закладываются основы правового демократического общества, последовательно расчищаются завалы прежней тоталитарной системы, формируется принципиально новая структура общественных отношений.

Обретение государственной независимости, избавление от диктата старой идеологии открыли широкую дорогу для проявления свободной мысли, обеспечения устойчивого экономического и социального прогресса, культурного и духовного обновления. Годы независимости стали временем активного государственного и политического обустройства молодого государства, роста национального самосознания, восстановления вековых духовно-нравственных ценностей.

Вместе с тем очевидно, что на пути национального возрождения возникли огромные трудности, связанные не только со сложностями переходного периода, но и долгосрочными последствиями прежнего идеологического диктата. Как обоснованно подчеркнул Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, сегодня одной из самых главных задач является необходимость «научить наших людей самостоятельно мыслить, укрепить их веру в себя»¹. «...Время настоятельно требует реформирования мировоззрения»².

В условиях советского колониально-имперского строя историческое сознание оказалось, как известно, глубоко деформированным. Историческая наука превращена в послушную служанку тоталитарного режима. Из истории вырывались целые страницы, фальсифицировались события и явления, извращалась действительность. Прежде всего это касалось истории национально-освободительной борьбы узбекского народа, его стремления к национальному самоопределению и свободе. В советской историографии утвердилась кон-

---

¹ Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. — Т.: Узбекистан, 1995. — С. 46.

² Там же.

цепция, согласно которой национально-освободительное движение представляло неотъемлемую составную часть «октябрьской революции» и только советская власть обеспечила народам края государственную самостоятельность. Повсеместно проводилась мысль об отсутствии реальной альтернативы коммунистической модели общественного развития, о несостоятельности и реакционности воззрений национальных лидеров, предлагавших иные варианты общественных преобразований.

В этой связи актуальным направлением исторической науки является необходимость глубокого переосмысления сложившихся стереотипов и оценок, воссоздание объективной исторической картины борьбы народов Узбекистана за независимость и национальную государственность.

Особую теоретическую, политическую и практическую значимость имеет исследование опыта движения за автономию и независимость Туркестана накануне и в ходе октябрьского переворота 1917 года. Настойчивая потребность в его систематизации обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в результате идеологических манипуляций прежних властных структур эти страницы истории оказались в наибольшей степени извращены. В феврале и октябре 1917 года население национальных окраин Российской империи, в том числе Туркестана, увидело возможность разрыва ненавистных цепей колониализма. Однако место одной империи заняла другая. Это обусловило серьезную деформацию национального строительства.

В полной мере испил горькую чашу советского тоталитаризма узбекский народ. Как и почему это произошло? Возможен ли был тогда не революционный, а реформаторский выход российского общества из кризиса? Эти и другие вопросы требуют обоснованных научных ответов. Ведь оглядываясь на прошлое, нам важно не только познать характер тяжелой болезни, постигшей страну в обличье коммунизма, но и через осмысление ее истоков выйти на новую ступень духовного самосовершенствования. Не высветив драматических страниц октябрьского переворота, мы не сможем извлечь поучительные уроки для настоящего. Более того, вне критического осмысления горестного опыта коммунистического эксперимента невозможно успешно реформировать мировоззрение разнообразных слоев населения, ибо корни массовой деформации мышления восходят прежде всего к далеким октябрьским дням, к утопиям большевистской программы социалистического стро-

ительства и методам их идеологического обеспечения. Только воссоздав в народном сознании достоверный образ октябрьского переворота в Туркестане, оценив всю палитру печальных последствий революционных преобразований, можно безошибочно и безболезненно прокладывать дорогу по пути упрочения независимости и углубления рыночных реформ.

Во-вторых, приоритетной предпосылкой оздоровления исторической науки и реформирования мышления является повсеместное освещение исторических процессов сквозь призму диалектики возможного и действительного, общественной борьбы за выбор магистральных путей развития. В этом отношении чрезвычайно важно показать те общественные движения и политические силы, которые выступали в преддверии Октября с альтернативных коммунистической перспективе позиций, раскрыть историю Туркестана как живую историю, наполненную острым противоборством сил демократии и регресса, самостоятельностью и творчеством народных масс на переломном, судьбоносном этапе развития края.

Современные проблемы реформирования и модернизации общества, актуализировавшие изучение исторического опыта самого народа в этом направлении, выявляют настоятельную потребность в обращении к накопившимся научным знаниям, осмысления и учёта всего спектра сложившихся научных традиций, направлений и школ. Пристального внимания заслуживают как отечественная, так и зарубежная историографическая традиция. При всем различии философско-исторических концепций, использованных этими научными направлениями, каждое из них накопило определённый запас научных знаний, требующих специального изучения.

Наибольшим богатством, как по количеству трудов, так и объёму систематизированного материала отличается советская школа, господствовавшая на протяжении длительного времени.

Специфической особенностью советской исторической литературы выступает засилье догматического и в принципе квазиисторического мышления, что было обусловлено характером сложившегося строя. Находясь в жестких тисках идеологического и административного контроля, исследователи советской школы не обладали возможностью сво-

бодного проявления творческой мысли, вынуждены были служить целям пропагандистского обоснования политической практики власти предержанных.

Методология научно-поисковой работы ориентировалась преимущественно на идеологию марксистско-ленинского учения, укладывалась в узкие рамки коммунистических утопий. В результате вместо объективных научных знаний, позволявших оценивать исторические процессы во всей противоречивости и сложности их проявления, представлялась псевдоисторическая картина, не дававшая адекватного отражения реальной ситуации.

Вместе с тем было бы ошибочным оценивать работу советских историков исключительно в негативном плане. Ими был введён в научный оборот большое количество источников, собран значительный фактический материал, способный стать при его концептуально-критическом переосмыслении важным подспорьем для восстановления объективной исторической картины.

Сложный и противоречивый путь наращивания знаний обозначился и в изучении истории национально-патриотического движения за автономию Туркестана. С учётом ключевых тенденций развития советской исторической науки и проявившихся общественно-политических реалий его можно разделить на четыре периода: первый-20-е гг.; второй охватывает 30-е-начало 50-х гг.; третий-с середины 50-х до середины 80-х гг.; четвёртый-с 1985 до обретения Узбекистаном политического суверенитета.

На первом этапе, когда ещё не возобладали марксистские идеологические установки, довольно сильны были позиции «дореволюционной» школы исторического познания, когда сохранялся относительный плюрализм научно-теоретических воззрений был написан ряд серьёзных трудов, в которых была сделана попытка с объективных, деполитизированных подходов осуществить первичный анализ процессов развёртывания национально-освободительного движения в Туркестане, борьбы народов края за национально-государственную автономию.

Одной из первых среди них стала книга Г.К.Сафарова «Колониальная революция»¹. Основной посылкой её написания стала потребность в политическом осмыслении диалектики взаимодействия национально-освободительного и революционного движений в Туркестане.

Общеизвестно, что не оправдавшиеся надежды российских большевиков на перенесение пожара социалистической революции на Запад, в развитые капиталистические страны, вынудили их накануне 20-х годов обратить внимание на Восток, на угнетённые народы колоний и зависимых стран. Именно в это время был рождён миф о революционности угнетённых народов Востока, их естественном тяготении к коммунистическим идеям. Нацелённые на его обоснование работы В.И.Ленина и документы II Конгресса Коммунистического Интернационала (1920), в доказательство ссылались на опыт национальных республик Советского Востока, в том числе и Туркестана. В этом отношении работа Г.Сафарова бывшего в то время членом Турккомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б) была призвана обеспечить политическому руководству страны необходимую научно-документальную аргументацию.

Однако к чести Г.Сафарова надо сказать, что он смог встать над партийными интересами. Впоследствии, особенно в главах «Туркестан до завоевания его Россией» и «Туркестан - колония», раскрывается не только своеобразие исторического развития края, но, по сути, показывается несостоятельность зарождающегося коммунистического мифа о тесном переплетении национально-освободительного и социалистического движения в крае.

В плане изучаемой проблемы особый интерес вызывают высказанные Сафаровым оценки джадидского движения в Туркестане. Возникшее, по его свидетельству, в 1905г. как национально-культурное движение за новометодную школу и национальный прогресс выражала «национальную потребность в буржуазном развитии». Однако постепенно это дви-

---

¹ Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана) — М.: Госиздат, 1921.

жение оформляется и политически, как «прогрессивно-национальное», «национально-либеральное», «автономистское движение», которое приобретает, по его мнению, в послеоктябрьский период характер «антисоветского автономистского движения». На основе анализа документов туркестанских съездов мусульман Сафаров показывает процесс самоопределения в мусульманской среде, выразившийся как в остром противоборстве между мусульманской интеллигенцией и уламо-выразительницей, по его мнению, интересов баев и мулл, так и сквозь призму установления временных компромиссов между ними, попыток создания общемусульманского «национального» блока под лозунгами автономии и шариата.

Критически оценивается в работе развитие революционного движения в Туркестане. Оно представлено автором, как движение европейских рабочих и солдат, зараженных колонизаторскими настроениями. В их пренебрежительном отношении к судьбам коренных народов, полной неспособности найти среди них союзников, в их колонизаторских устремлениях Г.Сафаров узрел причины зарождения автономистского движения в Туркестане. В этом он видел и закрепление «колонизаторского характера новой советской власти в Туркестане»: русский рабочий взял на себя «управление народами Туркестана», а IV съезд Советов рабочих и солдатских депутатов решил судьбу «автономного правительства» - таковы позиции автора. Завершая описание разгрома этого правительства, он подчеркнул: «Кокандская автономия была ликвидирована, но вместе с тем подготовлена почва для басмачества»².

В целом книга Г.Сафарова, намеченные в ней сюжеты, выдвинутые оценки и идеи, оказали заметное влияние на последующую разработку изучаемой проблемы, определили основное направление её исследования в 20-е годы.

В работах Ф.Ходжаева, Т.Рыскулова, Е.Фёдорова, А.Силонова, П.Галузо, Г.Туркестанского, П.Алексеенкова и других предметом специального изучения избираются та-

² Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). — С. 80.

кие темы как джадидизм³, Кокандская автономия⁴, национально-освободительное движение⁵. Эти темы не были обойдены вниманием и при разработке истории революционного и коммунистического движения в Туркестане⁶.

Как признавалось ранее, уже в то время названные исследователи явились первенцами в изучении отмеченных тем. Ими был введён в научный оборот обширный массив документальных источников, и на его основе сделана попытка «воскресить», по образному выражению Ф. Ходжаева, историю джадидизма, кокандской автономии, связать воедино все звенья в общей цепи национально-освободительного движения в Туркестане. В соответствии с принципом историзма в работах ставились вопросы об истоках зарождения джадидизма, кокандской автономии, основных этапах их развития. Высказанные авторами положения и выводы свидетельствуют о понимании изучаемых ими явлений, как сложившихся к 1917 году самостоятельных политических движений в среде коренного населения Туркестана и наложивших свой отпечаток на весь ход общественно-политической жизни края. Примечательны в этом плане выводы в работах Файзуллы Ходжаева и Петра Алексеенкова.

Файзулла Ходжаев в работе «К истории революции в Бухаре» высказал интересное положение о туркестанском джадидизме, который, по его мнению, отличался от бухарского, бывшего значительно революционнее... «Так именно,- пишет он, - постепенно из отдельных групп свободомыслящих и прогрессивных людей сначала в виде несколь-

³ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент. 1925; Туркестанский Г. Кто такие были джадиды? — Т.: САКУ, 1926.

⁴ Т. Кокандская автономия // Красная летопись Туркестана. № 1-2. Т.: Туркиздат, 1923; Алексеенков П. Кокандская автономия // Сб. Революция в Средней Азии, № 12. Ташкент, 1929.

⁵ Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. — Т.: 1925; Федоров Е. Очерки национального освободительного движения в Средней Азии. Т.: 1925; Очерки революционного движения в Средней Азии. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1926.

⁶ Федоров Е. К истории Коммунистической партии Туркестана // Коммунистическая мысль. Кн.2. — Т.: САКУ, 1926; Сионов А. Февральская революция в Средней Азии // Коммунистическая мысль. Кн.3. — Т.: САКУ, 1927; Галузо П. Туркестан колония. — М.: КУТВ. 1929.

ких культурно-просветительных обществ в Бухаре, Ташкенте, Фергане и Самарканде и сложилась джадидская организация. Эти общества, ведшие сначала пропаганду за реформу существующих школ, вставшие затем на путь необходимости советской системы образования и потребовавшие небольших реформ, в дальнейшем своём развитии, как известно, превратились в Туркестане в легальное движение культурно-просветительного характера, присоединившее впоследствии к своим культурно-просветительным домогательствам ещё и требование мелких административных реформ, а после революции 1917 г. прошедшее под знаменем автономии Туркестана»⁷.

П. Алексеенков отмечал: «Кокандская автономия есть движение далеко не местное - кокандское или даже ферганское, это - общетуркестанское движение, охватившее собой его районы и втянувшее в себя туркестанскую буржуазию, независимо от национальностей, и на различных этапах своего развития присоединившее к себе и некоторые другие слои населения Туркестана»⁸.

Надо отметить, что в работах 20х годов широко использовались термины: «джадидское движение», «движение мусульманских прогрессистов», «автономистское движение» и т.д.

Вместе с тем на выводах и оценках работ постепенно сказывался утверждавшийся в 20-х годах в исторической литературе классовый подход к изучаемым явлениям и процессам. Отсюда и явственно проявляется стремление выявить классовую дифференциацию туркестанского общества, акцентирование внимания на классовой борьбе, отождествление понятия «национально-освободительное движение» с понятием «революционное движение». Примечательно, что книга 1926 года издания, в которую вошли статьи Ф.Ходжаева о джадидизме, Е. Федорова о движении туземного населения в 1905 году, Т.Рыскулова о восстании 1916 года и Гинсбурга - об истории басмачества - озаглавлена как «Очерки революционного движения в Средней Азии». Более того, Е.Федоров со своей работой «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии» критикуется за то,

⁷ *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре. — С. 5.

⁸ *Алексеенков П.* Кокандская автономия. — С. 43.

что «автор считает самым важным выяснить для себя не классовый состав восстания (речь идёт о восстании 1898 года - С. А.), а национальный. «Выпячивание на первый план второго свидетельствует только о том, что автор забывает то, что революционное движение может быть только классовым движением»⁹.

Образец классового подхода к изучению национально-освободительного движения в Туркестане продемонстрирован в вышеназванной работе Ф. Силонова. «Подытоживая общую характеристику движения среди коренного населения, можно сказать, - утверждал А. Силонов, - что в разгаре революции здесь обнаружили три классовых политических группировки: первая «Шура Исламия» и примыкающие к ней родственные организации. Она объединяла, главным образом, буржуазную интеллигенцию. Партия эта, имея иногда чрезвычайно большое влияние на массы дехканства, однако, не сумела выразить и отстоять целый ряд насущных задач. В своей деятельности она проявила себя трусливой и нерешительной. Наиболее важным конкурентом этой партии является партия духовенства и баев. Эта реакционная организация, старавшаяся опираться на русских черносотенцев, шла, по существу, против революции. Для неё больше всего важны были свои классовые интересы. Третьей группировкой сил явились рабочие организации. Эти рабочие организации оказались врагами, как первой, так и второй. Что касается массы дехканства, то она не была втянута в те или иные организации. И в этом отношении она была пассивна»¹⁰.

Таким образом, данная работа, как и другие публикации советской историографии отмеченного периода, показала, что, несмотря на известные достижения, в рамках марксистского, сугубо классового подхода оказалось невозможным объяснить сущность и своеобразие различных потоков и национально-освободительном движении в Туркеста-

⁹ *Туркестанский Т.* Национально-освободительное движение в Средней Азии в изобретении т. Федорова // Коммунистическая мысль. Кн.3. — Т.: САКУ, 1927. С. 209.

¹⁰ *Силонов А.* Февральская революция в Средней Азии // Коммунистическая мысль. Кн.3. — С. 263-264.

не, как и всего движения в целом. Это наиболее убедительно проявилось в книге П.Алексеенкова (Он же - Алексеенко) «Кокандская автономия». В советской историографии она занимает особое место, представляя до недавнего времени практически единственное специально исследование истории «Кокандской автономии». Работу П.Алексеенкова отличала солидная документальная база, стремление поставить исследование изучаемой проблемы на научную основу. В ней дана периодизация истории «Кокандской автономии», сделана попытка выявить основные события, характерные для каждого из намеченных им периодов, показана расстановка движущих сил, противоборство лидеров движения. Реалистична и воссозданная П.Алексеенковым картина разгрома «Кокандской автономии». Вслед за утвердившейся к этому времени точкой зрения, он также считает, что «прежде чем умереть самой, Кокандская автономия успела вызвать к жизни новую силу - басмаческие шайки Иргаша, которые в свою очередь, послужили началом нового контрреволюционного движения в значительной мере превосходящего по своему размеру всё это кокандское автономистское движение»¹¹.

Особо следует отметить попытку автора воссоздать историю «Кокандской автономии» на широком фоне, в связи со всей историей национально-освободительного движения в Туркестане. Но методологические основы исследования привели автора к казусным выводам. Национально-освободительное движение в дофевральский период и в период февральской революции, т.е. пока оно боролось с российским империализмом, оценивается им однозначно, только как прогрессивное. Так, говоря о периоде февральской революции, он заключает: «Содержание борьбы за национальное освобождение Туркестана в это время по существу оставалось прежним, хотя задачи были поставлены значительно более ясно и конкретно. Был, например, решительно поставлен вопрос о прекращении крестьянской колонизации, о возвращении киргизам части земель, ранее у них отнятых царским правительством, ставился вопрос об уравнивании в правах всего населения Туркестана, более отчетливо постав-

¹¹ *Алексеенков П.* Кокандская автономия — С.80.

лен лозунг автономии Туркестана и т.д.»¹². И хотя эти задачи октябрьский переворот тоже не решил, что вынужден был признать автор, правда, представляя данный факт, как ошибка туркестанских большевиков, а не сущность политики большевистской партии вообще, он всё же заключает: «Октябрьская революция совершенно изменила сущность буржуазно-национального движения в Туркестане. Из прогрессивного оно превратилось в контрреволюционное»¹³. Весьма привлекательна и трансформация термина «национально-освободительное движение» применительно к началу XX века вплоть до февральской революции в «национальное движение» в период февральской революции, а в послеоктябрьский период оно уже превращается в «буржуазно-националистическое движение».

К сожалению, наметившееся в 20-е годы в советской историографии устойчивое внимание к проблемам национально-освободительного движения в целом и автономистского движения в частности, стремление учёных выделить их предметом специального изучения, ознаменовавшегося целой совокупностью оригинальных выводов и положений, гипотез, в том числе и о «непроходимой стене» между национально-освободительным и революционным, пролетарским движениями, оказалось вскоре грубо прервано.

С конца 20-х годов в связи с усилившейся идеологизацией исторической науки, особенно после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», получила развитие так называемая установочная историография, когда «сверху» заранее навязывались конечные выводы и оценки, официально определялась социально-политическая интерпретация событий. В этом плане на изучение исследуемой проблемы особое влияние оказал тезис «Краткого курса истории ВКП(б)», что «только партия могла умело соединить в один общий поток такие различные революционные движения, как общедемократическое движение за мир, крестьянско-демократическое движение за захват помещичьих земель,

---

¹² Там же. — С. 22-23.

¹³ Там же. — С. 23.

национально-освободительное движение угнетённых народов за национальное равноправие и социальное движение пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата»¹⁴.

Данный тезис привёл к складыванию в советской историографии 30-х начало 50-х годов мифа о решающей роли большевиков в развитии национально-освободительного движения в Туркестане¹⁵.

Этот период, протекавший в рамках упрочения культа И.В.Сталина и тоталитарного режима, отмечен глубоким историографическим застоем, господством «единомыслия», нарушение которого категорически не допускалось. Повсеместное распространение получили вульгарно-социологические схемы, а главное, откровенная фальсификация исторических процессов.

Определённый сдвиг наметился лишь в середине 50-х гг., в момент провозглашения политики десталинизации. Под воздействием политической «оттепели» 50-х гг., попыток очищения марксистского общественнознания от крайностей культовой идеологии, несколько окрепостилось сознание обществоведов, расширилась документальная база исследований. В результате активизировалось внимание к монографическому осмыслению проблем колониальной истории, февральских и октябрьских событий, революционного движения в городах Туркестана, в научный оборот был введён богатый источниковый материал, отложившийся в фондах местных государственных архивов. В работах К.Е.Житова, Х.Ш.Иноятова, И.К.Додонова, А.В.Пясковского,

---

¹⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: 1938. — С. 204.

¹⁵ *Бауман В.* Борьба за власть Советов в Ташкенте. Воспоминания. — Т.:1922; *Бочагов А.К.* Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917-1919 гг. Кызыл-Орда,1927; *Манжара Д.И.* Революционное движение в Средней Азии 1905-1920гг. Воспоминания. Т.:1934; *Он же.* Борьба за власть Советов. — Т.: 1935; *Додонов И.К.* Национально-освободительное движение в Узбекистане после свержения власти царизма (апрель-октябрь 1917г.). — Т.: 1947.

А.А.Гордиенко¹⁶. с привлечением широкого круга источников детализировалось изучение конкретно-исторического хода событий, восстанавливались многие страницы истории революционного и национально-освободительного движений в Туркестане. И все же, продолжавшая довлеть над исторической мыслью идея о руководящей роли большевиков в национально-освободительном движении помешала осуществить перелом в объективном освещении деятельности национально-демократической интеллигенции, в выявлении её истинной роли в идеологическом и программном обосновании идеи создания автономии («мухторият»), в консолидации национально-демократических сил в изучаемый период. Изложение событий, связанных с образованием Туркестанского автономного правительства, его разгромом, во всех трудах строилось по единой схеме: ташкентские большевики-герои, пользующиеся признанием и поддержкой коренного населения Туркестана, а всякая оппозиционная, противостоящая им сила-реакционна, антинародна, тесно связана с лагерем контрреволюции, иностранной интервенцией.

В 60-80-е годы историография национально-освободительного движения, в том числе и автономистского, обогатилось новыми сюжетами, постановкой новых проблем. В работах М.Г.Вахабова, Х.Ш.Иноятова, Х.П.Вахидова, А.Г.Зимы¹⁷ и др., а также в обобщающих трудах по истории Октября на территории Центральной Азии¹⁸ одновременно с

---

¹⁶ *Житов К.Е.* Октябрьское вооруженное восстание в Ташкенте. — Т.:1957; *Он же.* Победа Великой Октябрьской революции в Узбекистане. Т.:1957; *Иноятов Х.Ш.* Октябрьская революция в Туркестане. — М.: 1957; *Додонов И.К.* Победа революции в Туркестане. — М.: 1958; *Пясковский А.В.* Революция 1905-1907гг. в Туркестане. — М.: 1958; *Гордиенко А.А.* Создание советской национальной государственности в Средней Азии. — М.: 1959 и др.

¹⁷ *Вахабов М.Г.* Формирование узбекской социалистической нации. Т.: Госиздат.1961; *Иноятов Х.Ш.* Победа Советской власти в Туркестане. М.: Мысль, 1978; *Вахидов Х.П.* Просветительская идеология в Туркестане. — Т.: Узбекистан, 1979; *Зима А.Г.* Великий Октябрь в Киргизии. Фрунзе, Илим. 1987 и др.

¹⁸ Победа Советской власти в 1905-1907 гг. в Туркестане. — М.: 1958.

проблемами союза пролетариата с национально-освободительным движением труящихся масс начали исследоваться проблемы панисламизма и пантюркизма. К сожалению, практически во всех исследованиях, посвященных раскрытию «триумфального шествия Советской власти» в Туркестане, однозначно оценивалось созданное в Коканде Туркестанское автономное правительство, как «панисламистское», «буржуазно-националистическое», «контрреволюционное».

Это ярлычное определение, призванное раскрыть «национализм», «пантюркизм» и «панисламизм» руководителей национально-освободительного движения, трансформировавшегося в 1917г. в движение за автономию, входило в явное противоречие с выдвинутыми ими объективно назревшими и доходчивыми для народа призывами как «Хуррият» («Свобода»), «Мусават» («Равенство»), «Мухторият» («Автономия»), «Иттифок» («Союз»), «Миллат» («Нация»), «Адолат» («Справедливость»), «Ислохат» («Реформа») и др.

Не обойдена была в отмеченное время и проблема джадидизма. В исторической литературе в разные периоды давались различные оценки туркестанскому джадидизму. Если, как отмечалось выше, в 20-е-начале 30-х годов он характеризовался как прогрессивное, нередко как революционно-политическое течение, а с конца 30-х гг. как реакционное, буржуазно-националистическое, то в ряде изданий 60-х-начала 70-х гг. стала появляться более «мягкая» оценка джадидизму¹⁹. Тем не менее характеристика его почти до конца 80-х гг., как реакционного течения, продолжала доминировать. Эти оценки, а также репрессии 30-х годов, под которые попали некоторые видные джадиды, очевидно, отбили желание историков заниматься исследованием истории джадидизма. Определённую трудность в её изучении представляла и неоднородность самого движения. Джадидские группы имели различные политические платформы, определённой неустойчивостью отличалась и позиция некоторых джадидских лидеров. Отсюда, при желании, можно было найти достаточные документальные «подтверждения» для различных оценок джадидизма.

¹⁹ См. История Узбекской ССР. Ч.2. — Т.: 1963.

В плане изучаемой проблемы, несомненный интерес представляют труды по истории общественно-политической мысли народов Российского государства конца XIX начала XX веков²⁰. Эти исследования, раскрывая острую идейную борьбу нового со старым, не могли обойти проблем становления национально-демократической мысли.

Новыми сюжетами обогатили исследуемую проблему, опубликованные в 70-х гг., труды по истории печати в Средней Азии²¹, посвященные аналитическому осмыслению материалов национальной прессы, выявлению её идейной направленности, они способствовали освещению ряда малоизучённых аспектов общественно-политической жизни края в период от Февраля к Октябрю. Однако недуги советского обществознания наложили на них негативный отпечаток. Работы были написаны с позиций марксистского мышления, что определило идеологическую заданность выводов и теоретических положений.

На рубеже 80-90-х гг., в момент растущего ослабления идеологического диктата партии, вызванного реалиями «перестроечного времени» и последующего распада советского унитарного государства, обозначились процессы оздоровления исторической науки, в историографии изучения движения за автономию Туркестана наметилось становление

---

²⁰ *Тостанов Ш.* Формирование советской казахской интеллигенции. — М.: 1953; *Раджапов З.Ш.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Душанбе, 1957; *Нафигов В.И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Очерк истории 1895-1917 гг. Казань, 1964; *Бейсембиев К.* Прогрессивно-демократическая и марксистская мысль в Казахстане начала XX века. Алма-Ата, 1965; *Он же.* Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1976; *Шарипов И.Ш.* Закономерности формирования социалистических общественных отношений в Таджикистане. Душанбе, 1983; *Абдуллаев М.* Общественно-политическая мысль в Дагестане. — М.: 1987.

²¹ *Эрназаров Т.* История печати Туркестана. 1870-1925гг. (Учебное пособие). — Т.: Укитувчи, 1976; *Бекхожин Х.* Казахская прогрессивно-демократическая печать во второй половине XIX и начале XX вв. Алма-Ата, 1976; *Абдуазизова Н.А.* Печать и строительство социализма (на примере журнальной периодики Узбекистана). — Т.: Узбекистан, 1977; *Бабаханов М.* Из истории периодической печати Туркестана. Душанбе. Дониш. 1987.

принципиально нового подхода, методологическую основу которого обосновала видный ученый Узбекистана Р.Я.Раджапова²². В нем выразилось чёткое стремление в оценке изучаемых явлений уйти от жесткого классового подхода, отдавая предпочтение общенародным приоритетам нации.

В связи со становлением Узбекистана на путь независимого и самостоятельного развития резко возросло внимание к истокам этого исторического события в жизни узбекского народа - к его длительной национально-освободительной борьбе, посильному вкладу, внесённому в неё различными политическими силами и движениями, его лидерами и идеологами. Закономерно и то, что в это время возросло внимание к проблемам джалидского движения, желание воссоздать объективную его историю, освободить её от десятилетиями насаждаемых фальсификаций и умолчаний.

Период 70 - 80-х годов ознаменовался рядом попыток осмыслить сущность и роль джалидского движения в общественной жизни народов Средней Азии конца XIX- начале XX столетий. Одной из них стала работа татарского философа Я.Г.Абдуллина «Джадидизм, его социальная природа и эволюция». В ней, признавая отличительные черты татарского джадидизма от среднеазиатского (имеется ввиду туркестанский и бухарский-А.С.), автор дал общее определение этому движению: «Джадидизм возник как движение, выступающее против наследия феодального прошлого, и термин «джадид» в соответствии с его средневековыми порядками обозначал сторонник прогресса и распространения научных знаний. Требования джадидов объективно служили интересам становления новых форм жизни и пробуждения национального самосознания»²³.

Большой интерес и резонанс среди учёных вызвало сощещание по проблеме «Социально-политическая сущность

²² Раджапова Р.Я. К вопросу о диалектике социалистического, демократического и национального в социальной революции (историографические аспекты проблемы) // Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения. — Т.: Фан. 1991. — С.8-32.

²³ Абдуллин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция. Казанский филиал АН СССР, 1988. — С. 104.

джадидизма. Его место в истории идеологической борьбы XIX - начале XX вв.», проведённое 12 октября 1988г. в Институте языка и литературы АН Республики Узбекистан. На нём присутствовали историки, философы, филологи Узбекистана, Таджикистана, Татарстана и Азербайджана.

В результате обмена мнениями участники совещания признали необходимость отказа от вульгарно-социологических оценок 30-х гг. и обновления методологических подходов к изучению джадидизма, имевшему место в истории мусульманских народов Российской империи в конце XIX-начале XX вв. Джадидизм со всей определённой был квалифицирован как этап осуществления просветительских идей.

За последние годы появились работы узбекистанских учёных с новым подходом к этой проблеме: джадидизм в них рассматривается как составная часть национально-освободительного движения. Заметный вклад в глубокое исследование джадидизма внесли С.Касымов, Б.Касымов, Н.Каримов, С.Ахмедов, Д.Алимова, Б.Эргашев, Ш.Ризаев и другие²⁴.

Тема джадидизма получила освещение в ряде докторских и кандидатских диссертаций²⁵. Так, Х.Д.Садыков по-

²⁴ Косимов С. Бехбудий ва жадидчилик. // Узбекистон адабиёти ва санъати. 1990, 19 январь; Мирзаахмедова П.М., Рашидова Д.А. К изучению джадидского движения // Общественные науки в Узбекистане, 1990. №7: — С.32-34; Косимов Б. Жадидчилик // Ёшлик, №7, 1990; Он же. Миллий тикланиш. Т., Маънавият. 2002; Эргашев Б. Джадиды либералы или демократы? // Звезда Востока, № 12, 1991; Ризаев Ш. Жадид драмаси. — Т.: Шарк, 1997; Алимова Д.А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. — Т.: Узбекистан, 2000; Шарипов Р. Туркистон жадидчилик харакати тарихидан. — Т.: Укитувчи, 2002; Каримов Н. Чулпон. Маърифий роман. — Т.: Шарк, 2003; Ахмедов С. Мунаввар қоры Абдурашидхонов. — Т.: Маънавият, 2003.

²⁵ Прилуцкий Е.А. Национально-государственное строительство в Советском Туркестане. 1918-1920гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Т.: 1991; Садыков Х.Д. Колониальная политика царизма в Туркестане и борьба за национальную независимость в начале XX века. Автореф. дис. докт. ист. наук. — Т.: 1994; Коцанов Б.А. Большевики в Туркестане. 1917-1922 гг. Доктрина и реальность. Автореф. дис. докт. ист. наук. — М.: 1994; Худайкулов А.М. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX-начало XX вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. — Т.: 1995; Таикулов Д. Основные направления политико-правовой мысли народов Узбекистана во второй половине XIX первой четверти XX вв. Автореф. дис. докт. юрид. наук — Т.: 1995; Абдуллаев Р.М. Национальные политические организации Туркестана в 1917-1918 годы. Автореф. дис. докт. ист. наук. — Т.: 1998; Козаков Т.К. Общественно — политические положение в Ферганской долине и джадидское движение в начале XX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. — Т.: 2001; Раджабов К.К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918-1924гг.). Автореф. дис. докт. ист. наук. — Т.: 2005 и др.

пытался переосмыслить роль джадидов в развёртывании освободительного движения в колониальном Туркестане, Р.М.Абдуллаев исследовал роль джадидов в образовании национальных политических партий в Туркестане, а Д.Ташкулов раскрыл основные направления политико-правовой программы туркестанских джадидов. А.М.Худайкулов сосредоточил внимание на характеристике просветительской деятельности туркестанских джадидов, Т.К.Казак и К.К.Раджабов осветили общественнополитическую деятельность туркестанских джадидов, а Б.А.Кошанов и Е.А.Прилуцкий показали альтернативность теоретических и практических подходов руководства джадидского движения и большевиков к определению конкретной архитектоники национально-государственного строительства.

Важный вклад в исследование разрабатываемой темы внесла международная конференция «Центральная Азия в начале XX века: борьба за реформы, обновление, прогресс и независимость (жадидчилик, мухториятчилик, истиклолчилик)», проходившая в Ташкенте с 16 по 18 сентября 1999 г. Джадидизм рассматривается в качестве узлового идейного течения национально-освободительного движения народов против колониализма: как системы сложившихся и диалектически развивающихся политических, философских, эстетических, экономических и иных принципов, отражавших чаяния местных интеллигентов, как борьба за новометодное светское образование, культуру быта, за обеспечение демократических норм государственного управления²⁶.

Интересно в плане перспективности дальнейшей разработки, высказанное рядом авторов предположение о том, что идея создания Туркестанской автономии принадлежала группе прогрессистов (тараккийпарварлар), выступавших с

---

²⁶ Марказий Оснё XX аср бошида: ислохотлар, янгиланиш, тараккийёт ва мустақиллик учун кураш. Жадидчилик, мухториятчилик, истиклолчилик. Материалы международной конференции. — Т.: Маънавият. 2001.

требованиями свободы народу и образования национального демократического государства²⁷.

Новые исследования по проблеме территориальной и национально-культурной автономии появились и в образованных после распада СССР суверенных республиках, таких как Российская Федерация, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и др²⁸.

В историографии изучаемой проблемы как одно из самостоятельных направлений научной мысли занимает зарубежная историческая литература. Особую ценность представляют, долгие годы находившиеся под запретом, труды представителей туркестанской политической эмиграции, видных лидеров движения за автономию Туркестана Мустафы Чокаева и Ахмада Заки Валиди Тогана²⁹. В них четко

²⁷ *Исмаилов Х.* Туркестан 1917 йилда // Узбекистон адабиёти ва санъати. 27 июль 1990; *Он же.* Туркестан в эпоху двух революций // История СССР, №5, 1990; *Норкулов Н.* Мухториятнинг тугатилиши // Фан ва турмуш. № 5, 1990; *Содиқов Х.* Туркистон уч инкилоб даврида // Фан ва турмуш № 1-3, 1990; *Он же.* Хурриятдан мухториятгача // Фан ва турмуш. № 2-3, 1991; *Хасанов М.* «Кокандская автономия» и некоторые её уроки // Общественные науки в Узбекистане, №2, 1990; *Он же.* Альтернатива // Звезда Востока. №7, 1990; *Дониёров Ш.* Мухторият кисмати // Шарк юлдузи, №12, 1991; *Шамсутдинов Р.* Жадидчилик: хакикат ва уйдирма. // Мулокот, № 11, 1991; *Абдуллаев Р.* Туркестанские прогрессисты и национальное движение // Звезда Востока. №1, 1991; *Аззамхужаев С.* Туркистон Мухторияти. — Т.: Маънавият, 2000; Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости / Научный редактор Р.Я.Раджапова. — Т.: Шарк, 2000.

²⁸ *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М.: ИЦ. Россия молодая, 1994; *Валиханова Н.С.* Национальные движения и партии Средней Азии: историография. М.: Изд-во Народный учитель, 2000; *Хабутдинов А.Ю.* Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917-1918 гг. Вологда, 2001; *Он же.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII начале XX веков. Казань, 2001; *Мухаметшин Р.М.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Татар.кн.изд-во, 2005; *Садыкова Б.* Мустафа Чокай. Алматы: Алаш, 2004; *Хайдаров Г.Х.* История таджикского народа: XX век. Худжанд, 2001.

²⁹ См. *Mustafa Chokayev.* The Basmaji Movement in Turkistan // The Asiatic Review (London). 1928. №24 ; *Мустафа Чокай оглы.* Туркестан под властью Советов. (К характеристике диктатуры пролетариата). Париж. Яш Туркестан, 1935; *Он же.* Истиклол жаллодлари. (1917 йил хотиралари). Т.: Гофур, Гулом номидаги нашриёт. 1992; *Валиди А.З.* Bugunki Turkili (Turkistan) ve yakin tarihi. Istanbul, 1942 -1947; *Он же.* Хотиралар // Шарк юлдузи. № 4-5, 6-7, 8-9, 1993.

проводится мысль, что идея создания федеративной автономии в Туркестане было явно выражена с апреля 1917г., во время работы 1-го Всетуркестанского мусульманского съезда. Мустафа Чокаев пишет: «Мы возложили большие надежды на то, что Всероссийское Учредительное собрание утвердит требование туркестанцев. Мусульмане стояли за то, чтобы Туркестан вошёл в создаваемую Российскую Федеративную Республику как равноправная часть»³⁰. Однако по верному утверждению М.Чокаева и А.Валиди, установившаяся насильственным путём большевистская власть убила у туркестанцев веру в революционно-освободительные лозунги. Советская власть началась в Туркестане с огульного отрицания за местным коренным населением права на участие во власти.

Значительный вклад в разработку истории автономистского движения в Туркестане внёс видный учёный узбекской диаспоры за рубежом Баймирза Хайит. По теме проводимого исследования повышенный интерес представляют его известные работы «Туркестан в XX веке», «Туркестан между Россией и Китаем», «Национальное восстание в Туркестане 1916 года», «Национальная автономия в Коканде», «Правительство Алаш-Орда». В трудах Б.Хайита «Кокандская автономия» предстаёт выразительницей чаяний народов Туркестана. Он убеждён, что «Советы первыми совершили агрессию против правительства Кокандской автономии, развязали военные действия против города и вынудили тем самым Эргаша курбаши-шефа кокандской полиции предпринять действия по защите города... Именно защитники правительства Кокандской автономии явились предтечей политического басмаческого движения»³¹.

Особого внимания заслуживают труды соотечественников, опубликованные в странах Востока Турции, Саудовской Аравии, Афганистане, Иране. Из них можно выделить работы Мухаммада Мусы Туркистоний «Улуг Туркистон фожиаси» (Мадина, 1979), Шахобиддина Яссавий «Тур-

³⁰ См. Мустафа Чокай.. Истиклол жаллодлари. — С.50-51.

³¹ См. Baymirza Hayit.. Turkestan im XX Jahrhundert. Darmstadt. Leske Verlag, 1956.

кистон аччик хакикатлари» (Станбул, 1984). Авторы названных работ объявляют «басмачами», то есть разбойниками не тех, кто по сути дела, в ответ на насилие вышел на поле битвы ради своей независимости, а «белых» и «красных». Именно они, отмечается в книгах, потопили в крови избранное народным волеизъявлением правительство Туркестанской автономии.

Самостоятельное направление в историографии национально-освободительного движения, в том числе автономистского, представляют труды западных учёных. Западная советология, как и советская, прошла длительный путь развития, не все периоды которого были однозначны как по выдвинутым концепциям, накоплению фактологической базы, так и по степени научной объективности, на которой не в последнюю очередь сказывалось влияние существовавшей до последнего времени «холодной войны», идейной конфронтации в мире. Но в целом для неё были присущи единые методологические посылки: 1) отрицание основополагающей роли классового критерия; 2) признание колониального характера Советской власти, широкое использование понятия «империя», как сущностной черты советского государства; 3) утверждения неизбежности межнациональных конфликтов в многонациональном государстве.

Находя созвучие своим понятием в советской литературе 20-х годов, западная советология, особенно на первоначальных этапах своего становления, широко использовала выводы, идеи, документальную базу трудов советских исследователей этих лет и особенно работы Г.И.Сафарова.

Большую основательность и самостоятельность западная советология стала приобретать с конца 50-х и особенно в 60-80-ые годы. Послевоенные успехи национально-освободительного движения в мире, создание молодых независимых национальных государств, усиленная пропаганда СССР «советской модели» разрешения национального вопроса подстегнула интерес советологов к советскому опыту строительства межнациональных отношений в многонациональном государстве. Изучение динамики национальных отношений, как в СССР в целом, так и в отдельных его регионах, осо-

бенно в Средней Азии, занимало ведущее место в советологических исследованиях. В связи с этим была предпринята попытка осуществить многоплановое исследование истории Средней Азии, проанализировать основные тенденции развития среднеазиатского общества в политической, экономической, социальной, духовной, культурной сферах; выявить взаимосвязь настоящего и прошлого народов края, определить место и роль их традиций, веры, образа жизни³².

Исходная позиция большинства советологов: исламское самосознание один из элементов этнического самосознания среднеазиатов; ислам являлся составным и отличительным признаком их национальной идентификации, что они ещё до революции определяли себя мусульманами и что именно ислам, тюркская и туркестанская культура являлись действительным, объединяющим началом³³. Глубокими корнями культурных мусульманских традиций в сознании и обычаях местного среднеазиатского населения объясняются большей частью безуспешные попытки как царской администрации, так и её преемницы, — Советской власти — положить конец влиянию ислама на сознание масс местного населения.

Признанием приоритетности исламского фактора, использованием его определяющим критерием в познании общественно-политической жизни народов Средней Азии отмечена интерпретация всех основных её процессов, явлений

---

³² *Pipes R.* Muslim of Soviet Central Asia. Middle East Journal. 1955, v.9, no.3; *Bennigsen A.* Islam in the Soviet Union; the religious factor and the nationality problem. Religion and atheism in the USSR and Eastern Europe. L. 1975; *Bennigsen A., Wimbush E.* Muslim national communism in the Soviet Union. A revolutionary strategy for the colonial world. Ch.-L. 1979; *Allworth E.* Suppressed histories of the Jadids in Turkestan and Bukhara. In: Turkestan and historians; Factor und Politische Idee. Koln. 1987; *Allworth E.* Turkestan. Koln. 1987; *Helene Carrere D'Encausse.* Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. L., 1988; *Buttino M.* Turkestan 1917: La revolution des Russes // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 31(1), 1991.

³³ *Wheeler G.* Islam and Soviet Union. Asian Affairs. L, vol.X (old series vol. 66), Part 3, October 1979; *Bennigsen A.* Soviet Muslims and the world of Islam. — Problems of Communism. v 29, no. 2, 1980; *Enders S., Wimbush E.* The politics of identity change in Soviet Central Asia. Central Asian Survey. Oxford, 1984, vol.3, no. 3; *Rywkin M.* Islam and the new Soviet man. 70 years of evolution. Central Asian Survey. Oxford, 1987, vol.6 no.4.

и тенденций. Так, если А.Беннигсен связывал эволюцию ислама с модернистским движением, начавшимся накануне 1917г., то по мнению Э.Уимбуша, ислам ещё до революции был настолько важен для мусульман как индикатор «политического самосознания», что джаиды, будь то крымские или волжские татары, азербайджанцы или среднеазиаты, по своей психологии были «убеждёнными панисламистами»³⁴.

В плане исследуемой проблемы представляет интерес оригинальные суждения Кемаля Карпата о среднеазиатской интеллигенции и её возможностях в передаче национальной идентичности. Он считает, что среднеазиатские народы в XX веке не утратили своей индивидуальности благодаря интеллигенции («элитарных групп» по определению К.Карпата), её влияния на чувство национальной индивидуальности. В частности, он отмечает, что после «присоединения» Средней Азии к России процесс эволюции элитарных групп, как и групповой идентичности, изменил своё направление. Первоначальная защитная реакция против русского военного и политического вмешательства, по его мнению, сменилась чувством национального самосознания и далее национализмом, который вырос из чувства мусульманской солидарности. Многие элитарные группы распались. Часть старой племенной аристократии встала во главе мусульманских националистов, в состав которых входили новые группы национальной элиты. Слои новой элиты формировались, по утверждению автора, выпускниками начальных и средних школ, открытых русской администрацией. Члены одной из таких групп - джаиды были сторонниками модернизации, члены другой - кадимисты придерживались идеи традиционного мусульманского образа жизни. Интеллигенция, считает К.Карпат, подверглась интенсивному процессу политизации, сформировала свои политические организации, а некоторые её представители вступили в русские политические партии. Новую элиту отличало разнообразие мнений и позиций начиная от религиозного фундаментализма до марксизма.

³⁴ См. главу А.Беннигсена в кн.: Dennis Y. Dunn, Religion and modernization in the Soviet Union. West view Press, Boulder, Colorado; Ender S. Wimbush, указанная работа, с. 70.

Значительные расхождения, возникающие по вопросу методов модернизации, заключает Карпат, привели к краху национального движения³⁵.

Несколько иная точка зрения о социальной мобильности интеллигенции высказана в работе французского ученого Ш.Лемерсье-Келькеже «Мусульманские национальные меньшинства в революции и гражданской войне». Считая установление Советской власти в южных окраинах бывшей царской империи «чисто русским делом» она утверждает, что «Октябрьская революция» ввергла Россию в хаос, в связи с чем у национальных меньшинств появилась «уникальная, но кратковременная возможность получить полную независимость». Однако это возможность не была реализована, по мнению Лемерсье-Келькеже, по следующим причинам: 1) отсутствие помощи из-за рубежа; 2) отсутствие четкой политической программы, неопределённость позиции в отношении России и русских; 3) отсутствие политического, социального и идеологического единства³⁶.

Небезинтересна трактовка вопроса о возникновении автономистского движения в Туркестане данная английским историком Эдвардом Карром. В многотомном труде «История Советской России. Большевистская революция. 1917-1923 гг.» он констатирует: «Как и повсюду в Российской империи, общий упадок власти способствовал возникновению требований автономии»³⁷.

Известные американские учёные Эдвард Олворт и Халид Адиб в своих последних работах отводят специальные разделы, посвященные характеристике деятельности лидеров джадидизма Мунаввара кары, Махмудходжи Бехбудий, Абдуллы Авлони, Убайдуллы Ходжаева, Абдурауфа Фитрата и других, оценивая их просветителями. Они придерживаются позиции, что между Февралём и Октябрём 1917г.

---

³⁵ См. *Kemal H. Karpat*. Introduction. Elites and the transmission of nationality and identify. *Central Asian Survey*, 1986. vol.5. no3/4. P.815.

³⁶ *Ch. Lemercier-Quelquejay*. Muslim national minorities in Revolution and civil war: Soviet nationalities in strategic perspectives. L.- Sydney. 1985. P.36-39.

³⁷ *Карр Эдвард*. История России. Большевистская революция. 1917-1923. — М. 1990.

национальная интеллигенция предприняла попытку организовать новое правительство, чтобы заменить русскую аристократию представителями своей национальности. По их мнению, образованные люди, зажатые между своими желаниями чего-то нового, но тем не менее не перестающими преклоняться перед старой и не всегда правильной жизнью, боролись за то, чтобы найти компромисс между многими существующими точками зрения, что отразилось на ослаблении их позиции в борьбе с большевиками³⁸.

Итак, проведенный анализ историографического наследия изучаемой проблемы дает возможность заключить, что при своей солидности накопленных знаний, основательности документальной базы, достигнутых подвижек в исследовании отдельных его аспектов, перспективности некоторых намеченных тем сюжетов, существующий разнородной теоретико-методологических подходов, предопределил неоднозначность научных знаний, противоречивость оценок и трактовок общественно-политических сил и процессов изучаемого периода.

В силу искусственной политизации советской исторической науки история движения за автономию Туркестана оказалось предельно фальсифицированной. Трудami учёных немарксистского направления удалось восстановить многие её страницы. Тем не менее, остался ещё широкий пласт проблем, требующих глубокого изучения и переосмысления, особенно с позиций современной идеологии национальной независимости.

В частности, малоисследованными оказались узловые сюжеты движения национальных демократов за автономию Туркестана, их попытки на эволюционно-реформистской основе вывести туркестанское общество из исторических тупиков на магистраль цивилизационного развития, поверхностно показана внутренняя взаимосвязь джадидизма и Туркестанской автономной республики - Туркистон Мухторияти. В подавляющем числе исследований они рассматриваются как отдельные, изолированные явления. Предметом внима-

³⁸ См. *Allworth E.* Turkestan. Koln. 1987. P. 95-96; *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998.

ния учёных, как правило, оказывалось противостояние и противоборство джадидов с политическими оппонентами, нежели внутреннее единство джадидского движения и Туркестон Мухторияти. Вне поля зрения исследователей остались программные, социальные, тактико-стратегические основы деятельности джадидов в условиях переломных февральско-октябрьских дней, их многоаспектное воздействие на консолидацию коренного населения в борьбе за свободу и независимость страны. Именно эти и другие проблемы, связанные с раскрытием характера автономистского движения, определением его места в истории национально-освободительной борьбы народов Туркестана за свободу и независимость, явились объектом данного исследования.

Таким образом, обращение к истории движения за автономию Туркестана актуально тем, что концептуальная переоценка сложившихся ранее представлений способствует не только решительной реабилитации славной плеяды талантливых общественных деятелей и мыслителей края, чьи имена были надуманно очернены в годы советского тоталитаризма, но и восстановлению их подлинного места в исторической летописи узбекского народа как людей, внесших огромный вклад в разработку идеологии создания демократической национальной государственности в Туркестане.

Объемное изучение прогрессивной деятельности национальной интеллигенции Туркестана имеет непреходящее научное и практическое значение, особенно на современном этапе, когда закладываются фундаментальные основы правового многонационального государственного образования.

Г л а в а I

СТАНОВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА АВТОНОМИЮ ТУРКЕСТАНА

1.1. Развитие идеологии национально-освободительного движения в Туркестане

Джадидизм, иными словами движение за обновление и реформирование общества, явился одним из видных общественно-политических течений прошлого, способствовавших росту национального самосознания и сыгравших существенную роль в становлении и развитии национально-освободительной реформистской идеологии. Долгое время в советской историографии джадидизм представлялся как «реакционное», «пантюкистское», «панисламистское» идейное течение. Относительно позитивно оценивалась культурно-просветительская деятельность джадидов, да и то лишь на начальном этапе. В наши дни благодаря усилиям отечественных ученых утвердились принципиально новые подходы. Ныне становится все более очевидным, что движение джадидов выражало наиболее прогрессивное направление в сложном переплетении политических сил туркестанского общества конца XIX – начала XX столетия. Оно базировалось на общечеловеческих гуманистических и национальных ценностях, отвечало назревшим потребностям общественного развития и кровным интересам коренного населения края.

К настоящему времени удалось достаточно полно осветить узловые вопросы истории зарождения и организационного оформления джадидизма. Они были обстоятельно рассмотрены в исследованиях известных узбекистанских ученых Р. Раджаповой, Д. Алимовой, С. Касымова, Б. Касымова, Н. Каримова, Р. Абдуллаева, Х. Садыкова, Д. Ташкулова, Р. Шамсутдинова, К. Раджабова, С. Ахмедова, Ш. Ризаева, С. Холбоева, Б. Дусткараева и др. Однако остался не раскрытым ряд проблем, требующих углубленного осмысления. В первую очередь к ним следует отнести вопросы диалектики воздействия идейных воззрений национальных лемократов на формирование самобытной концепции национально-государственного строительства в Туркестане, идеологии выхода туркес-

танского общества из тупиков феодализма и колониализма, на разработку демократических механизмов обновления общественной жизни, выступивших альтернативой большевистскому тоталитаризму.

Несомненной исторической заслугой джадидов явились разработка ими эволюционно-реформистских принципов разрешения назревших общественных проблем и выбор максимально эффективного пути формационно-институциональных преобразований и ликвидации колониального режима. Их концептуальные идеи послужили духовной предтечей современной преобразовательной практики, генетической основой нынешних стратегии и курса масштабных реформ. Поэтому исключительно важно сквозь призму формирования идеологии джадидизма проследить историю становления идей эволюционно-демократического реформирования в Туркестане.

Джадидизм, как известно, возник на переломном этапе общественного развития центральноазиатского региона. Осознание национальными патриотами глубины кризисного состояния колониального Туркестана, его возрастающее отставание от общемировых процессов, повсеместное подавление свободлюбивых устремлений коренного населения, застой в духовной сфере явились побудительным толчком к рождению в их среде идей настоящего реформирования общества.

Однако отечественное реформистское движение прошло сложный и исторически неоднозначный путь. Джадидизм стал ареной столкновения разных философий и мировоззренческих подходов к перспективам общественного развития. Оно внутренне дифференцировалось по ключевым вопросам общественного развития, и прежде всего в концептуальном осмыслении идеологии ломки базисных устоев колониализма.

На первом этапе участники движения не стремились к изменению всей сложившейся общественной системы. Приоритетной для них представлялась задача модернизации духовной сферы. Созданием новометодных школ, организацией регулярного выпуска газет, изданием учебников и учебных пособий, особенно по естественным дисциплинам, пропагандой необходимости заимствования западной техники и технологии, использования достижений европейской культуры они подготовили почву для возникновения национального светского образования, обновления и обогащения духовной жизни, подъема национального самосознания.

Махмудходжа Бехбуди

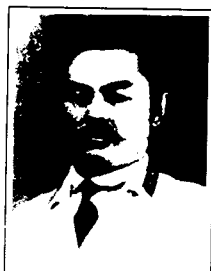
Мунаввар кары
Абдурашидхонов

Убайдулла Ходжаев

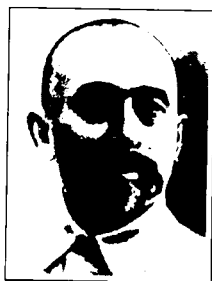
Ахмад Заки Валиди

Мухаммадjon
Тынышпаев

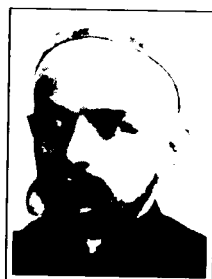
Мустафа Чокаев

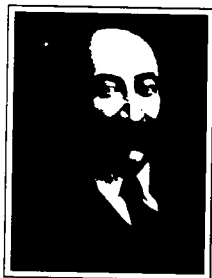
Абдулла Авлони

Обиджон Махмудов

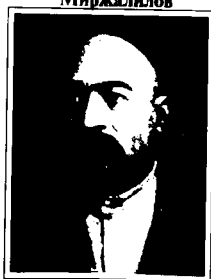
Саидносир
Миржалилов

Абдурауф Фитрат

Абдулхамид Чулпан

Ашурали Зохири

Первые джадидские группы возникли в Туркестане в начале XX в. Наиболее видными их представителями стали люди, составившие костяк национальной интеллигенции: Махмудходжа Бехбуди, Мунаввар кары Абдурашидхонов, Абдулла Авлони, Убайдулла Ходжаев, Садриддин Айни, Абдулхамид Чулпан, Тошпулат Норбутабеков, Абдурауф Фиграт и др.

Существует мнение, что на начальном этапе джадидизм представлял собой узкое культурно-просветительское течение, выступавшее преимущественно за реформу мусульманской школы и введение элементов европейского образования. В какой-то степени с такой точкой зрения можно согласиться. Действительно, идеология первых лет джадидского движения еще не была непосредственно связана с задачей борьбы за национальное освобождение. Тем не менее уже у своих истоков она была нацелена на обеспечение предпосылок национального возрождения, приобщения среднеазиатских народов к достижениям мировой цивилизации.

Будучи людьми с чутким сердцем и просвещенным умом, инициаторы движения с глубокой болью воспринимали исторический тупик, в котором оказались к тому времени их народы. Беспросветная нищета широких масс, находившихся под двойным гнетом имперского и местного деспотизма, угрожающее отставание от экономически развитых стран мира, культурный регресс, застой мысли побуждал их искать действенные средства ускорения общественного прогресса.

В сложившихся условиях передовая мусульманская интеллигенция увидела в невежестве и непросвещенности народа главную причину социального и колониального гнета, отсталости страны. Поэтому магистральный путь решения назревших проблем представлялся ей в просвещении, вследствие чего на первом этапе в центре внимания джадидов оказалась задача реформы образования. Причем, они не только теоретически обосновали необходимость проведения этой реформы, но и приложили активные усилия для осуществления своих идей на деле. Они открывали новометодные школы, библиотеки, читальные залы, писали учебники и учебные пособия. Одна из первых новометодных школ на территории края была открыта в 1898 г. в Коканде Салохудином домла. В том же году джадидская школа была открыта

в Токмаке. В 1899 г. Маннон кары в Ташкенте и Шамсиддин домла в Андижане поддержали это начинание.

С 1900 г. в Туркестане последовательно расширяется сеть новометодных школ. В этом году в Шайхонгаурской части города Ташкента Мунаввар кары – видный ученый, общественный и политический деятель, журналист и педагог организовал новометодную школу «Намуна», в которой сам преподавал. Она в короткий срок завоевала большую популярность. Эффективность ее была столь высока, что послужила толчком к организации подобных учебных заведений в других районах. В 1903 г. Махмудходжа Бехбуди на свои средства открыл школу в местечке Жамбай близ Самарканда. Вместе с ним в ней преподавали известные просветители Ходжи Муин и Абдулкодир Шакури.

Другим направлением деятельности джадидов становится публичная пропаганда идей просвещения. Однако вследствие засылки царской цензуры, административных запретов она в начале 90-х годов XIX века носила еще ограниченный характер.

Отмечая просветительскую направленность джадидского движения начального периода, важно подчеркнуть, что оно не представлялось акцией сугубо культурного просветительства, как у российского народничества. Идеология «просвещения» джадидов была значительно социально богаче и многоаспектнее. В ней сфокусировались исторические задачи, которые и ныне волнуют наше общество: усиление вклада религии в духовное совершенствование, активизация процессов формирования рыночного и правового пространства, становление цивилизованных демократических институтов, самобытное национальное развитие.

Думается, будет правильно признать джадидизм первых лет узким в организационно-количественном плане, но не по широте теоретических воззрений. Ведь требования реформы образования по существу приоткрывали лишь верхушку концептуально насыщенного айсберга идеологических представлений ранних джадидов. Они уже тогда содержали в зародыше многие стержневые идеи будущей модели эволюционного реформирования туркестанского общества, предложенной национальными демократами к поворотному 1917 году.

Если рассматривать в конкретно-историческом плане теоретические воззрения ранних джадидов, то можно выделить

несколько базисных положений, составивших доминанту всей последующей идеологии джадидизма. Во-первых, понимая, что прогрессивное развитие Туркестана невозможно без просвещения народа, приобщения широких масс к достижениям русской и мировой культуры, просветители справедливо полагали, что духовное освобождение должно сочетаться с социальным, во всяком случае с улучшением условий жизни, избавлением от колониального гнета и тягостных повинностей. Центральное место в трудах просветителей занимала критика колониально-феодальных политико-правовых институтов. В своих трудах они подвергали критике носителей власти, обличая такие проявления колониально-феодального деспотизма, как беззаконие и взяточничество, непосильные поборы. Джакиды осуждали систему выборов представителей местной администрации колониального Туркестана, выражали протест против налоговой политики царизма.

Правда, многие проблемы общественного обновления в идеологии раннего джадидизма только обозначились. Тем не менее в обстановке колониально-феодального деспотизма критика со стороны просветителей сложившейся социальной практики, выдвижение ими идей о незаконности власти угнетателей явились важным шагом на пути становления идеологии национальной независимости.

Во-вторых, ускорение исторического прогресса начинатели джадидского движения органически увязывали с модернизацией ислама и формированием социально-экономических предпосылок создания цивилизованного рыночного пространства.

В отличие от многих просветителей Европы и России, джакиды не отвергали религию, не являлись атеистами. Наоборот, они выступали за сохранение ислама как необходимого фактора, способствующего объединению мусульман для достижения общественного прогресса, как средства воспитания народов края в духе высокой морали, патриотизма, дружбы, солидарности, консолидации их усилий в борьбе за выход из кризисного состояния. Джакиды видели в исламской религии важнейшее средство духовного очищения. Но для этого, полагали они, она должна была сама очиститься от средневековой схоластики.

Наглядное представление об отношении джаидов к религии дают одноименные сочинения М. Бехбуди и А. Фитрата «Краткая история ислама», написанные в момент становления джаидского движения. В них по сути был предложен обстоятельный анализ предшествующего пути, необходимый для определения перспектив последующего развития.

Фитрат, в частности, отмечает, что мир от начала своего сотворения некоей «идеей жизни» до Мухаммада представлял собой беспорядочную смену религий, хаос, войны, братоубийство и т.д. Аллах послал через пророка истинную религию, ислам преодолел разобщенность людей, началась эра процветания и прогресса. Мусульмане подарили миру многие из научных новшеств, сохранили европейцам ими же самими ранее созданные интеллектуальные ценности. Но алчность, выразившаяся в забвении идеалов, в «отдаче» себя золоту и деньгам, погубила последователей ислама, их империя (халифат) подверглась междоусобице, раздробленные государства стали легкой наживой колонизаторов.

Бехбуди же направил внимание на философию ислама, справедливо видя в ней пуповину мировоззрения мусульман. Когда-то исламские философы, подчеркивает Бехбуди, спасли для Европы Платона и Аристотеля, позволили возродить на этом континенте античную традицию, освободиться от схоластики. Теперь черед, по его мысли, исламской философии воспользоваться услугами европейцев: необходимо освоить все новое у соседей и, в частности, позитивизм, обратившийся к чувствам, ощущениям, а главное — потребностям человека.

Модернизация ислама виделась джаидам в овладении достижениями науки и передовой технологии в тесном единстве плодотворных заветов первоначальной мусульманской религии и учета современных реалий. На первом этапе зачинатели джаидского движения выступили против монополии конфессионального образования, застывшего в средневековой схоластике, за введение новометодного обучения. Однако по мере поступательного развития их идеология реформы ислама приобретала все большую концептуальную глубину и взаимосвязь с потребностями общественного прогресса.

Джадидское движение приводило к достаточно внушительной ломке традиционных идеалистических систем, активизации светского образования. Вместе с тем оно отражало интересы нарождающейся национальной буржуазии, реалии формирующихся товарно-рыночных отношений. Выступая за реформу традиционного образования, за создание новометодных школ и театральных трупп, за возможность мусульманину иметь дело с банковским и финансовым капиталом, джадиды тем самым отвергали право духовенства на истину в последней инстанции, фактически ниспровергали некоторые устаревшие средневековые догматы ислама, признавая особую роль наук (математики, географии, грамматики и др.) в ускорении социально-экономического прогресса. Об органической увязке потребностей духовного и экономического обновления свидетельствуют многие ранние публикации джадидов. Так, М. Бехбуди в издаваемом им журнале «Ойна» («Зеркало») откровенно писал: «...Вы, уважаемые, должны стараться обучать своих детей современным знаниям, чтобы они служили религии и нации, а служба нации и религии возможна лишь знаниями и деньгами»¹.

Цели эти во многом созвучны с современной преобразовательной практикой. Как в прошлом, так и в наши дни приобщение к интеллектуальному потенциалу, интенсивный экономический рост на базе внедрения рыночных структур, масштабных инвестиций капитала представляют важное условие национального процветания.

Джадидизм означал рационализацию отношения человека к действительности, регулирование взаимоотношений и поведения людей, провозглашение передовых эстетических и духовно-экономических идей. Джадидская политика начала XX столетия отстаивала право человека на законодательно обеспеченную свободу слова, печати, совести, неприкосновенность личности.

Джадидизм, таким образом, с самого начала своего зарождения объективно противостоял коренным устоям колониализма. Вопреки традиционному исламу он стремился видоизменить некоторые устаревшие законы мусульманской веры, приспособивая религию к задачам духовного и эко-

¹ Ойна (Самарканд). 1914. № 21. — С. 391.

номического прогресса. Требование освобождения местного рынка от сковывавших его пут неизбежно приводило к лозунгам национального и социального освобождения, в том числе в качестве первоочередных — создания органов местного самоуправления, национальной печати, защиты прав коренного населения.

Выставляя требование заменить «устаревшие порядки» «полезными», джадилская идеология с первых шагов ее становления превращалась в мощное средство борьбы против отживших социально-экономических условий. Она подготавливала национальные умы к социальным реформам, расчищая путь для усвоения и других прогрессивных идей.

Джаиды хотели видеть свой народ просвещенным, свободным от рабства, невежества, национальной замкнутости. Уже на заре зарождения они предлагали свой путь приобщения населения Туркестана к достижениям мировой цивилизации. Этот путь предполагал не отказ от национальных и религиозных духовных ценностей, а наоборот, опираясь на них, посредством ненасильственных, постепенных преобразований, очищение от устаревших догм и предрассудков, мешавших дальнейшему развитию и прогрессу.

Идеи джаидов нашли горячий отклик среди разнообразных слоев населения. Не случайно уже в начале XX столетия движение джаидов захватило почти всю южную часть Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской областей, Бухарский эмират. Особенно сильные позиции оно имело в крупных городах — Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Намангане, Маргилане, Бухаре, Каттакургане. Только в кочевых районах Туркестана Закаспийской, Семиреченской и на севере Сырдарьинской области оно почти отсутствовало.

Заметное воздействие на организационное и идеологическое развитие джадилского движения оказала первая российская революция. В период 1905—1907 гг. взгляды джаидов начинают приобретать политическую окраску, в их среде усиливается радикализм, начинается отход от прежних, преимущественно лояльных по отношению к ведущим феодальным политическим институтам, позиций. В период российской революции 1905—1907 гг. джадилское движение в Туркестане крепнет в организационном и идейном плане.

Громкий резонанс в крае возымели решения I Всероссийского общемусульманского съезда, прошедшего в Нижнем Новгороде 15 августа 1905 г. и II общемусульманского съезда, состоявшегося 13–23 января 1906 г. в Петербурге. На этих съездах была оформлена организация «Русия мусулмонлари иттифоки» («Союз российских мусульман»), получившая сокращенное название «Иттифок».

Участники II Всероссийского общемусульманского съезда

Первый съезд постановил: «Мусульмане должны по возможности в каждой области открыть новые школы, выпускать газеты, журналы, книги и все это распространять среди народа»².

На II общемусульманском съезде были приняты Устав и программа «Иттифока», избран центральный комитет и его бюро. В резолюции съезда было сказано: «Съезд, принимая во внимание желание съехавшихся представителей и имея в виду близость выборов (в Государственную Думу. — А.С.), находит наилучшим для мусульман присоединиться к конституционно-демократической партии».

² Устав Союза российских мусульман. Напечатано 8 марта 1906 г. Типография К.С. Антокольского. — С. — Петербург.

Согласно решениям съезда мусульманского «Иттифока», его экономическая и идеологическая программы базировались на законах шариата и сам союз строился по принципу не классового деления, а культурно-религиозной автономии.

Важным событием в политическом развитии туркестанской национальной интеллигенции явились выборы в Государственную Думу в 1906 году. Несмотря на тот факт, что мусульманские депутаты из Туркестана принадлежали, за некоторым исключением, к консервативным группам, этот кратковременный парламентский опыт все же способствовал развитию либерально-реформаторского движения.

Ряд факторов совершенно ясно говорит о том, что в этот период устанавливаются тесные взаимоотношения туркестанских джадидов с джадидами Поволжья, Крыма и Кавказа. Так, в 1905 г. в Ташкент приезжал и проводил здесь соответствующую работу член бюро центрального комитета Союза российских мусульман Абдурашид Ибрагимов. Несколько позже, в 1908 г., перед своей поездкой в Каир (Египет) в Туркестане побывал основатель российского джадидизма Исмаил Гаспринский. Он знакомился, в частности, с постановкой преподавания в самаркандских новометодных школах. В сентябре 1910 г. весь Туркестанский край объехал бывший член Государственной Думы, известный татарский джадид Садри Максуди. Он посетил Красноводск, Асхабад, Мерв, Бухару, Самарканд, Коканд, Ташкент и направился затем в Оренбург³.

Ташкент, будучи административным и культурным центром центральноазиатского региона, становился пунктом сбора реформаторов. Ободренное успехами революционной деятельности в России, либерально-реформаторское движение в Туркестане под руководством Мунавара кары, Абдуллы Авлони, Исмаила Обидова, Убайдуллы Ходжаева в Ташкенте, Махмудходжи Бехбуди, Акобира Шомансурзале, Саидахмадходжи Сиддики в Самарканде, Носирхона Туры в Намангане, Обиджона Махмудова, Ашуралли Зохири и Пулата Салиева в Коканде начало распространяться среди городского населения.

³ См.: Пясковский А.В. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. — М., 1958. — С. 544–545.

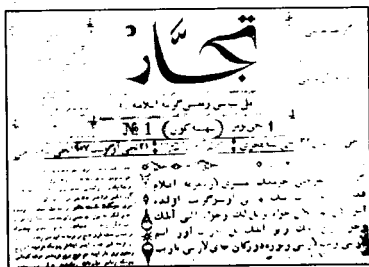
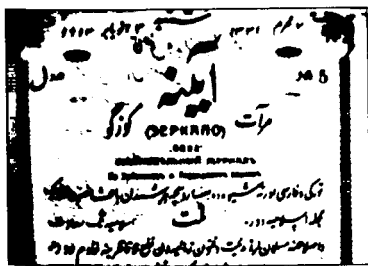

Важнейшим показателем активизации общественно-политической жизни явилось резкое оживление издательской деятельности, в частности прессы.

Первой национальной газетой туркестанских джадидов явилась вышедшая в свет 27 июня 1906 г. газета «Тараккий» («Прогресс»), которая редактировалась видным общественным деятелем Туркестана Исмаилом Обидовым (Габидов).

Наряду с «Тараккий» туркестанские джадиды начали издавать в Ташкенте другие газеты: в 1906 г. «Хуршид» («Солнце»), в 1907–1908 гг. «Шухрат» («Слава»), «Туджор» («Купец»). Причем газеты «Хуршид» и «Шухрат» издавались и редактировались одним из видных лидеров джадидского движения в Туркестане Мунавваром кары. Газета «Туджор» издавалась крупным ташкентским предпринимателем Саидазимбаем.

В дальнейшем в Туркестане появился еще ряд джадидских газет и журналов: «Осиё», «Самарканд», «Садои Туркистон», «Садои Фаргона», «Ойна», «Турон» и др. Эти печатные издания джадидов начали появляться после обнародования российской Конституции 1905 г., которая принесла некоторое ослабление цензуры. Большинство из них были недолговечны, но они сыграли важную роль в распространении реформаторской мысли.

Деятельность джадидов в новых условиях осуществляется в нескольких направлениях. Одним из приоритетных по-прежнему остается просветительство. Так, в обстановке относительного смягчения авторитарного царского режима они заметно активизировали усилия по организации новометодных школ. Уже к 1910 г. таких школ, причем в самых различных районах края, было создано около 50. Крупными центрами джадидских школ стали Ташкент и Коканд⁴.

К началу февральской революции 1917 г. царскими властями в Туркестане было зарегистрировано около 100 новометодных школ, в которых обучалось более 4 тыс. детей: 39 в Сырдарьинской, 30 в Ферганской, 18 в Семиреченской, 5 в Самаркандской области и др.⁵ Все они существовали на частные средства и поддерживались платой за обучение, размер которой колебался от 50 копеек до 3 рублей в месяц.

Несмотря на то, что новометодные школы (мактабы) возникли по частной инициативе и не были обеспечены помещениями и средствами, они быстро завоевали симпатии местного населения и пользовались популярностью настолько, что родители предпочитали платное обучение детей в мактабах, нежели бесплатное в русско-туземных школах.

В новометодных школах обучение грамоте велось звуковым методом по новым учебникам, составленным видными просветителями Туркестана: Саидрасулом Саидазизовым — «Устади аввал» («Первый учитель»), Мунавваром кары — «Алиби аввал» («Первый наставник»), Абдуллою Авлони — «Биринчи муаллим» («Первый учитель»), Рустамбеком Юсуфбековым — «Таълими аввал» («Первоначальное обучение»).

Поначалу из-за неразработанности программ обучения методика преподавания в новометодных школах зависела от наличия средств и индивидуальных особенностей, степени подготовленности учителя: в одних учили только механическому чтению и письму, в других — разговорному языку, в третьих обучение проходило интегрально — чтение, письмо, разговор.

Эффективным средством распространения идей просветительства и национального возрождения явились узбекские издательства и узбекский национальный театр. Ташкентские

⁴ ЦГА РУз. Ф. 12/С. Турк. охр. отд. Т. 1021. Л. 18, 19 об.

⁵ Т а м ж е. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 230.

и кокандские издатели сделали доступными труды национальных поэтов и писателей, среди которых особенно почитался Алишер Навои. Наряду с поэзией и прозой издавались богословские и философские труды XVII–XVIII вв., в частности таких мыслителей Центральной Азии, как Ходжа Ахмад Яссави, Мирза Бедил, Суфи Оллоёр, что дало новый толчок джадидской мысли. Джадиды знакомили своих читателей с публикациями не только центральноазиатских ученых, но и с книгами, изданными в других странах мусульманского Востока, — Персии (Иран), Турции, Египте, Сирии, которые также переживали эпоху национального возрождения.

В данный период джадиды не имели определенной программы, которая объединяла бы всех прогрессистов. Каждый высказывался по-своему и предлагал собственные пути национального развития. Отсюда множество оттенков, иногда прямо противоположных взглядов и предложений, противоречивость в высказываниях и установках джадидов, отражавших собой разнородные влияния. Следует подчеркнуть и то, что в отмеченный исторический промежуток времени джадидами еще не была сформирована идея самоопределения, связанная с национально-культурной автономией. Она находилась лишь в зачаточном состоянии. Однако кое-какие шаги в этом направлении все же делались.

Политическая окраска джадидов в 1905—1907 гг. оставалась еще довольно неопределенной. В документах правительственной комиссии «О разведке вне и внутри Туркестана» в этой связи указывалось, что в крае еще не зародилась, не сформировалась партия «младосартов» со своей национальной программой. Вместе с тем указывалось, что «дело» в данном направлении идет⁶.

Джадиды внимательно следили за политическими процессами в метрополии, изучали программы зарождающихся в России политических партий, перенимали у них опыт политической деятельности. Исходя из опыта демократических сил России, специфики национального менталитета и склонности туркестанского народа к мирному решению проблем, в годы революции джадиды стали предпринимать попытки мирным путем — общественными петициями, публичными

⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 540. Л. 23.

дебатами в Государственной Думе и иными легальными средствами добиваться у царских властей политических уступок для себя и создавать на первом этапе хотя бы минимальные условия, отвечающие объективным потребностям национального развития Туркестана.

Туркестанские джадиды с восторгом встретили известие об открытии Государственной Думы в 1906 г. Они сочли, что посредством пушек, смертной казни, ссылок и арестов невозможно остановить беспорядки и смуту. Единственным средством для их прекращения могла служить Государственная Дума как конституционный демократический институт, который должен обеспечить народу свободу, равенство и справедливость⁷. Тем самым джадиды выступали за парламентаризм. Конечно, в тот период развитие демократической мысли джадидов основывалось на конституционном монархизме. Тогда они не призывали к радикальным мерам, ибо это, по их мнению, могло привести к печальным последствиям. Их тактика заключалась в поддержке процессов демократизации, в обеспечении стабильности нарождающихся демократических институтов, в создании нормальных условий для работы правительства и в то же время в облуманном требовании предоставления автономных прав в области образования и религии.

Таким образом, революция 1905 года зародила в среде туркестанцев первые надежды на возможность публичной политической деятельности. Но жестокость «стольпинской реакции» свела их на нет. При Столыпине туркестанцев полностью лишили возможности проявления политической самостоятельности. Им категорически было отказано иметь хотя бы одного своего представителя в Государственной Думе. Это явилось крайним унижением достоинства и чести народов Центральной Азии. Одновременно облуманно раздувался тезис о вредности идей пантюркизма и панисламизма, якобы угрожающих основам российской государственности. Обвинение в пантюркизме и панисламизме стало использоваться правящим режимом в качестве политических ярлыков, идеологического инструмента в борьбе против национально-освободительного движения и требований гражданских свобод для мусульманских народов.

⁷ Хуршид. 1906. 26 октября.

Растущее возмущение туркестанских джадидов подобной политической практикой властных структур отчетливо выразил М. Бехбуди в ряде своих публикаций того времени. В частности, в помещенной в газете «Тулдор» статье «Дума и Туркестан» он с болью отмечал, что после разгона II Государственной Думы население края оказалось лишено права выбирать своих представителей в «российский парламент». Тем самым туркестанцы, предпочитавшие легально-демократический путь разрешения назревших общественных проблем, объективно утратили возможность влиять на законодательную политику и добиваться мирными средствами необходимых для свободного развития Туркестана политических уступок.

Бехбуди предлагал: «Единственный выход — это собрать в одном месте по одному депутату из крупных городов, а по возможности из всех городов пяти областей Туркестана и направить их в течение октября месяца с петицией в Петербург к его императорскому величеству с просьбой войти в состав депутатов III Думы... Нам нужно посылать людей из числа окончивших университеты и правоведов, хорошо разбирающихся в законодательстве Туркестана и России»⁸.

В вопросе о государственном устройстве России под воздействием решений I и II всероссийских общемусульманских съездов у туркестанских джадидов как идеологов национально-освободительного движения четко вырисовывалась сходная с позицией партии кадетов политическая линия.

Это особенно ярко проявилось в программной статье М. Бехбуди, опубликованной 11 октября 1906 г. в газете «Хуршид». В начале статьи он констатирует необходимость объединения всех мусульман в одну политическую партию, как это сделали русские, евреи и представители других вероисповеданий. Далее, все существующие в России политические партии он разделяет на четыре группы: партия бюрократии и монархистов, партия кадетов, партия социалистов (социал-демократов и социал-революционеров), партия мусульман, которая образовалась 23 августа 1905 г. в Нижнем Новгороде. Бехбуди отрицательно характеризует партию монархистов и считает ее деятельность причиной экономической и культурной отсталости мусульман России, подчеркивая, что эта

⁸ Тулдор. 1907. 9 октября.

партия выступает как барьер между народом и царем. Как показывает автор, она олицетворяет все мрачные стороны самодержавия. По его мнению, если бы не было партии монархистов, народ имел бы возможность непосредственно обращаться к царю, который, зная положение народа, заболел бы о нем.

Бехбуди восторженно отзывается о партии кадетов, симпатизируя ее программе создания системы конституционной монархии, которая, поставив Государственную Думу вместо «синода» и «военного совета», даст возможность царю непосредственно общаться с народом. При такой системе, рассуждает Бехбуди, все классы, нации, в том числе мусульмане, получают свободу и равенство, неограниченную возможность всестороннего развития. Кстати сказать, в национальном вопросе идеологи джадидизма в тот момент стояли на позиции культурно-национальной автономии, которую приняли кадеты.

Говоря о социалистических партиях, Бехбуди показывает, что они стремятся к ликвидации частной собственности и классов, к обобществлению всех средств производства. Возможно; когда-нибудь так и произойдет, но для этого потребуется много веков. Фактически же подобный путь, считал лидер туркестанских джадидов, не что иное как утопия. А самое главное, указывал Бехбуди, пункты программы социалистов о собственности, личности и семье внутренне порочны. Они противоречат законам шариата и не соответствуют менталитету мусульман.

Охарактеризовав партию мусульман России, он призвал всех мусульман Туркестана объединиться в единую партию и войти в состав мусульманского союза. Говоря о линии поведения будущей партии туркестанских мусульман, Бехбуди отмечает, что в вопросах экономики, идеологии и науки эта партия должна принять программу мусульманского союза, а в вопросах политики — программу кадетов⁹.

Но в джадидских газетах и журналах было гораздо больше статей другой политической направленности. Так, например, в газете «Тараккий» содержались призывы к ликвидации привилегий господствующих классов, к установлению ра-

⁹ Хуршид. 1906. 11 октября.

венства наций, к передаче всей земли дехканам, к установлению права на стачки, к переходу на 8-часовой рабочий день. Там писалось, что «правительство, как вампир, пило кровь народа, зверски расправлялось с ним», заявлялось, что царский манифест 17 октября 1906 года – это хитрость для успокоения народа, что вскоре ни капли от этих «свобод» и обещаний не останется и поэтому народ сам будет добиваться, чтобы рухнуло здание царизма¹⁰.

«Тараккий» характеризует царский режим как «темное царство политического произвола, кулацкого гнета и народного невежества». Что же рекомендуется народу? Вот что: «Мусульманам, подобно русским, полякам, евреям, необходимо требовать своих прав и свободы... соединившись с другими нациями, вместе действовать против правительства»¹¹. За подобные статьи и призывы, за прямую поддержку социал-демократии газета была закрыта, а ее редактор Исмаил Обидов арестован.

Революция 1905 г. способствовала, таким образом, дифференциации позиции участников джадидского движения, которое объединяло представителей различных социальных слоев, отличавшихся друг от друга как по социальной принадлежности, так и по взглядам на отдельные проблемы. Революция, вызвав бурные процессы политизации общественного сознания, объективно определила логику дальнейшего размежевания. Среди джадидов обозначились элементы раскола. Стали зарождаться радикальное течение прогрессистов, призывающих к более глубоким преобразованиям в просвещении и более решительным политическим выступлениям, и умеренное, представители которого преимущественно настаивали на реформе богословского образования и выдвигали умеренные политические требования. Однако все участники движения оставались единодушными в главном – в обеспечении национальной независимости народов Центральной Азии.

В целом джадидизм в период революции 1905–1907 гг. представлялся прогрессивным политическим феноменом. Он содействовал пробуждению коренного населения Туркеста-

¹⁰ Тараккий. 1906. 26 октября.

¹¹ Там же. 1906. 19 августа.

на, формированию идеологии национально-освободительного движения.

Межреволюционные годы (1908–1916) для джадилизма характеризовались количественным и организационным ростом. В движении участвовали многие сотни людей, хотя и тогда оно не приобрело подлинно массового характера. Появились подпольные группы джаидов. Так, согласно донесениям полиции, в Ташкенте такая группа, возглавлявшаяся учителем Ахмеджановым, состояла в основном из представителей национальной интеллигенции и учащейся молодежи¹². В Коканде подпольная группа насчитывала более 50 человек, в Андижане джаиды создали нелегальную организацию под названием «Тараккийпарвар» («Прогрессист»), одним из руководителей которой был, по данным охраны, Убайдулла Ходжаев¹³. Военный губернатор Самаркандской области в рапорте за 1913 г. сообщал, что среди мусульман города заметно активизировались и численно выросли сторонники новометодных школ, т.е. джаиды¹⁴. Из документов известно, что группы имели между собой контакты, проводили тайные сходки. Царская агентура в 1909–1916 гг. неоднократно доносила, что многие мударрисы, учителя мактабов на своих сходках ведут пропаганду за реформы школьного дела и управления краем.

Так, в «Кратком отчете о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 г.», представленном царской охранкой Туркестанскому генерал-губернатору, отмечается, что особенностью Туркестанского края являются вечеринки, которые в народе называются «гап». «В гапы собираются по национальностям, возрастам, имущественному положению и иногда по профессиям; так, существуют гапы стариков, богатой молодежи, кузнецов, мелких торговцев и прочих... в количестве от 15 до 30 членов»¹⁵.

В этих гапах активное участие принимали джаиды. Под их идейным влиянием на встречах происходил оживленный обмен мнениями по широкому кругу проблем: говорили на

¹² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 433. Л. 274.

¹³ Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения. — Ташкент, 1925. — С. 48.

¹⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 979. Л. 2728.

¹⁵ Военно-исторический журнал. 1990. № 2. — С. 81.

политические темы, обсуждали текущие события за истекшую неделю, вопросы, связанные с открытием новометодных школ и помощью им, собирали средства на благотворительные акции. Состав гапов постоянно менялся, и они носили весьма расплывчатый характер. Это не были организованные собрания: здесь не составлялось никаких определенных повесток дня, не избиралось руководство, не велись протоколы, решения не фиксировались. Никто не обязан был посещать их, приходили лишь те, кто хотел и кто не был занят в данный момент своими личными делами.

Из числа прогрессивных гапов в Ташкенте охранному отделению был известен тот, в котором участвовали Мунаввар кары, братья Убайдулла и Биширулла Ходжаевы, Абдулла Авлони, Сарымсаков и др.

Вышеуказанный документ предостерегал: «Подобного рода гапы должны бы подлежать государственному контролю и подчинены закону об обществах и собраниях, особенно в настоящее тревожное время, когда каждый гап представляет собой готовую ячейку, чрезвычайно удобную для ведения противоправительственной пропаганды»¹⁶.

В межреволюционный период дифференциация среди джадидов усилилась. В то же время джадидское движение, перерастая культурническую окраску, стало приобретать ярко выраженные политические черты.

Существенное влияние на это оказали несколько внешних и внутренних факторов. Под влиянием младотурецкой революции 1908 года и персидской революции 1905–1911 гг., когда весь мусульманский Восток был охвачен мощным национально-революционным возбуждением, джадидское движение стало приобретать организованный характер.

Влияние идей младотурецкой революции на развитие идеологии национально-освободительного движения в Туркестане было настолько ощутимым, что следовало бы кратко остановиться хотя бы на ее важнейших моментах. Участниками так называемого младотурецкого («ёш турклар») движения были представители интеллигенции, преимущественно офицеры, врачи, мелкие чиновники, отражавшие интересы либеральной буржуазии. Главной политической органи-

---

¹⁶ Там же.

зацией младотурок стал тайный комитет «Иттихад ва тараккий» («Единение и прогресс»), который ставил своей целью усилить позиции нарождавшейся турецкой буржуазии в экономической жизни страны, приобщить ее к политической власти и превратить Османскую империю в конституционное государство. В полосу подъема младотурецкое движение вступило под влиянием российской революции 1905–1907 гг. В 1906–1907 гг. произошли стихийные восстания в Эрзуруме, Трапезунде и других городах, а также на флоте и в некоторых воинских частях. Под влиянием этих событий «иттихадисты», т.е. младотурки, перешли к активным действиям. В июле восстание охватило всю Македонию, где власть фактически перешла к комитету «Единение и прогресс». В своих прокламациях комитет провозгласил лозунги «Свобода, Равенство, Братство, Правосудие», обещал улучшить положение народа. Это привлекло на сторону младотурок сочувствие народных масс.

Младотурецкая революция нанесла сильный удар по султанскому самодержавию. Не имея достаточной военной поддержки, султан Абдул-Хамид вынужден был пойти на ряд политических уступок, ограничивающих абсолютную власть и способствующих введению институтов конституционной монархии. Летом 1908 г. было сформировано министерство, составленное из младотурок. Однако султан Абдул-Хамид не оставлял надежды на восстановление своей абсолютной власти. В феврале 1909 г. он предпринял неудачную попытку переворота. После этого младотурки свергли старого султана и заменили его Мухаммедом V. Лидеры младотурок Талаат-паша, Энвер-паша, Джавид-бей и другие стали во главе министерств.

Как представляется сегодня, младотурецкая революция носила поверхностный характер. Громадная масса народа не полностью осознала идеи революции и не приняла в ней активного участия. В результате революция пошла на убыль. Многие выдвигавшиеся младотурками требования оказались не реализованными. Тем не менее младотурецкая революция имела прогрессивное значение. Младотурки провели ряд мероприятий, нацеленных на развитие национальной промышленности и торговли, формирование рыночных отношений. Обозначился процесс конституционного ограничения влас-

ти монарха. Создавались предпосылки для ослабления позиций иностранного капитала и укрепления экономической мощи национальной «буржуазии».

Младотурецкая революция вызвала повышенный интерес у интеллигенции и предпринимателей Туркестана. Она придала заметный импульс росту национального самосознания и формированию идеологии национальной независимости. Под ее влиянием в программных установках джадидов усиливаются антифеодальные и антиколониальные мотивы, отчетливо проступают идеи борьбы против имперского и местного деспотизма, а также конституционного реформирования сложившихся институтов власти.

Опыт революции 1908 г. в Турции, накладываясь на опыт революции 1905–1907 гг. в России, придал импульс к расширению идеологической и практической деятельности джадидов. Многие из них становятся активными последователями младотурок. Младотурецкая модель стала для них образцом практического решения болезненных социально-экономических и духовно-культурных проблем, а также проблемы обретения национальной свободы. В результате значительная часть местной национальной интеллигенции увидела в Турции естественного союзника в борьбе против российского колониализма. Так, видный представитель джадидов Ферганы Обиджан Махмудов, согласно сведениям охранки, «неоднократно повторял, что Туркестанский край должен быть освобожден от русского владычества, чего, по его мнению, возможно достигнуть лишь путем благожелательного отношения и помощи Турции»¹⁷.

Взгляды О. Махмудова поддерживала влиятельная группа узбекской буржуазии в лице миллионера Миркамилбая, заводчика Умарбая, биржевого маклера Якубходжи и др.¹⁸

Рост аналогичных настроений наблюдался и в других регионах края, что дало царским властям повод к обвинению джадидов в пропаганде идей пантюркизма.

Заметный резонанс в Туркестане вызвала иранская или персидская революция 1905–1911 гг., проходившая также

¹⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 35.

¹⁸ Садыхов Х.Д. Колониальная политика царизма в Туркестане и борьба за национальную независимость в начале XX века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Ташкент, 1994. — С. 19.

под лозунгами конституционного ограничения абсолютной монархии и модернизации общественного строя.

Революция в Иране началась в декабре 1905 г., когда в Тегеране и других городах произошли стихийные митинги и демонстрации, на которых выдвигались требования созыва представительного собрания. Напуганный движением народных масс, шах Музаффар-ад-дин в августе 1906 г. подписал указ о созыве меджлиса (парламента), который начал свою работу в октябре. Разработанная парламентом конституция, подписанная шахом в декабре 1906 г., предоставила меджлису право ограничивать власть шаха, утверждать все законы и бюджет страны и контролировать их исполнение.

В октябре 1907 г. меджлис утвердил «Дополнения к основному закону», которые содержали положения о «правах» иранского народа, о частичном изменении структуры государственной власти, провозглашали некоторые демократические свободы (неприкосновенность личности, собственности и жилища). Однако во многом провозглашаемые изменения оставались на уровне деклараций. Положение широких народных масс не улучшилось, и его недовольство проявлялось в усилении социального протеста. По мере углубления революции в противовес ей складывался контрреволюционный блок шахского правительства, крупных феодалов, реакционного духовенства, компрадорской буржуазии, иностранных империалистов, которому в конечном итоге удалось задушить революцию. В августе 1911 г. были разгромлены все революционные отряды, а в декабре разогнан меджлис.

Иранская революция придала дополнительный импульс освободительным устремлениям туркестанской интеллигенции. Она подтолкнула к переосмыслению и уточнению ряда концептуальных представлений джадидов о путях и методах преобразования феодально-колониальной системы управления; подтвердила извлеченную из опыта российской революции 1905–1907 гг. мысль о большей исторической перспективности мирного, реформистского пути изменения общественного строя, чем чреватой огромными людскими жертвами революционной модели формационного обновления.

Не менее важно и то, что под воздействием персидской революции среди коренного населения Туркестана усилилось понимание необходимости сплочения всех мусульманс-

ких народов под эгидой ислама в общей борьбе против чужеземных поработителей. Как и младотурецкая, иранская революция способствовала пробуждению мусульманского мира, росту исламского самосознания народов Востока, в том числе центральноазиатского региона, выступавшего в качестве одного из базисных элементов национальной идентификации.

Царский, как и впоследствии большевистский, режим оценивал эти процессы исключительно в негативном плане. Панисламизм, как и пантюркизм, был объявлен опасным идейным течением, ориентированным на слом российской государственности, создание общемусульманской державы под главенством Турции или Ирана. Однако материалы исследования убеждают, что значительная часть коренного населения, в том числе джаиды, не стремилась изолироваться от России. Речь шла о мусульманской солидарности в преодолении ненавистных целей колониализма и устранении отживших институтов управления. Исламский фактор стал приоритетным для среднеазиатских мусульман как индикатор политического самосознания, ощущения ими своей духовной и культурной общности с мусульманами других районов России и всего мира.

Панисламизм и пантюркизм питались соками недовольства местного населения колониальными порядками, представляя собой своеобразную религиозно-этническую реакцию коренных жителей края на подавление национальных чувств и деспотизм царского самодержавия. Этот духовно-идеологический феномен наложил глубокий отпечаток на ход и размах национально-освободительного движения. Под влиянием революционных процессов в соседних мусульманских странах демократически настроенная туркестанская интеллигенция пришла к осознанию открытого высказывания взглядов, не совпадающих с официальной идеологией колониальной администрации и взглядами мусульманских кадимистов. Молодые прогрессисты Туркестана стали именовать себя «ёш сартлар» (младосарты), «жадидлар» (джаиды), «тараккийпарварлар» (прогрессисты) и т.д.

Дальнейшая эволюция идеологических представлений джаидов обозначилась в годы первой мировой войны. Всеобщий духовный кризис, наступивший с началом войны,

ознаменовался изменением отношения ко многим традиционным формам общественного сознания. Оно освобождалось от казенщины, догматизма, элитарности. Шел процесс расчистки путей для восприятия новых идей и представлений. Большинство джадидов уже не удовлетворяла пресмысленная замкнутость в рамках культурно-просветительской деятельности. По воспоминаниям Ф. Ходжаева, «они требовали выдвижения политического момента, точной формулировки политических задач»¹⁹.

Члены прогрессивного общества «Тараккийпарварлар»

¹⁹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии // Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. – Ташкент, 1970. – С. 94.

Война способствовала радикализации мышления джадидов. В их среде усилилась критика основных постулатов официальной идеологии, механизма политической жизни. Возрастает интерес к демократическим политико-правовым институтам и порядкам, установившимся в развитых странах Европы. В частности, они писали о парламентской монархии и республиканской форме правления, о президентской власти, демократических свободах граждан, о формах участия последних в управлении обществом и государством, в формировании государственных органов, в законотворческой работе.

Другим центром устойчивого внимания национальных демократов стало осмысление идеологии и тактики национально-освободительной борьбы колониальных народов. Причем и к освоению политико-правового опыта различных европейских стран, и к изучению опыта антиколониального движения джадиды подходили творчески. Из обширной практики государственного строительства и законодательства стран Европы, идеологии и тактики борьбы антиколониальных и демократических движений народов России и Востока джадиды отбирали то, что, по их мнению, соответствовало условиям их страны, и отбрасывали или видоизменяли то, что этим условиям не соответствовало.

Усиление политической направленности в идеологической и социально-практической деятельности национальной интеллигенции обусловило дальнейшее размежевание джадидов на сторонников сугубо культурно-просветительской работы и приверженцев программы реформирования общественно-политических институтов и освобождения от оков колониализма.

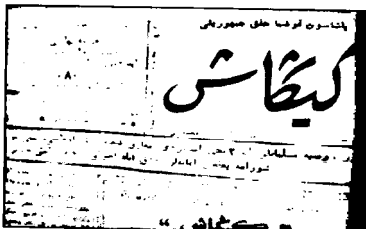
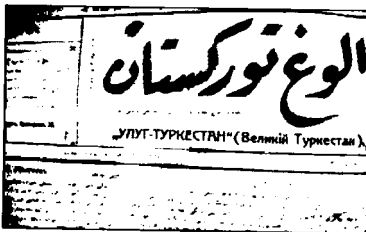
Обозначились также противоречия в отношении к войне. Одна часть выступала с ее осуждением, другая занимала выжидательную позицию. Определенная группа туркестанских джадидов ориентировалась на Турцию, но большинство — на Россию.

Заметное воздействие на идейные воззрения джадидов оказало восстание 1916 года. Оно способствовало усилению мотивов освободительной борьбы, кристаллизации идей национальной независимости. Джадиды вели в этот период искусную политику по разоблачению произвола колониальных властей. Они поддерживали освободительные устремления восставших, посредством деятельности «туземных комитетов по набору рабочих» в меру своих сил и возможностей делали все,

чтобы облегчить участь тыловых рабочих, устранить произвол и бесчинства властей в отношении их обеспечения.

В целом к началу февральской революции 1917 года радикальная часть туркестанских джадидов, представлявших течение «прогрессистов», выдвинула уже обширный ряд политических требований. В их числе: основательная реформа управления краем путем расширения прав коренного населения, предоставления ему соответствующего количества мест в Государственной Думе, обеспечение основных демократических свобод и прежде всего – свободы национальной печати, замена самодержавия конституционным режимом и т.д. Вместе с тем ни в одном документе эти требования в совокупности не излагались. Четкая политическая программа по-настоящему еще не была отработана.

Переломным этапом в политическом пробуждении мусульманского населения Туркестанского края, выходе на политическую арену новых сил, заявивших о своем стремлении возглавить развертывавшиеся демократические процессы, стала февральская демократическая революция 1917 года. Под ее воздействием создаются национальные политические партии и организации, начинают издаваться новые газеты («Турон», «Улут Туркистон», «Наджот», «Кенгаш», «Хуррият» и др.), отражающие взгляды и интересы демократически настроенной национальной интеллигенции и разнообразных слоев коренного населения.

Ядром кристаллизирующихся национально-демократических сил стали джаиды, подготовленные к этой роли всей своей предшествующей деятельностью. Они возлагали большие надежды на революцию и объявленные ею демократические принципы, ожидали объемного воплощения идеалов прогресса и независимости народа.

С началом февральской революции необычайно возросла общественно-политическая активность джаидов. Они стремились возглавить движение масс, призывали коренное население принять деятельное участие в процессах обновления. Так, один из видных лидеров джаидского движения Абдурауф Фитрат писал в те дни: «Прошло три месяца со дня русской революции, но наш народ еще не осознал смысла свободы и революции. Ему надо пояснить секреты свободы и революции, их причину и пользу. Для этого надо подготовить листовки, воззвания, обращения, провести митинги и конференции»²⁰.

Аналогичные мотивы присутствуют и в программной статье, опубликованной в газете «Хуррият». В ней подчеркивалось, что нельзя быть сторонним наблюдателем, что местное население должно активно включиться в революционное движение, подобно русским рабочим и солдатам, ибо «тот, кто в революционное время бездействует, тот будет плестись в хвосте»²¹.

В процессе революции джаидам удалось повести за собой социально разнородные слои коренного населения, пробудить в их сознании потребность в сплочении, укреплении единства мусульман.

Это наглядно отразилось в произведениях Саидахмадходжи Сиддики (Алжзи), Хамзы Хакимзода Ниязи, Лугфуллы Хижрона и др. Так, поэт Сиддики (Алжзи) в марте 1917 г. опубликовал сборник стихов под названием «Новая свобода», в котором приветствовал свержение царизма и выражал надежду, что новая власть удовлетворит чаяния угнетенных при царизме народов Туркестана.

Февральская революция привела к изменению организационных форм движения джаидов. Прежние, чисто джа-

²⁰ Хуррият. 1917. 2 августа.

²¹ Там же. 1917. 29 августа.

дидские кружки в большинстве случаев уже самостоятельно не действовали — многие их члены влились в организации «Шурои-Исломия», «Турон», а также в «Иттифоки».

Джаиды стали активно разрабатывать программные документы, стратегию и тактику практических действий.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что обозначившийся еще в 1914–1915 гг. раскол в джаидском движении заметно усилился после Февраля и окончательно закрепился накануне Октября.

Провозглашенный революционной демократией лозунг о культурном и национальном самоопределении народов был неразрывно связан с основной линией деятельности джаидов, направленной на просвещение народных масс и подъем их на борьбу за национально-демократические интересы.

Мусульманское население Туркестана, имеющее, бесспорно, собственную многовековую культуру, получив возможность проявить свою национальную самобытность, сразу же устремилось к созданию национальной начальной школы. Это привело к созыву I Краевого съезда учителей-мусульман, проходившего с 20 по 23 мая 1917 г. в Ташкенте, на котором главным предметом обсуждения явилось обучение в мусульманских школах. На съезде были заслушаны выступления муадarrisов (преподаватель медресе. — А.С.) и муаллимов (учитель школы. — А.С.), приехавших из разных областей. С докладом о реформе школьного дела в Туркестане выступил Мунаввар кары, которого делегаты единогласно избрали председателем съезда.

Большой спор вызвал тезис доклада «Духовные, так называемые старометодные школы подлежат реформированию». Кадимисты, т.е. сторонники старометодной школы, мулла Омар Охунд, Мухаммад Азим Махмуд, мулла Одил Муфти воспротивились этому положению и настаивали на том, чтобы оставить мусульманские конфессиональные школы без изменений. Вслед за ними выступили новометодники-джаиды мулла Муслим, Саидахмад Васлий, Омарбек Улвий и сам Мунаввар кары, которые убедили присутствующих в необходимости постепенного проведения реформы старометодных школ; только в этом случае, считали они, туркестанцы могут выбраться из пут невежества и отсталости.

В конечном итоге был принят компромиссный вариант в следующей формулировке: «Духовные, так называемые

старометодные школы подлежат постепенному реформированию, согласно Шариату»²².

После долгих дискуссий об устройстве школьного дела в Туркестане были приняты резолюции, в которых указывалось следующее: существовавшие до сего времени русско-туземные школы отныне должны быть заменены национальными; преподавание в школах, которые делятся на низшие, средние и высшие, должно вестись на родном языке учащихся; начальное обучение должно быть всеобщим, обязательным, бесплатным и шестилетним, причем средства на содержание школ выделяются из казны государства, земств и городских самоуправлений; все учителя и школьники без различия национальностей должны быть уравнены в правах²³.

В принятых решениях установлено, что все медресе должны делиться на три ступени: низшую, среднюю и высшую. Учебно-воспитательный процесс в медресе находится в ведении Совета мудarrisов. Надзор же за работой медресе, по решению съезда, осуществляет духовное управление.

Особое внимание съезд уделил внешкольному образованию. В целях развития и просвещения народа в различных местах было решено открыть библиотеки и читальни, передвижные школы для кочевого населения; устраивать лекции, чтения, курсы; открыть в Ташкенте национальный музей; для детей дошкольного возраста открыть воспитательные дома и детские сады; для объединения всех учителей Туркестана учредить Центральный Учительский Союз²⁴.

I Туркестанский краевой съезд учителей-мусульман явился важным этапом в развитии педагогической мысли. Совет туркестанских учителей-мусульман, образованный на этом съезде, незамедлительно принялся за разработку программы по реорганизации русско-туземных школ в национальные. В августе 1917 г. проект программы был готов, а уже в сентябре представлен на утверждение Ташкентской городской Думы.

10 сентября состоялось заседание Думы. С докладом о реорганизации русско-туземных школ в национальные выступил Мунаввар кары Абдурашидхонов. Из доклада следовало, что Совет

²² Наджот. 1917. 28 мая.

²³ Там же.

²⁴ Наджот. 1917. 2 августа.

туркестанских мусульманских учителей, председателем которого являлся Муродходжа Салиходжаев, а секретарем С. Абдусатторов, счел необходимым обратить внимание членов городской Думы на ряд обстоятельств, которые следует учитывать при обсуждении вопроса о том, что вследствие враждебной политики русификации старого режима местное население оставалось в темноте невежества и в настоящее время испытывает крайнюю нужду в интеллигентных работниках — учителях. Русское население, впятеро меньшее по численности, располагает десятками учебных заведений разного типа, а для туземного населения города Ташкента, несущего налоговое бремя наравне с русским населением, открыто всего лишь 11 начальных школ.

Имея в виду то обстоятельство, что революционное правительство своей Декларацией оповестило всех граждан России о праве наций на полное самоопределение, ташкентское мусульманское учительство обратилось к демократической Думе с требованием преобразовать имеющиеся русско-туземные школы в национальные мактабы и открыть еще 11 мактабов: в Шайхонтаурской части — 2, в Сибзарской, Кукчинской и Бешагачской частях — по 3; уравнивать жалованье туземных учителей с жалованьем учителей русских; открыть 2-годовые учительские курсы²⁵.

Новометодная школа

²⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 21. л. 55.

В программе указывалось, что с начала 1917/18 учебного года название «русско-туземная школа» меняется на название «миллий мактаб» («национальная школа»).

Городская Дума долго обсуждала данный проект реорганизации русско-туземных школ в национальные и все-таки утвердила его. Однако сентябрьские, а затем октябрьские события 1917 года в Туркестане заставили отложить реализацию этого проекта на более поздний период.

По мере изменения обстановки в стране джадиды наряду с вопросом реформы школьного образования все более настойчиво стали поднимать актуальные проблемы реформации общественно-политического строя. В февральский период отношение туркестанских джадидов к колониальной политике метрополии, политико-правовым институтам резко изменилось. Они уже не ограничивались критикой отдельных представителей колониальной администрации и пороков государственных органов. Национальные демократы пошли дальше. Они подвергли острой критике колониализм вообще, вскрывали его корни, на передний план выдвинули идею государственной независимости, окончательно отказались от прежней идеи поддержки конституционной монархии и выступили за предоставление Туркестану национально-территориальной автономии в составе Российской Федеративной Демократической Республики (РФДР).

Джадиды считали, что «светлое будущее туркестанского народа будет гарантировано лишь только в условиях федерации. Без этого Туркестан вовсе не может существовать»²⁶.

«Яшасин кўшма халқ жумхурияти!» («Да здравствует Федеративная Республика!») с таким лозунгом в 1917 г. начали издаваться джадидские газеты «Кенгаш», «Турон», а затем орган партии туркестанских федералистов «Турк эли». По определению газеты «Турк эли», этот лозунг означал «объединение Туркестана с благожелательными к нему нациями на правах национально-культурной и территориальной автономии»²⁷.

В программных документах джадидов пристальное внимание уделялось разработке механизма реализации принци-

²⁶ Турк эли. 1917. 4 октября.

²⁷ Там же.

пов национально-территориальной автономии, в частности, организации высших органов власти, управления и суда края, призванных осуществлять самостоятельные полномочия Туркестана — издание законов по вопросам, отнесенным к компетенции Туркестанской Федеративной Республики, создание своих государственных структур и т.д.

В качестве базисной формы управления была избрана республиканская. Приоритетной целью определялось формирование демократического общества, где должны быть конституционно гарантированы демократические права и свободы. Несомненной заслугой джаидов в те годы явилось выдвижение идеи равенства перед законом всех наций и народностей Туркестана во всех сферах экономической, общественно-политической, правовой и культурной жизни.

Примечательно и то, что претворение в жизнь своих идей о государственной независимости туркестанские джаиды связывали с миром и согласием между различными общественными силами страны, с созывом сформированного на демократической основе Учредительного собрания России.

Дальнейшее углубление получили идеи реформации мусульманского общества. В теоретических воззрениях джаидов настойчиво звучал призыв к восстановлению былого могущества ислама и мусульманских народов через упрощение обрядов и освобождение от всего наносного и фанатичного. Не подвергая сомнению религиозные основы мусульманского общества, реформаторская мысль джаидов была направлена на обновление только структуры. Они предлагали пересмотреть общественно-философскую систему ислама не только с позиций развития культуры, науки и образования, но и в свете задач антиколониальной борьбы. Джаиды, в частности, учили, что «идея народовластия содержится в самом исламском учении», и проповедовали общество, основанное на принципах исламской демократии. Учение реформаторов, своим острием направленное против колониального гнета и на национальное возрождение, пользовалось широкой популярностью среди мусульманского населения. Джаиды пытались модернизировать ислам и приспособить его к целям национально-освободительного движения народов мусульманского Востока как объединяющий фактор в борьбе против европейских колонизаторов.

Джадидизм как мощное и влиятельное политическое течение формировалось и крепло под влиянием социально-экономических и культурных событий в жизни Туркестана. Оно представляло собой динамическое движение, отражавшее кровные интересы коренного населения края.

Уже на заре своего становления идейные воззрения джадидов содержали много базисных положений идеологии национального возрождения. Джадидизм с самого начала ориентировался на прогрессивный эволюционно-реформистский путь преобразования общества, органически увязывал задачи борьбы против колониализма и тормозивших общественный прогресс феодальных институтов.

Заметное воздействие на углубление теоретических представлений и последовательную политизацию джадидского движения оказали российская революция 1905–1907 гг., национально-освободительная борьба народов Турции, Ирана, Египта, реалии первой мировой войны, восстание 1916 года.

К 1917 году джадидизм уже носил организованный характер. Главная задача джадидов-демократов в 1917 г. виделась в том, чтобы превратить Туркестан в грамотную, просвещенную, обеспеченную всем необходимым страну. Они глубоко осознавали, что в реалиях того времени это осуществимо лишь в условиях самостоятельного развития в составе Российской федеративной демократической республики. В соответствии с этим национальные демократы стали требовать предоставления Туркестану национально-территориальной автономии.

1.2. Общественно-политические перемены в Туркестане после февраля 1917 г.

Свержение царизма в феврале 1917 года вызвало бурные процессы политизации туркестанского общества. Сотни тысяч политически «спавших» в течение многих лет людей «проснулись» и потянулись к политике. Началась перестройка правительственных структур. Повсеместно создавались общественно-политические организации и партии, появилась возможность более свободно выражать политические интересы.

В предшествующих публикациях, особенно советского периода, послефевральский процесс оценивался преимущественно вне учета специфики его проявления в «европейской» общине и мусульманской среде. Сложилось ошибочное представление, будто он носил в основном идентичный характер. Различие виделось лишь в степени интенсивности политических процессов. При этом мусульманским национальным организациям и движениям отводилась подчиненная роль. Настойчиво подчеркивалось, что импульсы революционного обновления шли от России и местных европейских политических движений. Между тем в послефевральский период коренное население не только активно втягивалось в политическую жизнь, но и оказывало заметное воздействие на разворачивание исторических событий. Крупный шаг в своем политическом развитии сделала национальная интеллигенция. В сложном переплетении развернувшейся политической борьбы она смогла выдвинуть самостоятельную модель национального развития, концептуально выразить надежды и чаяния широких мусульманских масс.

Февральская революция была восторженно встречена жителями Туркестана. Объявленные революцией лозунги Свобода, Равенство, Братство вселили в сердца подавленных колонизаторской политикой России мусульман надежды на светлое будущее.

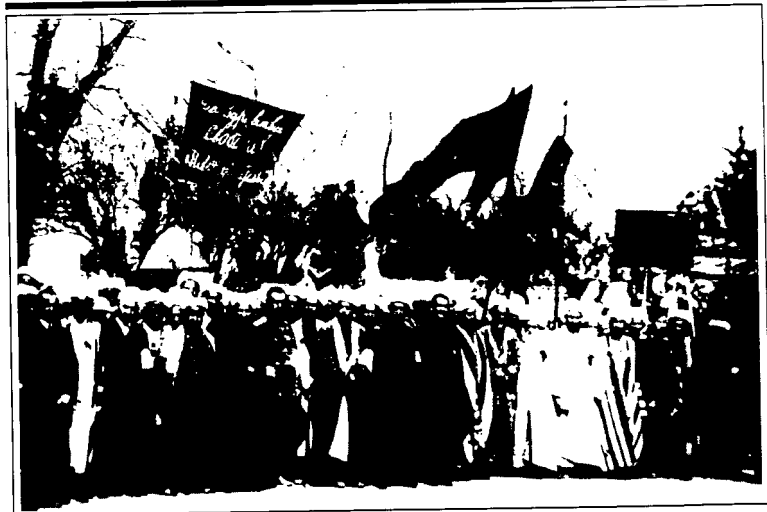
Самаркандская газета «Хуррият» писала: «Наконец-то в России свершилась революция, о которой мы мечтали и которую мы с нетерпением ожидали. Свергнуто старое правительство. Нам предоставлены свободы. Теперь мы имеем свободу слова, свободу печати. Теперь, когда мы будем говорить и писать правду, нам не станут затыкать рты. К нам будут прислушиваться, когда мы будем требовать свои права»¹.

Во многих городах и кишлаках проходили стихийные митинги и манифестации, на которых принимались решения о создании различных демократических общественных организаций.

Газета «Туркестанский курьер» писала: «Улицы городов были разукрашены флагами. В Ташкенте многотысячные митинги состоялись возле Дома свободы и на Шайхонтаурской

¹ Хуррият. 1917. 16 апреля.

Митинг в Самарканде, март 1917 года

площади. Ораторы, приветствуя победу революции, выражали надежду, что новое правительство улучшит положение народа, будет всемерно бороться с разрухой, разрешит земельно-водный вопрос, защитит права национальных меньшинств².

И казалось, что надежды стали оправдываться. В опубликованных 3 марта Декларации и 6 марта «Обращении к гражданам России» Временное правительство как центральный орган власти изложило заманчивую программу демократических преобразований. Оно торжественно заявило о введении политических свобод — слова, печати, союзов, собраний; предоставлении народу права политического волеизъявления; отмене всех сословных, религиозных и национальных ограничений; немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, призванного установить форму правления и принять конституцию страны; выборах в органы местного самоуправления; замене полиции народной милицией; полной политической амнистии. Правда, во внешней политике Временного правительства заметных перемен не намечалось. Оно объявило о своем стремлении довести войну

² Туркестанский курьер. 1917. 12 марта.

«до победного конца» и неуклонно выполнять договора и соглашения, заключенные прежним правительством с союзными державами.

Однако, как показали последующие события, демократический потенциал февральской революции оказался не полностью реализованным. Многие обещания так и остались на уровне декларации. Призывы к кардинальным переменам не воплотились в живой конкретике практических дел. Особенно это касалось болезненных для коренного населения Туркестана вопросов национального самоопределения, ликвидации колониального статуса края, права самому определять свою судьбу.

Противоречия февральской революции проявились уже с первых шагов деятельности Временного правительства. В Туркестане они выразились в центральном пункте ожидаемых коренным населением революционных изменений — ликвидации царской колониальной администрации.

Особенностью политического положения в крае на первом этапе «февральского обновления» явилось то, что Временное правительство фактически пыталось не только сохранить здесь старую военно-колониальную систему управления, но и оставить в неприкосновенности старую администрацию. Царский наместник генерал-губернатор Куропаткин еще долгое время после свержения самодержавия продолжал править краем, представляя в Туркестане Временное правительство. Командированный в Ташкент комиссар Временного правительства член Государственной Думы князь Васильчиков имел лишь совещательные права³.

В советской исторической литературе справедливо указывалось, что созданные на гребне февральской революции краевые общественно-политические организации и движения вынуждены были приложить немалые усилия, чтобы сломить сопротивление царской администрации. Однако односторонне выпячивалась деятельность европеизированных Советов, а также русских солдат и рабочих. Не менее характерным явилось и то, что в советских публикациях довольно подробное освещение получили послефевральские события в

---

³ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане: Сб. док. — Ташкент, 1947. — С. 23.

новгородской части крупных городов Туркестана — Ташкента, Самарканда, Ферганы, Коканда, Маргилана, а вот общественно-политическим переменам, происходившим в старгородских кварталах и кишлачных районах, представленным, как правило, коренными жителями края, не уделялось должного внимания. В исследованиях приводились отрывочные сведения о политическом движении мусульманского населения в мартовские дни 1917 г., искажалась информация о патриотической деятельности национальной интеллигенции, прежде всего джадидов, принижалась ее роль в мобилизации коренного населения на борьбу против колониально-имперских структур, за национальное возрождение Туркестана.

Между тем национальные организации и движения приняли самое деятельное участие в ликвидации аппарата царского самодержавия и дальнейшем углублении обновленческих процессов. Хотя надо отметить, что приобщение коренных народностей Туркестана к революционным преобразованиям проходило в условиях деятельности разнородных сил, отражавших множественность оттенков и направлений идейных воззрений на настоящее и будущее края. Если взять в общем, то условно можно выделить два альтернативных течения: правые и левые.

Правые выступали носителями консервативной клерикальной идеологии. Они выражали интересы той части светских и духовных феодалов, которая занимала должности в местной администрации и пользовалась относительными привилегиями. Левые представляли интересы социальных групп и слоев, кровно заинтересованных в коренном изменении общественного устройства, в ликвидации колониальных политических и экономических институтов.

Правые в годы царского правления всецело поддерживали колониальную администрацию и политику самодержавия. В условиях февральской революции они выступали за сохранение патриархально-феодалных устоев в быту и общественной жизни, за поддержку мероприятий Временного правительства, нацеленных на сохранение имперских институтов.

В отличие от правого левое крыло представлялось гораздо более политически дифференцированным. Оно включало в себя, во-первых, представителей клерикальных слоев, отстраненных от рычагов власти и открыто высказывавших недовольство агрессивной колониальной политикой царизма. В дофевральский период левые выдвигали идеи завоевания свободы и независимости страны путем вооруженного восстания, восстановления ханской власти и законов шариата, утраченных привилегий землевладельцев и мусульманского духовенства, ограждения народных масс края от влияния европейской культуры и нравов. В послефевральских реалиях часть из них сделала заметный шаг в сторону демократии, хотя по ряду ключевых вопросов (религии, шариата и т.д.) оставалась на прежних позициях. Наиболее полные взгляды этой части коренного населения выражала политическая организация «Шурои-Уламо».

Другое направление в движении левых было представлено радикально настроенной частью национальных рабочих, дехкан, ремесленников и др. В дофевральский период они принимали деятельное участие в вооруженных выступлениях против царского самодержавия. Это была в принципе стихийная сила. С падением царского режима какая-то часть из них попала под идейное влияние большевизированных Советов, ставивших своей целью насильственный захват власти. Доминирующая же группа, глубоко недовольная политикой Временного правительства, а затем Советской власти, составила основу развернувшегося впоследствии массового движения борцов за свободу и независимость, вошедшего в историю под надуманным названием «басмаческое движение».

Между «правыми» и «левыми» располагались «центристы», предлагавшие путь цивилизованного реформирования общества. В социальном плане они отражали интересы основной массы национальной интеллигенции и носителей товарно-рыночных отношений. В политическом плане они были представлены джадидами, «прогрессистами» и другими течениями реформистов. В условиях послефевральского «обновления» наиболее представительными политическими организациями мусульманских «центристов» являлись «Турон», «Шурои-Исломия», «Турк адами марказияти фиркаси», «Алаш-орда» и др.

Особое место в расстановке политических сил коренного населения занимал «Иттифок» («Союз трудящихся мусульман»). Представленный преимущественно демобилизованными тыловыми рабочими, «Иттифок» находился под патронажем европеизированных Советов и не выдвигал самостоятельной политической программы. По политической ориентации его члены стояли в основном на позициях, близких к российским «соглашательским» партиям меньшевиков и эсеров, которые в первые месяцы после свержения царя не ставили своей целью овладения рычагами власти, а предлагали, как и национальные демократы, методы цивилизованного решения острых проблем общественного переустройства.

Указанные политические формирования не являлись застывшими структурами. В каждом из них протекал процесс последовательной политической дифференциации, поляризовались идейные позиции, отслаивались новые направления. Под влиянием возникающих общественных реалий какая-то их часть все более радикализировалась, другая, напротив, переходила на значительно умеренные и даже консервативные позиции. Границы между политическими партиями и организациями оставались подвижными. На отдельных отрезках переломного «февральского времени» они сближались, на других дистанцировались. Однако в начале революции, несмотря на идейные расхождения, все заинтересованные в обновлении политические группы и слои мусульманского общества были едины в стремлении ликвидировать ненавистную царскую колониальную администрацию.

Вместе с тем уместно подчеркнуть, что в силу известной незавершенности программной и структурной консолидации ведущих сил мусульманского общества в первые мартовские дни политическую инициативу во многом перехватили европейские политические движения. Так, уже 2 марта на митинге рабочих Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги был создан первый в Туркестане Совет рабочих депутатов. 3 марта образовался Ташкентский Совет рабочих депутатов, 4 марта — Ташкентский Совет солдатских депутатов⁴. В конце марта оба этих Совета объединились. Вслед за образованием Совета рабочих и солдатских депутатов стали возникать Советы крестьянских депутатов.

⁴ Туркестанский курьер. 1917. 8 марта.

Ташкентский Совет Рабочих Депутатов.

Товарищи рабочие!

Это марта в Ташкенте путем выборов от рабочих Ташкентский Совет Рабочих Депутатов являющийся Вашим представителем и защитником интересов рабочего класса. Одной из главных обязанностей, возлагаемых на себя советом Рабочих депутатов являющейся Вашим представителем и защитником в интересах рабочего класса одной из главных обязанностей возлагается на себя Советом Рабочих Депутатов митинг в настоящее поддержание полного спокойствия в городе и предотвращение всяких нежелательных выступлений с этим призывом Совет Рабочих Депутатов обращается к вам, товарищи, рабочие! Не прекращайте ни на минуту. Выше! Важней для дела защиты работы работы, сохраняйте полное спокойствие, не слушайте призывов отдаленных лиц, остерегайтесь возможных провокационных выходов. Следя полюбавшему стало строем. В такой же мир Совет Рабочих Депутатов обратился с призывом к Ташкентскому Туркестанскому выбор представителя от воинских частей и образовании Совета Воинских Депутатов, который должен взять на себя поддержание дисциплины в войсках и предотвращение отдаленных, разрозненных выступлений.

Совет Воинских Депутатов уже избран и работа его идет в полном согласии с работой Совета Рабочих Депутатов, представители воинских Депутатов участвуют в заседаниях Совета Рабочих Депутатов, и представители Рабочих Депутатов — в заседаниях Совета Воинских Депутатов.

Далее Совет Рабочих Депутатов обратился с одной стороны к нашим товарищам, работающим на Средне-Азиатской, Ташкентской Ферганской и Бухарской жел. дорогах с призывом организоваться избрать Совет Рабочих Депутатов и прислать из представителей на Обще-Туркестанский Съезд Советов Рабочих Депутатов, а с другой стороны к Петроградскому Совету Рабочих Депутатов с просьбой о присылке указаний об общей тактике рабочего класса.

Пока же Совет Рабочих Депутатов всецело приняв программу ближайшей деятельности Ферганского Представителя, постановил добиваться, в единении с представителями прогрессивных общественных организаций, полной демократизации, местной власти и создания в Ташкенте Исполнительного Комитета для проведения в жизнь начал, провозглашенных Ферганским Правительством, Ташкентский Совет Рабочих Депутатов.

терным было восприятие себя в качестве инородного элемента. Окруженные со всех сторон чуждой культурой, сталкиваясь со своеобразным менталитетом местных народов, «европейцы» так или иначе оказывались зараженными идеологией великодержавия. Их мышление отличалось имперской направленностью, хотя и с разной степенью выраженности.

Коренное же население консолидировало идеи национальной свободы, покоящиеся на желании сохранить этническую самобытность, иметь возможность самим определять свою историческую судьбу, развиваться в рамках устоявшихся духовно-религиозных традиций.

Это базисное противоречие двух анклавов населения Туркестана находило отражение во всей палитре политической жизни края. Оно наложило глубокой отпечаток на характер и динамику развертывания политических событий послефевральского и октябрьского этапов отечественной истории.

По своему национальному составу образующиеся Советы были представлены преимущественно представителями европейской части населения края, интересы которого во многом не совпадали с интересами коренных туркестанцев. Ведь, несмотря на отличие политических взглядов и мировоззренческих представлений разнообразных социальных слоев и политических движений внутри европейской общины, всех их объединяло чувство принадлежности к России. Свою судьбу, перспективы общественного переустройства они связывали в первую очередь с метрополией. Интересы же края, если и учитывались, то как вторичные. Для подавляющей части европейского населения характерным

Альтернативность стратегии политического мышления и перспектив исторического развития Туркестана зримо проявилась уже в начале революции, в частности, в вопросе закладки новых властных структур. Так, в первые мартовские дни у здания Ташкентской городской Думы собрались представители различных общественных организаций города и приняли решение об избрании Ташкентского исполнительного комитета общественных организаций (Ташгорисполком). Однако в список кандидатур, избираемых в исполком, были включены в основном делегаты от европейской (новгородской. — А.С.) части Ташкента. Это вызвало обоснованное недовольство со стороны коренных жителей.

На состоявшихся 6 марта в мечети Джамии, расположенной на площади Чорсу, выборах в Ташгорисполком от старого города были выдвинуты 8 кандидатур. Из них избрали двоих — лидеров джадидского движения Убайдуллу Ходжаева и Ташпулатбека Норбутабекова, учитывая то, что они хорошо разбираются как в мусульманском, так и в российском законодательстве. К сожалению, по поводу кандидатур сразу же обозначились противоречия между различными политическими течениями внутри мусульманской общины. В тот же день с протестом против данных кандидатур выступила консервативная часть духовенства — кадимисты.

Они отправили по махаллям своих агитаторов. Возражая против решения молодых прогрессистов, кадимисты заявили: «Кто дал им право самовольно избирать кандидатов в Ташгорисполком, не посоветовавшись с нами? Почему никого нет от уламо, баев и амалдаров?»⁵.

Джадиды, не желая идти на обострение отношений с кадимистами, приняли решение вновь собрать народ на митинг и заручиться его полной поддержкой. В каждой махалле они развесили объявления, в которых жители старого города приглашались 9 марта в мечеть Джамии на митинг по поводу избрания депутатов в Ташгорисполком. К намеченному сроку собралось более 20 тыс. человек. Участники митинга избрали Убайдуллу Ходжаева его председателем, Мунаввара кары — заместителем председателя, Исламбека Худоярхонова секретарем. Следуя мусульманской традиции, сначала луч-

⁵ Наджот. 1917. 23 марта.

ший чтец Корана Абдусами кары прочел суры из Корана в честь памяти жертв Свободы «Хуррият курбонлари».

Затем Мунаввар кары ознакомил присутствующих с повесткой дня и разъяснил порядок выступлений. Около 30 ораторов выступили с пламенными речами. У некоторых из них от волнения на глазах появились слезы.

Активное участие джаидов в собрании, их яркие речи об открывающихся в связи с революцией перспективах в судьбе народов края способствовали созданию среди его участников атмосферы доверия и единства. В памяти у многих осталось красноречивое и взволнованное выступление Убайдуллы Ходжаева.

Собравшиеся еще раз большинством голосов подтвердили полномочия Убайдуллы Ходжаева и Тошпулатбека Норбутабекова. Таким образом, они стали официальными избранниками всего народа, а не только молодежи, как утверждали кадимисты. На этом же собрании было принято еще одно важное решение: его участники выбрали 40 человек от четырех кварталов Ташкента для того, чтобы они поддерживали постоянную связь с депутатами Ташисполкома и своевременно информировали население о принятых на нем решениях.

Однако 10–11 марта вновь прокатилась волна недовольства избранными депутатами. Она инициировалась сторонниками уламо, амалдаров и баев. Как только Убайдулла Ходжаев и Тошпулат Норбутабеков узнали об этом, они сразу же добровольно отклонили свои кандидатуры и настояли на повторных выборах.

Такое решение привело всех в возбужденное состояние, ибо подавляющая часть старгородских жителей Ташкента полагала, что кроме выдвинутых ими депутатов не было подходящих кандидатур, способных в полной мере защитить права мусульман на заседаниях Ташгорисполкома.

13 марта в очередной раз собрался общенародный митинг. К 10 часам утра мечеть Джами снаружи и внутри была переполнена людьми. Вот что писала газета «Наджот» об этом дне: «По всей вероятности, такое организованное мирное собрание, на которое собрались 40 тысяч человек, в Туркестане наблюдается впервые. Этот митинг показал, что мусульмане Туркестана — организованный и культурный народ»⁶.

⁶ Наджот. 1917. 23 марта.

Как только открылся митинг, слова попросил Мунаввар кары. Он предложил избрать председателя, его заместителя и секретаря. Председателем единогласно утвердили Абдулвохида кары, заместителем — Мунаввара кары, секретарем — Саидрасула махдума.

Затем председательствующий предоставил слово желающим выступить. После окончания прений приступили к голосованию. В члены Ташгорисполкома избрали от Шейхонтаурской части города Убайдуллу Ходжаева, от Кукчинской — Тошпулатбека Норбутабекова, от Себзорской — Зайнуддинходжу Саримсохходжаева и от Бешагачской части — Абдусафихона Ганихон оглы.

Принципиально важным решением, принятым на данном митинге, явилось постановление о ликвидации прежней полицейской системы и создании вместо нее института выборных лиц — мухафизов (градоначальник. — А.С.) из лиц местной национальности. Большинством голосов комиссаром старого города был избран Исламбек Худоярханов, его заместителем — Мусахан Мирзаимов. На должность мухафиза Шайхонтаурской части города утвердили Каттаходжу Эшона, Себзарской — Тоджихона, Кукчинской — Мирзакосима, Бешагачской — Саидкомолхона⁷.

Это решение сразу же было передано в Ташкентский исполком и генерал-губернатору Туркестанского края Куропаткину, чтобы власти уведомили об этом полицмейстера и приставов и при передаче дел ими не оказывалось сопротивления. 18 марта все дела, а также обмундирование и личное оружие полиции были переданы мухафизам, призванным отныне поддерживать порядок в старгородской части.

Данная акция явилась, по сути, началом разрушения царской системы власти. Она свидетельствовала о деятельном участии коренных туркестанцев в создании новых управленческих структур, богатом творческом потенциале местного населения, способного предложить самобытную форму управления, опирающуюся на исторический опыт и потребности национально-исторического развития.

Наряду с указанными решениями участники митинга избрали делегатов в исполнительные комитеты общественных

⁷ Налжот. 1917. 9 апреля.

организаций Ташкента, а также учредили расширенный представительный орган от всех частей старого города столицы края.

14 марта в 8 часов вечера в доме Абдували Ходжи состоялось первое заседание представительного органа, в состав которого, после пополнения его представителями от татарской и казахской части населения, вошел 61 человек. Этот орган получил название «Шурои-Ислом» или «Шурои-Исломия» («Шуро» в переводе с узбекского означает «Совет». — А.С.). Выбором названия своей организации участники подчеркнули приверженность популярному в те дни лозунгу «Вся власть Советам».

Следует отметить, что вначале Советы были с воодушевлением восприняты большей частью как европейского, так и мусульманского населения. Многие видели в них подлинно народные, альтернативные царским управленческим структурам демократические органы власти, способные решать неотложные задачи. Об этом свидетельствуют различные просьбы, ходатайства, жалобы, с которыми обращались в исполнительные комитеты жители края. Да и создание «Шурои-Исломия» говорило об авторитетности идеи Советов. Другое дело, что решение о формировании чисто мусульманского Совета явилось ответной реакцией на проявления этноцентризма и великодержавных амбиций европейской части населения, проявившихся в период организации в Ташкенте первых Советов. В отсутствии в них широкого мусульманского представительства коренные жители обоснованно увидели выражение недоверия мусульманам, ущемление их национальных прав, игнорирование провозглашенных февральской революцией принципов социального равенства и свободы. В отличие от европеизированных Советов сформированный новый орган задумывался как Совет депутатов от коренного населения, исповедующего ислам. Отсюда и возникло название «Шурои-Ислом», т.е. «Совет Ислама», или «Мусулмонлар шуроси», т.е. «Мусульманский Совет».

В ходе организационного оформления «Шурои-Ислом» на заседании от 14 марта 1917 г. было одновременно принято решение о создании правления этой организации из 15 человек. В состав правления вошли Абдулвохид кары Абдурауфхон оглы, Мунаввар кары Абдурашидхонов, Катгаходжа Хидоятбой оглы, Убайдулла Ходжаев и др. Состав «Шурои-

Ислом» и его правления свидетельствовал о наличии в его рядах представителей разных мировоззрений, объединенных идеей мусульманского единства. Но сердцевиной «Шурои-Ислом», его активной силой стали известные лидеры джалидского движения, такие, как Убайдулла Ходжаев, Мунаввар кары, Абдулла Авлони. Их влияние сказалось на деятельности и принятии программных документов организации.

Во временном уставе, принятом на первом заседании правления, проходившем 15 марта в доме Мунаввара кары, основными целями и задачами «Шурои-Исломия» объявлялись: распространение среди мусульман Туркестана современных политических, научных и общественных реформаторских идей; развертывание работы по сплочению мусульман Туркестана на основе единства идей и целей; сбор информации о системе государственной власти в зарубежных государствах; подготовка к Учредительному собранию; систематическое проведение в городах, кишлаках и аулах митингов с целью политической, научной и общественной пропаганды; разъяснение народу необходимости отставки старой администрации и выдвижения новой; развитие работы по преодолению разногласий и подозрений между различными национальностями края и определение мер по их сближению и объединению; налаживание связей с различными национальными комитетами и партиями, информирование их через своих представителей о нуждах мусульманского населения и в случае необходимости обращение к ним за помощью⁸.

Согласно решению правления «Шурои-Исломия», по всем областям и районам разъехались агитаторы, которые были призваны разъяснять коренным жителям края сущность свободы, объявленной февральской революцией, а также способствовать их объединению под флагом «Шурои-Исломия» для проведения политических, религиозных и социальных реформ.

20 марта 1917 г. в махалле Эпонузгар под руководством Кулибая Тугусова и 21 марта близ Ковун-базара под руководством Мунаввара кары состоялись митинги, на первом из которых присутствовало около 10 тысяч, а на втором — 5 тысяч человек. Выступавшие, а они в большинстве своем

⁸ Наджот. 1917, 9 апреля.

были агитаторами «Шурои-Исломия», разъясняли собравшимся, что надо делать в новых исторических условиях, когда Туркестану предоставлены свободы для демократического развития. Они призвали всех мусульман объединиться и руководствоваться в своих действиях решениями мусульманской организации «Шурои-Исломия»⁹.

25 марта состоялось четвертое общее собрание «Шурои-Исломия», рассмотревшее ряд важных вопросов, связанных с подготовкой специальной программы по проведению намеченного на 15 апреля I Всетуркестанского мусульманского съезда: определение дней мусульманских праздников и порядка их проведения; издание газеты на русском языке для того, чтобы русские соотечественники имели возможность получить информацию о целях и программе созданной политической организации; открытие отделения «Шурои-Исломия» в русской части города Ташкента¹⁰.

На общем собрании шуроисламистов, проходившем 6 апреля 1917 г., председатель «Шурои-Исломия» Абдулвахид кары подал в отставку в связи с избранием его казием Шайхонтаурской части города Ташкента. Вместо него собрание единодушно избрало Убайдуллу Ходжаева. Он был введен также в состав комиссии по ревизии дел охранного отделения. Одновременно было решено делегировать на предстоящий 9 апреля съезд делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края У. Ходжаева, Т. Норбутабекова и Зийниддинходжу эшона¹¹.

Печатными органами образованного мусульманского Совета стали газеты «Шурои-Исломия», «Наджот» и «Кенгаш». На их страницах, помимо материалов просветительского характера, публиковались статьи, направленные на пробуждение политического сознания и социальной активности коренных туркестанцев. При этом особое внимание уделялось вопросам перспектив государственного устройства края, проблемам национального самоопределения.

Образование «Шурои-Исломия» создало важные предпосылки для идейно-политической и организационной консолидации местного населения в общетуркестанском масш-

---

⁹ Там же. 23 марта.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. 9 апреля.

табе. Так, вслед за состоявшимися I Туркестанским краевым съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (7–15 апреля) и съездом делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края (9–16 апреля) по инициативе «Шуро-Исломия» 16–21 апреля был проведен I Всетуркестанский съезд мусульман. На нем в центре внимания стояли узловые вопросы того времени: отношение к войне, Временному правительству, подготовка к выборам в Учредительное собрание, о будущих формах правления в России, путях преодоления острого продовольственного кризиса и др.

На политическую оценку и выбор решения проблем, обсуждавшихся на краевых съездах, заметный отпечаток наложила специфика политической ориентации создавших их организаций. В общем эта позиция определялась следующими факторами:

под влиянием петроградских событий туркестанские Советы оформились, прежде всего, как органы вооруженных рабочих и солдат, выражающие волю революционной демократии, обладающие реальной силой воздействия на общество и вследствие этого претендующие на право контроля за действиями государственных учреждений Временного правительства;

исполнительные комитеты, представлявшие более широкие, чем Советы, социальные и национальные группы населения (своих представителей в их состав делегировали партии меньшевиков и эсеров, Советы, общественные организации, в том числе и национальные), выступали как объединители всех демократических организаций и претендовали на роль органов Временного правительства на местах;

«Шуро-Исломия», находясь еще в стадии организационного оформления, сразу же заявила о себе как о представительном органе мусульманского населения, призванном выражать его волю и защищать его интересы в государственных органах власти. Отсюда и явно обозначившееся стремление к сотрудничеству с Советами и исполнительными комитетами, участие в работе их краевых съездов.

В воспоминаниях Мустафы Чокаева отмечается, что «по велению времени «Шуро-Исломия» вышла на политическую арену с планом реформирования условий жизни, сложившихся в результате чуждого туркестанцам завоевания.

Реформы шуроисламистов базировались на опыте социального развития свободных, независимых и полузависимых мусульманских государств, таких, как Турция, Афганистан, Иран, Египет, Сирия и других арабских стран, которые показали, каким путем следует идти национальному движению в Туркестане»¹².

Образование в Ташкенте «Шурои-Исломия» получило широкий резонанс в крае. По инициативе местных джадидов во многих городах Туркестана стали создаваться аналогичные политические и массовые общественные организации. Так, в обращении Кокандского отделения «Шурои-Исломия» к населению в этой связи отмечалось:

«...Уважаемые свободные мусульмане! Будьте уверены в том, что единодушно созданная мусульманами Коканда новая организация «Шурои-Ислом» всегда будет служить интересам мусульман. Эта организация постоянно будет действовать ради мира и спокойствия. И если все мусульмане будут повсеместно сохранять спокойствие и порядок, то это пойдет на пользу всем нам — мусульманам. Но если же, не проявив спокойствия, будем прислушиваться к разным пустым разговорам, то можем не воспользоваться предоставленной нам Свободой!»¹³.

Одной из первых общественно-политических организаций трудящихся коренных национальностей Самарканда явился «Клуб исломия» (Мусульманский клуб), или, как его еще называли в простонародье, «Камбагаллар йигилиши» (Союз бедноты), созданный 6–7 марта в старом городе, в местности Куш-хауз¹⁴.

Руководство этой организацией взяли на себя видные лидеры джадидского движения Махмудходжа Бехбуди, Шомансур-зола, Мардонкули Шомухаммад-зола и Абдухалил Хасанжон оглы.

Руководимый джадидами «Клуб исломия» первоначально развернул культурно-просветительскую деятельность среди старогородской бедноты. Но затем его члены все активнее

¹² См.: *Мустафа Чокай*. Истиклол жаллодлари (1917 йил хотиралари).

¹³ Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз (АГМИУ АН РУз), № Б-706.

¹⁴ *Гуманенко А.* Октябрь в старом городе Самарканда. — Т.: Госиздат, 1933. — С. 8.

стали выдвигать политические требования, в частности, «смены с работы всех царских чиновников, ликвидации царского аппарата», создания вместо него народных комитетов. Однако разношерстный состав клуба и наметившиеся с первых дней разногласия решили его судьбу. После полуторамесячного существования «Клуб исломия», в составе которого насчитывалось уже более ста человек, 15 апреля 1917 г. прекратил свою деятельность¹⁵.

Наряду с ним в Самарканде действовала организация «Мирваж-ул ислом». В Андижане были образованы «Озод халк», «Мифтах-ул маориф», «Сано-ул ислом»; в Коканде — «Мусулмон мехнаткашлари иттифоки», в Каттакургане — «Равнак-ул ислом», в Ходженте — «Муайин ат-толибин» и т.д.¹⁶.

Импульсы национально-политической интеграции способствовали интенсификации процессов организационного объединения мусульман. В апреле 1917 г. по инициативе лидеров джаидского движения в Ташкенте созывается курултай (съезд) мусульман Туркестана, на котором был избран краевой мусульманский Совет (Краймуссовет). В его состав вошли известные политические деятели того времени Махмудходжа Бехбуди, Мунаввар кары, Убайдулла Ходжаев, Ахмад Заки Валиди, Абдулла Авлони, Тошпулат Норбутабеков, Ислом Шоахмедов, Мустафа Чокаев и др.

Таким образом, политическая жизнь края приобретала все более ярко выраженный динамичный характер. При этом влияние мусульманских организаций и движений усиливалось день ото дня. Заметную роль они, в частности, сыграли в окончательной ликвидации наиболее олиозных институтов ненавистной царской администрации.

Как уже говорилось выше, на первом этапе февральской революции Временное правительство считало целесообразным оставить в Туркестане старую администрацию. Согласно его указаниям генерал-губернатор края рассылал по областям и районам распоряжения, приказы, циркуляры с требованием сохранить твердую власть военных губернаторов, уездных начальников над местным и русским населе-

¹⁵ История Самарканда. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — Т.: Фан, 1969. — С. 18.

¹⁶ Кенгаш. 1917. 19 июля.

нием. Генерал-губернатор Куропаткин строго обязывал: «Полное подчинение распоряжениям Временного правительства. Поддержание самого полного порядка...»¹⁷.

Советам, а также другим демократическим и национальным организациям Туркестана потребовалось приложить большие усилия, чтобы сломить сопротивление старых властных структур. Одной из их первоначальных акций стало введение по инициативе «Шурои-Исломия» института выборов мухадизов из лиц коренной национальности. Новые практические шаги в данном направлении были сделаны в конце марта – начале апреля 1917 г., когда ряд местных Советов и мусульманских организаций приняли решение о смещении областных военных губернаторов и уездных начальников. Так, 31 марта объединенное собрание Ташкентского Совета солдатских и рабочих депутатов, представителей крестьянских союзов и членов Ташкентского исполнительного комитета постановило немедленно отстранить от занимаемых должностей и подвергнуть домашнему аресту генерал-губернатора Куропаткина, его помощника генерала Ерофеева и начальника штаба генерала Сиверса. Было решено гражданскую власть «отделить от военной и возложить ее на комиссаров Ташкентского исполнительного комитета Белькова, Добкевича, Иванова впредь до определения порядка управления краем общекраевым съездом представителей Временного правительства, поместных гражданских комитетов и Советов солдатских и рабочих депутатов»¹⁸.

Это решение было поддержано ведущими политическими организациями и движениями края. В результате генерал-губернаторство, а вслед за ним и весь прежний аппарат управления сверху донизу были ликвидированы.

Что же и кто приходил на смену? Каково было соотношение демократической инициативы на местах и роли центра? Как преломлялись интересы коренного населения в процессе формирования новых управленческих структур? Какова была позиция Временного правительства в национальном вопросе?

При ответе на эти вопросы следует отметить, что в переломные мартовско-апрельские дни у коренных туркес-

¹⁷ ЦГА РУз. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1176. Л. 3.

¹⁸ Наджот. 1917. 9 апреля.

танцев еще сохранялось ощущение, что Временное правительство примет действенные меры по формированию институтов демократической власти, защитит права колониальных меньшинств, создаст необходимые условия для суверенного развития Туркестана. Но именно в данном пункте проявились противоречия между центральной властью, местными политическими организациями, ориентирующимися на интересы европейской общины, и национальными общественными структурами.

К сожалению, Временное правительство не сумело отразить чаяния широких народных масс колониальных окраин. Оно однозначно высказалось против их самоопределения. В центре продолжала господствовать идеология имперского мышления. Причем, ею были заражены ведущие политические силы, на которые опиралась новая власть.

Отчетливое выражение позиции Временного правительства по колониально-национальному вопросу проявилось в процессе формирования нового аппарата управления и в организации его практической деятельности.

Как известно, основными институтами новой администрации в Туркестане стали Туркестанский комитет, областные и уездные комиссары Временного правительства, исполнительные комитеты и комитеты общественной безопасности (КОБ).

Стержневые нити управления концентрировались в Турккомитете, образованном постановлением центрального правительства от 7 апреля 1917 г. Он был уполномочен действовать в пределах Ферганской, Самаркандской, Сырдарьинской, Закаспийской и Семиреченской областей, а также в Хиве и Бухаре. На него возлагалось установление «прочного порядка и устройство Туркестанского края». Учреждение Турккомитета Временного правительства назначенный его председателем Н.Н. Щепкин в своем выступлении на Краевом съезде исполнительных комитетов в Ташкенте 14 апреля 1917 г. обоснует так: «Внутреннее управление страной совершается по определенной схеме. Во внутренние губернии посылаются комиссары, назначаемые министром внутренних дел без соглашения с местным населением, и когда на местах появляются шероховатости, то бывает и смена комиссаров, но это случается очень редко, ибо комиссары опираются на мест-

ные советы, избираемые так же, как мы избирали исполнительные комитеты. В последнее время в области, отдаленные от центра и обладающие особыми условиями, Временное правительство назначает не комиссаров, а целые комитеты. Таким образом целые комитеты посланы на Кавказ и в Туркестанский край»¹⁹.

Сегодня очевидно, что уже здесь проявились те «шероховатости», которые сработали затем как взрывные устройства при решении национально-государственных вопросов.

В российских и узбекистанском архивах удалось обнаружить переписку между Н.Н. Щепкиным и Временным правительством. За строками этой переписки стоят ранее не известные «сюжеты», бросающие свет на ход и развязку главного сюжета, реакция центрального правительства на настроения людей, групп, партий на местах; степень российской демократии тех лет; восприятие правительственными органами глубины национальных проблем и политического облика самого главы новой туркестанской администрации.

Депутат Государственной Думы III–IV созывов, бывший управляющий министерства внутренних дел Н.Н. Щепкин отправился на поезде в Ташкент в начале апреля. Еще на полпути, у станции Разуваевка, между членами Туркестанского комитета были распределены обязанности. Они определились следующим образом:

«1. Вопросы народного просвещения и культуры сосредоточить в ведении Александра Лаврентьевича Липовского и Садри Низамовича Максудова. 2. Все дела, касающиеся Бухары, Хивы и пограничных с краем местностей, поручить Павлу Ивановичу Преображенскому и Абдельазису Азисовичу Давлетшину. 3. Вопросы устройства Семиречья и вопросы киргизского (казахского. — А.С.) быта в крае сосредоточить в ведении Ореста Авенировича Шкапского, Мухаммаджана Тынышпаева и Алихана Букейханова. 4. Дела, касающиеся торговли, промышленности и всяких мероприятий, поручить Владимиру Сергеевичу Елпатьевскому, П. Преображенскому и Н. Щепкину. 5. Землеустройство в коренных областях поручается А. Давлетшину и Н. Щепкину. 6. Вопросы областного военного ведомства передаются А. Давлетшину. 7. Вопросы

¹⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 3х. Л. 35.

судебные и контрольные остаются на всем Комитете без разделения дел на месте»²⁰.

Надо отметить, что в первом составе Туркестанского комитета из 9 членов четверо были представителями тюркских национальностей: члены Государственной Думы I созыва А. Букейханов, II созыва М. Тынышпаев, III созыва С.Н. Максуди и генерал-майор А.А. Давлетшин. По всей вероятности, введением их в состав Туркестанского комитета Временное правительство желало подчеркнуть стремление к учету интересов коренного населения.

13 апреля в 10 час. 45 мин. поезд прибыл на ташкентский вокзал. На станции членов Турккомитета под звуки оркестра, исполнившего «Марсельезу», встретили новые руководители Ташкента: командующий войсками Туркестанского военного округа полковник Л.Н. Черкес, городской голова И.Н. Иванов, комиссары Ташгорисполкома общественных организаций В.П. Наливкин, И.И. Бельков, Ф.Н. Добкевич, председатель Совета солдатских депутатов Г.И. Бройдо, а также некоторые мусульманские депутаты. После торжественного церемониала гости на автомобилях в сопровождении конного эскорта выехали в резиденцию бывшего генерал-губернатора.

На следующий день Н.Н. Щепкин выступил с программной речью на Краевом съезде депутатов исполнительных комитетов, где назвал решение Временного правительства о создании Турккомитета «хартией свободы России» и обещал «устройство местных самоуправлений на демократической основе, предоставление свобод»²¹.

Присутствовавшие на съезде услышали весьма красноречивое и эмоциональное выступление председателя Турккомитета, стремившегося, прежде всего, обосновать правильность решения о создании Комитета. Однако всех волновали разъяснение системы управления в крае и, конечно, национальный вопрос. Щепкин огласил, что «основными положениями, на которые будет опираться Турккомитет, являются Свобода, Равенство и Братство и соблюдение демократических принципов управления применительно к Туркестанско-

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 37. Л. 36.

му краю»²². Практически же это означало, что «организация должна идти с самого низа и на этих основаниях идти до следующих ступеней, чтобы между этими ступенями была деловая связь». Намечалась организация аульных, волостных, участковых и уездных управлений. «Что же касается управления всем краем, — разъяснял Щепкин, — то такое останется за Турккомитетом. Он организует себя по форме правильного министерства и ожидает, что вы вместе с ним обсудите, какое создать рядом с ним временное совещание из представителей местного населения. При лицах, стоящих во главе областного правления, также должно быть совещание. Комиссары должны назначаться Турккомитетом, потому что на них будут лежать функции государственной власти. Они сразу совместят в себе права и обязанности председателей земских управ и губернаторов»²³. В заключение своей речи Щепкин выразил надежду, что при решении двух важных вопросов, охватывающих всю жизнь края, каковыми, по его мнению, являлись «продовольственный и устройство управления в крае», Турккомитет будет телеграфировать Временному правительству, что «Туркестан по организации управления является жемчужиной России»²⁴.

Как видим, вопрос об управлении решался лишь при совещательном статусе местных представителей, однозначно централизованно и жестко. Что же касается самого жизненно важного для коренного населения Туркестана вопроса, от решения которого зависела развязка главных спорных узлов, накопившихся в период царского правления, он фактически не был раскрыт в речи Щепкина. Это национальный вопрос. Ведь именно с ним были связаны и осуществление права наций на самоопределение, и земельно-водная политика, и межнациональные отношения, да и вообще дальнейшая судьба коренных народов Туркестана. К этому можно добавить, что ни сам Щепкин, ни большинство других членов Комитета даже не были выходцами из Туркестана, кроме М. Тынышпаева и А. Букейханова, да и те в дальнейшем очень редко появлялись на заседании Комитета в связи событиями в Семиречье.

²² ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 3х. Л. 35

²³ Там же.

²⁴ Там же.

Как стало ясно вскоре, не избранное демократическим путем на месте, а присланное издалека новое правительство края (да и как иначе можно назвать Комитет!) в отношении коренного населения проводило почти ту же политику, что и царское самодержавие.

В своей деятельности Турккомитет и местные органы власти придерживались, по сути, политики, какая была сформулирована еще генерал-губернатором Куропаткиным: «Туземам не следует предоставлять полноту прав»²⁵. Отсюда и шла вся «кадровая политика». Так, в Сырдарьинской области вместо военного губернатора на должность областного комиссара был назначен бывший уездный начальник подполковник Тризна, а в Ферганской – чиновник Шереметьевский. На должности уездных комиссаров назначались исключительно прежние царские чиновники и нередко бывшие полицейские приставы. В кишлаках и аулах также, за весьма редким исключением, остались все прежние волостные управители и аксакалы. В «тревожные» моменты Временное правительство опиралось на так называемые комитеты общественной безопасности организации городской буржуазии, представленные преимущественно выходцами из европейской части населения.

Что фактически представляла собой система управления на местах, мы можем ясно увидеть из доклада члена президиума Андижанского совета мусульманских депутатов «Шуро-Исломия» Мирзы-Абдукадирбека Мирзаахмад-Кушбегиева от 30 июня 1917 г., поданного им в Туркестанский комитет Временного правительства. Вот лишь отдельные выдержки из этого яркого документа: «Андижанский комитет общественной безопасности с первых же шагов своей деятельности стал далеко не в дружелюбное отношение к мусульманскому населению и совету мусульманских депутатов, стараясь всячески игнорировать мусульман, их организации, и открыто выступал против мусульман, обвиняя их в политической незрелости и даже в приверженности старому строю. Подобное злобно клеветническое выступление комитета, также и реальное проявление своего недружелюбия путем арестов деятельных членов совета мусульманских де-

²⁵ Из дневника А.Н. Куропаткина. «Красный архив», 1927. – Т. 1. – С. 65.

путатов мусульманским населением было понято как акт грубого насилия над ними, их правом как полноправных граждан... В дальнейшем усиленная агитация за лиц, близких только им, связанных с теми или иными интересами, и недопуск к власти в пропорциональном количестве членомусульман создали враждебные отношения... Ежели и теперь в отношении народа будет применяться политика безразличия, политика прежних палачей, то тогда, конечно, может он оглянуться назад для сравнения теперешнего своего положения с прошлым».

И далее:

«Какие высокие идеи, какие красивые слова провозгласил русский пролетариат, но действительная жизнь все-таки далека от этих высоких идей и красивых слов. Обыски, аресты без следствия, суда и предъявления какого-либо определенного обвинения, нарушения свободы жилищ и все это во имя Революции, во имя сохранения завоеванных свобод! Как изложить диаметрально противоположные понятия, как объяснить противоречия лозунга с фактами? Явное беззаконие во имя грядущего права»²⁶.

Словом, в системе управления Туркестаном и отношении властных структур к местному населению после февральской революции произошли лишь незначительные изменения. Они касались больше формы, чем содержания. Временное правительство и его органы на местах, исходя из логики имперского мышления, игнорировали политическую волю и потребности коренных жителей края, намеренно ограничивали возможности их участия в управленческих процессах.

В принципе прежней оставалась и экономическая политика. К тому же новая власть проявляла пассивность в обуздании хозяйственной разрухи, в решении назревших экономических проблем. В результате Туркестан оказался на пороге экономической катастрофы.

Особенно рельефно деструктивные тенденции обозначились в аграрной сфере. Временное правительство все еще относилось к Туркестану как к поставщику сырья, главным образом хлопка, необходимого для промышленности России. Поэтому решающая отрасль экономики — сельское хозяйство — развивалась однобоко.

²⁶ Пролетарская революция. 1928. № 8. — С. 112–113.

Капиталистические товарно-денежные отношения, проникшие в экономическую жизнь края, не были пока в состоянии поколебать феодальные устои и проявлялись главным образом в сфере рынка, в форме торгово-ростовщического капитала. В экономической жизни кишлака господствующими оставались феодальное землевладение и феодальные формы эксплуатации труда. Мелкое дехканское хозяйство по-прежнему выступало в качестве базисной формы организации сельскохозяйственного производства, а дехканство — самым многочисленным классом, основным объектом феодальной эксплуатации. Данный процесс сопровождался дальнейшим углублением нищеты, разорением в деревне, обезземеливанием дехканских масс. Остановить его можно было на путях цивилизованных аграрных преобразований. К сожалению, новая власть, несмотря на многообещающие декларации, не предпринимала практических шагов по решению острого земельно-водного вопроса. В послефевральский период, как и ранее, не менее двух третей посевных площадей в Туркестане было сосредоточено в руках зажиточных слоев. По данным 1917 года, 51% всех крестьянских хозяйств владел 98022 десятинами земли (до 1 десятины на хозяйство), что составляло 9,8% всех обрабатываемых земель в крае. В то же время 1% хозяйств имел 158589 десятин земли, или 16% всех обрабатываемых земель²⁷.

Глубокие диспропорции сохранились в промышленном производстве. Промышленность в Туркестане развивалась очень медленно, в основном за счет небольших предприятий по первичной обработке хлопка и хлопковых семян, а также добыче полезных ископаемых. Предприятия были мелкие, оснащены отсталой техникой и имели небольшое количество рабочих.

В городах по-прежнему ведущие позиции занимало кустарное производство, которое давало примерно столько же продукции, сколько и вся фабрично-заводская обрабатывающая (кроме горнодобывающей и хлопкоочистительной) промышленность. Только начинающий зарождаться, малочисленный национальный рабочий класс подвергался жестокой эксплуатации. Квалифицированный труд преимущественно на 70–80% выполнялся русскими рабочими, а

²⁷ См.: *Симонов А. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве в Средней Азии.* — Ташкент, 1926.

представители местных национальностей были заняты на операциях, не требующих высокой квалификации. Но даже и имея одинаковую квалификацию с русскими рабочими, национальные рабочие получали заработную плату на 30–40% ниже. Ежедневный их заработок при 14-часовой работе не превышал 30–40 копеек в день, чего едва хватало на полуголодное существование. Большинство местных рабочих были неграмотными, глубоко религиозными людьми, аккуратно соблюдавшими все обряды и предписания ислама.

Туркестанский комитет ничего не предпринимал и для облегчения продовольственного положения, ограничиваясь лишь отправкой в центр телеграмм с просьбой о помощи. Продовольственные комитеты, в том числе и краевой, также слали по разным адресам обращения, постановления и телеграммы. Члены этих комитетов зачастую действовали заодно со спекулянтами и мошенниками.

Население Туркестана требовало реорганизации продовольственных управ, где хозяйничали представители коррумпированных слоев, наживавшихся на спекулятивных махинациях.

«В Самарканде эти комитеты, — писала газета «Хуррият», — вместо того, чтобы раздавать продукты нуждающимся беднякам, продают их баям, которые совсем не испытывают нужду в этом... Поэтому распределение народных продуктов, как этого требует большинство населения, надо передать от продкомитетов в махалля, но при этом установить жесткий контроль, иначе все останется по-старому»²⁸.

Турккомитет проявлял слабость и нерешительность даже в тот момент, когда поступали сообщения с ужасающими данными о положении киргизов (казахов) Семиреченской области. Находившиеся на местах делегаты Краевого мусульманского совета требовали «принятия необходимых экстренных мер потому, что возвращающиеся из Китая киргизы беспощадно убиваются поселенцами-семиреченцами, они терпят крайнюю нужду, голодают...»²⁹.

Турккомитет, заслушав 19 апреля 1917 г. вопрос о киргизах-беженцах, принял решение «не допускать их в Прже-

²⁸ Хуррият. 1917. 15 августа.

²⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1613. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

вальский и Пишпекский уезды, а расселять на бесплодных каменных землях»³⁰.

При этом Временное правительство принимало все меры, дабы не допустить разглашения того, что творилось в Семиречье, однако сведения о бедствиях казахов достигли вскоре Поволжья и других районов, населенных мусульманами. Возмущенные российские мусульмане послали на имя Туркестанского комитета телеграмму следующего содержания:

«Мы получили крайне тяжелые вести о киргизах Семиречья. Бежавшие от карательных отрядов при старом режиме в горы и частью в Китай, они возвращаются обратно обрваннные, голодные, больные. Вооруженные правительством переселенцы-крестьяне, мстя за прошлогодние беспорядки (имеется в виду восстание 1916 г. — С.А.), не дают им сесть, расстреливают возвращающихся, не позволяют оказывать им помощь. Необходимо немедленно послать комиссаров киргиз и русских с войсковыми командами, отпустить средства, содействовать доставке продовольствия и одежды»³¹. Однако Турккомитет фактически бездействовал. Это вызвало волну негодования среди коренного населения.

Обострялись также отношения между официальной властью и европеизированными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Хотя Турккомитет вынужден был как-то координировать принятие решений с Советами, но в принципе мало с ними считался. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы периодической печати тех лет. В частности, в них неоднократно подчеркивалось, что трения между Туркестанским комитетом и Советами «происходили исключительно вследствие обособленного от демократических и вообще общественных организаций положения, занятого комитетом в Туркестане»³².

С мая политическое противоборство заметно усилилось. Стало очевидным стремление Советов рабочих и солдатских депутатов установить более жесткий контроль за действиями Турккомитета как выразителя политики центра, принимать самим деятельное участие в управлении краем. Краевой совет рабочих и солдатских депутатов (КРАС) неоднократно вы-

³⁰ Там же.

³¹ Пролетарская революция. 1928. № 8. — С. 118.

³² Туркестанский курьер. 1917. 18 мая.

ражал недоверие Щепкину, осудил его деятельность как вредную для края. Щепкин, в свою очередь, ходатайствовал перед Временным правительством, чтобы оно через Петроградский совет пресекло попытки Туркестанского краевого Совета установить контроль за действиями Турккомитета. В конце концов он вынужден был признать, что «в Туркестане власть правительства бессильна, фактически ее нет»³³.

Обоюдное стремление европеизированных Советов и мусульманских организаций усилить свое влияние на управленческие процессы, ярко выраженный кризис власти заставили Щепкина пересмотреть свои взгляды на систему управления краем. Он приходит к мысли о необходимости роспуска комитета и укреплении единоначалия. Так, в своем письме от 13 мая на имя главы Временного правительства князя Львова Щепкин откровенно писал: «Комитет, как коллегия, теперь излишен, а члены его мусульмане даже вредноваты...»³⁴. По убеждению Н.Н. Щепкина, следует восстановить прежнюю схему царского управления, внося только соответствующие коррективы, диктуемые логикой времени, в частности, вместо генерал-губернатора назначить генерального комиссара и сохранить внешние атрибуты демократизации, а в целом создать жесткую структуру управления. При такой схеме, полагал Щепкин, «будущий комиссар умненько и осторожно подскажет Временному правительству, кого из лиц, стоящих во главе учреждений, надо переменить, и дело пойдет ровненько. Все остальное отойдет к городским управлениям и областным комиссарам. Я бы постановил, что в областях комиссары в сфере гражданского управления пользуются правами генерал-губернатора».

Примечательно признание главы туркестанской администрации о политических изменениях, произошедших в среде мусульманского населения, о росте его национального самосознания. Так, в письме подчеркивается: «До сих пор державное племя свысока относилось к мусульманам, а те молчали. Теперь времена изменяются, и мусульмане начинают чувствовать свое численное превосходство, моральное превосходство русских слабовато, больше страх штыков действует»³⁵.

³³ ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 29. Л. 36.

³⁵ Т а м ж е.

Еще более выразительно позиция Турккомитета по отношению к проведению реформ управления в Туркестанском крае проявилась в докладе Н.Н. Шепкина на совещании в Министерстве внутренних дел, которое состоялось 15 июня 1917 г. в Петрограде, т.е. уже после того, как он 25 мая на очередном заседании Турккомитета объявил о своем отъезде, что фактически означало его уход с политической арены Туркестана. На совещании речь зашла о «децентрализации» власти. Но что это на деле означало? Было решено «прежде всего обеспечить край полномочными представителями правительства на местах в лице областных комиссаров, утвержденных по полномочию Временного правительства Туркестанским Краевым комитетом... Оставить за центром разрешение тех общих для края вопросов, которые по своему общегосударственному значению должны быть разрешены и направляемы Краевым комитетом»³⁶. К числу таких вопросов совещание отнесло следующее: военная защита края, ирригационная, продовольственная, внешняя политика и временно, до преобразования управления и самоуправления, вопросы народного образования, сельскохозяйственная политика и краевая земская смета. Как видно, типичный пример псевдodemократической власти менять, ничего по существу не меняя.

В итоге первый состав Турккомитета Временного правительства, возглавляемый кадетом Шепкиным и целиком связанный в своих действиях с центром, не встретив, естественно, поддержки у местных политических деятелей, 1 июля 1917 г. сложил свои полномочия, хотя фактически еще довольно продолжительное время функционировал.

Характерно, что при этом Краевой мусульманский комитет (Краймуссовет), отражавший интересы коренного населения, повел себя достойно и трезво. В телеграмме зам. председателя Краймуссовета Ислама Шоахмедова председателю Совета Министров Временного правительства Г. Львову по поводу прекращения полномочий Турккомитета отмечалось, что «колебание авторитета власти грозит крайне большой разрухой». В этой телеграмме, а также в решении Ташкентс-

---

³⁶ Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. 1963. Т. 1. — С. 139–140.

кого Совета мусульманских депутатов указывалось на необходимость «в случае принятия отставки Турккомитета иметь в Туркестанском комиссариате не менее половины членов мусульман»³⁷, т.е. не без основания подчеркивалось, что краем нельзя управлять целиком из центра и что стабильность в любом случае зависит от учета интересов мусульманского населения и наличия его представителей в органах управления.

Тем временем во власти образовался вакуум. Перед Временным правительством встал вопрос, кого назначить председателем Турккомитета. На этот пост представителями мусульманской общины была выдвинута кандидатура видного политического деятеля Туркестана эсера Вадима Чайкина, пользовавшегося большим авторитетом среди коренного населения. Узнав об этом, находившийся в Петрограде в качестве делегата на I Всероссийском съезде Советов будущий большевистский комиссар А.Я. Першин 5 июля сообщает в Ташсовет: «Мусульмане выставили кандидатуру Чайкина, мы протестовали. Сегодня мы предупредили Убайдулла Ходжаева, чтобы он и мусульманский комитет сепаратным путем не действовали и не выдвигали бы кандидатур на место председателя Турккомитета без согласия Краевого Совета»³⁸. Еще более выразительно прозвучало то, о чем двумя днями позже Першин, недовольный инициативой, проявленной Краевым мусульманским советом, осведомит товарищей по партии: «Чайкин снюхался с мусульманами, везде и повсюду его Убайдулла Ходжаев рекомендовал как хорошего революционера и знатока края и что, мол, он очень любит туземцев и печалится о них. Товарищи! Я спрашиваю Вас, разве нам для края таких людей надо, которые любили бы только туземцев и обтирались бы об их халаты?»³⁹.

Таким образом, кандидатура единственного из русских демократов убежденного сторонника полного права на национальное самоопределение Вадима Чайкина была встречена буквально в штыки.

8 июля Временное правительство все же издает указ о назначении В.А. Чайкина председателем Турккомитета. Этот

³⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 37. Л. 25.

³⁸ ГА Ташкентской области. Ф. 10. Оп. 13. Д. 19. Л. 45.

³⁹ Т а м ж е. Л. 78.

указ совсем взбесил Першина и Булинского, и они, не дожидаясь рекомендаций КРАСа, решили действовать против Чайкина с применением отработанных большевиками метода угроз и шантажа. Эти действия Першина подтверждаются телеграммой И. Шоахмедова и У. Ходжаева из Петрограда: «Делегаты из Ташсовета Булинский и Першин усиленно выставляют на должность председателя Турккомитета кандидатуру Наливкина. Если же пройдет Чайкин, то они, по их словам, отправят его в арестантском вагоне. Поэтому Чайкин полностью отказался. По нашему мнению, кандидатура уважаемого Наливкина неприемлема»⁴⁰.

Свой отказ от поста В.А. Чайкин в заявлении на имя министра внутренних дел обосновал так: «Ввиду полной невозможности для меня по состоянию здоровья занять пост председателя Туркестанского комитета Временного правительства и исходя из уверенности, что при создавшихся за последние дни в Туркестане условиях, о которых ЦК уведомлен срочными депешами Краевого Совета, должно последовать немедленное вступление председателя Комитета в исполнение обязанностей. Находя, что срочное назначение на пост Турккомитета тов. В.П. Наливкина может наилучшим образом способствовать при данных условиях устранению тяжелых недопониманий между Турккомитетом и Советами края, я от занятия поста председателя Комитета, на который назначен указом Временного правительства от 8 июля, отказываюсь»⁴¹.

Это заявление было датировано 19 июля 1917 г., а уже 20 июля Першин напишет письмо в Ташсовет: «Нам с товарищем Булинским много стоило труда добиться назначения товарища Наливкина председателем Турккомитета, во всем этом нам портил дело господин Чайкин, которого Вам назначили 8 июля в председатели Туркестанского комитета. Но мы приняли все усилия, заставили Чайкина отказаться от этого почетного места и настояли во что бы то ни стало назначить председателем Турккомитета тов. Наливкина». Здесь же Першин выразил свои колебания: «Не знаем, товарищи, хорошо мы это сделали или нет, судите сами, Вы нам ничего не сообщали, а мы действовали по прежним нам указаниям»⁴².

⁴⁰ Кенгаш. 1917. 28 июля.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1900. Оп. I. Д. 29. Л. 46.

⁴² ГА Ташкентской области. Ф. 10. Оп. 13. Д. 19. Л. 6.

Примечательно то, что с телеграммой, полученной от У. Ходжаева и И. Шоахмедова, Краймусовет ознакомил и членов Краевого совета рабочих и солдатских депутатов и также выразил недоумение по поводу самочинных действий Першина и Булинского⁴³. На это председатель Краймусовета Мустафа Чокаев отреагировал телеграммой Чайкину: «Туркестанский краевой мусульманский Совет выражает категорический протест против тех, кто, называя себя демократами, угрожал Вам. Убедительно просим Вас вернуть отказ и остаться в Турккомитете. Ждем ответа»⁴⁴.

В. Чайкин немедленно отозвался: «Безгранично благодарен мусульманам Туркестана за то, что они просили меня войти в состав Туркестанского комитета Временного правительства. Я дал знать Мусульманскому Национальному Совету в Петрограде, что соглашусь на председательство Турккомитетом при условиях: 1) полностью изменить состав Турккомитета; 2) по усмотрению народов Туркестана изменить отношение к ним, которые до сих пор находились под колониальным игом; 3) переустроить жизнь в Туркестане на основе принципов Справедливости и Равенства.

Однако я думаю, что нынешнее внутреннее положение Туркестана не позволяет провести изменения таким образом. По этой причине я отказался от членства и председательства Туркоганским комитетом. Вместе с тем я сообщаю Вам, что даже находясь вне деятельности Турккомитета, буду прилагать все усилия, чтобы воплотить в жизнь интересы и права граждан Туркестана. Прошу Вас тоже поверить в это»⁴⁵.

Вполне очевидно, что Чайкин здесь предстает трагической фигурой, очутившейся между двух огней: его «не хотели» ни большевики, ни колонизаторски настроенное Временное правительство.

Таким образом, председателем Турккомитета был назначен член II Государственной Думы, бывший вице-губернатор Ферганской области, один из меньшевистских лидеров В.П. Наливкин. В наследство от Щепкина он получил оставшиеся не решенными жгучие вопросы революции: война и мир, аграрный, рабочий, борьба с голодом и разрухой и, конечно, национально-государственная проблема.

---

⁴³ Кенгаш. 1917. 28 июля.

⁴⁴ Т а м ж е.

⁴⁵ Т а м ж е, 2 августа.

Независимо от личных намерений новый председатель оказался бессилён. В сложной и противоречивой обстановке Наливкин всячески пытался лавировать между противостоящими различными политическими группировками, сгладить противоречия, примирить непримиримое.

В. П. Наливкин

Особенно тяжело пришлось Турккомитету в дни сентябрьских событий в Ташкенте, когда в связи с обострением продовольственного кризиса большевики предложили совещанию демократических организаций, проходившему 11 сентября в Ташкенте, объявить его революционным комитетом и передать ему всю власть. Между тем само совещание сочло такой шаг поспешным и отклонило это экстремистское предложение. Против выступили и участвовавшие в обсуждении вопроса члены Краймуссовета Мустафа Чокаев, Ислам Шоахмедов и Убайдулла Ходжаев. Они, как и большинство участников совещания, «поддержали образование коалиционной власти как в Центре, так и в Туркестане с установлением контакта с мусульманами и принципиально признали немедленное пополнение Туркестанского комитета Временного правительства лицами, выдвинутыми на должность членов комитета краевыми демократическими организациями...»⁴⁶.

Та же здравая позиция была выражена и на прошедшем в Ташкенте накануне сентябрьских событий II Краевом мусульманском съезде. Но уже 12 сентября созванный большевиками и левыми эсерами митинг рабочих и солдат численностью всего около 300 человек провозгласил переход власти к Советам и их Ревкому. Это означало, что «уже в сентябре 1917 г. в результате переворота, осуществленного Цент-

⁴⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1613. Оп. 1. Д. 1а. Л. 106.

ральным исполнительным комитетом Ташкентского совета, была свергнута власть местных представителей Временного правительства. Таким образом, как отмечается в журнале «Пролетарская революция», Ташкент стал местопребыванием первого Советского (хотя еще и не большевистского) правительства, созданного в бывших царских владениях»⁴⁷.

В свою очередь органы Временного правительства, не имеющие, как и большевики, прочной опоры в массах, отреагировали мерами, далекими от подлинных интересов народа, особенно коренного населения.

Получив обещание Керенского о немедленной отправке в Ташкент войск для подавления мятежа, Турккомитет начинает действовать более решительно. Были освобождены и восстановлены в должностях лица, арестованные или смещенные Ревкомом. Ташкентскому Совету Наливкин 17 сентября в ультимативной форме предложил подчиниться Туркестанскому комитету. При этом он гарантировал неприкосновенность лиц и воинских частей, участвовавших в сентябрьских событиях, и, более того, направил телеграмму о нецелесообразности прибытия вооруженного отряда Временного правительства. Но было уже поздно, и к тому же это не могло изменить положения.

24 сентября из Казани в Ташкент прибыл карательный отряд Временного правительства во главе с генералом Коровиченко. В городе была установлена военная диктатура. Это означало и исчезновение с политической арены Туркестанского комитета Временного правительства как органа верховной власти в Туркестане.

Итак, процессы «февральского обновления» привели к исторически неоднозначным результатам. Февральская революция пробудила искренние надежды населения Туркестана на демократическое преобразование управления краем, решение назревших социально-экономических и политических проблем, ликвидацию колониального гнета.

С падением царского самодержавия создались определенные предпосылки для демократизации общественной жизни, становления новых, цивилизованных политических и экономических отношений. В Туркестане, как и в целом по

⁴⁷ Пролетарская революция. 1924. № 10. — С. 138.

стране, интенсивно создаются новые партии и политические движения, представительные общественные организации, формируются Советы, стремившиеся перенять часть властных функций.

Политические процессы, охватившие центральную Россию, оказали большое воздействие на политическую жизнь Туркестана. Вместе с тем в ней выявились свои особенности. Главная из них заключалась в том, что в крае социальные идеи смыкались с национальными, с проблемой ликвидации колониальной зависимости. Не менее важно и то, что в отличие от метрополии в Туркестане сложились два своеобразных центра, в границах которых шло зарождение и развертывание динамичных социально-политических процессов. Они были диалектически увязаны и в то же время достаточно автономны. Первый ограничивался рамками европейской общины, второй — коренного населения.

Специфика политических интересов европейской общины крылась в доминанте имперских амбиций. Несмотря на идейную полярность составлявших ее социальных слоев и политических движений, основная масса европейского населения связывала свое настоящее и будущее с метрополией, была заинтересована в консервации колониальных порядков.

В отличие от европейской общины местное население стремилось обеспечить право на самостоятельное национальное развитие. В послефевральский период политическая активность коренных туркестанцев стремительно возросла, усилилось их воздействие на общественную жизнь. В первую очередь выразителями свободолобивых чаяний и надежд мусульманского населения на цивилизованное развитие края стали политические организации джадидского направления.

С началом революции развернулась упорная борьба за ликвидацию царской системы управления. В ней участвовали представители демократически настроенного как европейского, так и мусульманского населения.

Борьба за ликвидацию царской системы власти способствовала ее частичному изменению. Были ликвидированы наиболее ненавистные политические институты и колониальные управленческие структуры. Вместе с тем вспыхнувшие надежды на устройство местного самоуправления, расширение форм участия коренного населения в управлении

краем так и не были реализованы. В первую очередь это было связано с внутренне противоречивой политикой Временного правительства и его полномочного органа в крае – Туркестанского комитета.

В своей практической деятельности Турккомитет игнорировал политическую волю и насущные потребности коренных жителей края, намеренно ограничивал возможности их участия в управленческих процессах. Крайнюю пассивность он проявлял в обуздании хозяйственной разрухи, решении продовольственной проблемы. А самое главное – ни Турккомитет, ни центральное правительство не желали решать национальный вопрос подлинно демократическим путем.

Антинародная политика Временного правительства и Туркестанского комитета обусловила их историческую обреченность и закономерность падения. Она способствовала нарастанию национально-освободительного движения, одним из основных лозунгов которого выступило требование ликвидации национального гнета. Во главе этого движения встала национальная демократически настроенная интеллигенция, требовавшая предоставления Туркестану автономных прав.

1.3. Формирование идеи автономии Туркестана

Идея образования автономии, предложенная национальными демократами Туркестана, опиралась на питательные пласты мирового и регионального антиколониального движения, опыт творческого осмысления проблем самоопределения, предпринимаемого мыслителями Европы, Азии, России, прогрессивной интеллигенцией края.

Надо сказать, что отличительной особенностью роста национального самосознания колониальных народов Европы и Азии XIX – начала XX в., в том числе Российской империи, выступало последовательное осознание идеи обретения политической независимости, государственного суверенитета.

Феномен свободолюбивых поработенных народов вылился в национальный вопрос в число нарождающихся доминантных политических партий и движений, определил необходимость его концептуально-теоретического осмысления.

Особенно оживленная дискуссия развернулась по проблеме национального самоопределения.

Накануне Февральской революции слово «самоопределение» становится наиболее популярным. Но каждая партия и движение объясняли его по-своему, сообразно собственным теоретическим представлениям о характере исторического прогресса и перспективах российского государства. В программных документах всех партий, кроме партий монархического и откровенно великодержавного толка, понятию «самоопределение» отводилось заметное место. Иное дело, что в него вкладывался различный смысл. Как нам кажется, ни одна из партий европейской общины не понимала это выражение так, как сами борющиеся за национальное самоопределение народы. В частности, для коренных жителей Туркестана слово «самоопределение» означало «определить свою судьбу».

Устремление к определению своей судьбы, усилившееся после свержения царского режима, стало, пожалуй, решающим фактором роста политического самосознания колониальных народов Российской империи, в том числе Туркестана, определения национальными политическими партиями и движениями приоритетных ориентиров общественного развития.

Что же могли почерпнуть туркестанские национальные политические организации из идейного багажа общероссийских партий? Какие перспективы разрешения национального вопроса они намечали?

Выше уже отмечалось, что туркестанские прогрессисты по многим идейным позициям были близки к партии либеральной российской буржуазии кадетов (конституционных демократов).

Как видится сегодня, в программе кадетов содержалось немало рациональных положений, реализация которых содействовала бы цивилизованному развитию страны. Она была рассчитана на реформистское преобразование России по западным образцам, активное внедрение институтов западной демократии. В плане государственного устройства России первоначально предлагалось перейти к конституционной монархии. Но к 1917 г. была сформулирована цель становления демократической парламентской республики. Законодатель-

ная власть при этом должна была принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен был встать президент республики. Орган народного представительства виделся в Учредительном собрании¹.

Однако национальная программа кадетов носила ограниченный характер. Провозглашая равенство граждан независимо от сословий, конституционные демократы в то же время признавали лишь право народов на свободное культурное самоопределение. Они решительно отвергали национально-территориальный принцип при формировании автономий, что вызывало раздражение даже среди представителей нерусской «буржуазии», более всего связанной экономическими интересами с метрополией.

Несколько дальше в трактовке принципа самоопределения пошла радикально-демократическая партия. Она высказывалась за предоставление угнетенным народам права обретения национально-политической автономии. В ее программных документах указывалось, что принцип автономии лишь нескольких крупных областей, имевших в недалеком прошлом политическую самостоятельность, не может удовлетворить все те национальные образования России, которые никогда не имели политической автономии или хотя и имели, но представляют теперь качественно и территориально сравнительно незначительные массы. «Удовлетворение законного стремления таких национальных масс к политической автономии может быть допущено без всякого ущерба для целостности России распространением политической автономии наряду с административной на мелкие территориальные единицы»². Однако и в программе эрдеков национальная автономия мыслилась лишь в ограниченном плане. Она не предполагала широкого предоставления суверенных прав.

Гораздо демократичнее представлялись национальные программы социалистических партий России и их краевых филиалов. Так, уже в момент организационного становления партия социалистов-революционеров (эсеры) заявила, что она стоит на точке зрения «полного и безусловного признания права на самоопределение, вплоть до отделения», а тем

¹ Водовозов В. Сборник программ политических партий в России. — Петроград, 1917. — С. 67.

² Там же. — С. 910.

народам, которые захотят остаться после революции в составе России, предлагалась свободная Федерация³.

К сожалению, в своих практических действиях эсеры оказались непоследовательными. В партии эсеров отчетливо проявился разрыв слова с делом в тот момент, когда часть ее лидеров вошла в состав правительственной коалиции, в частности, А.Ф. Керенский возглавил Временное правительство.

Диалектически не однозначный путь в разработке узловых положений национальной программы прошла Российская социал-демократическая (эсдеки) рабочая партия. Как известно, уже в скором времени после создания она распалась на два идейных течения: меньшевиков и большевиков.

Меньшевики в целом были солидарны с эсерами в вопросе предоставления народам России демократического права национального самоопределения. Однако и они в практическом плане проявили в послефевральские дни колебания и непоследовательность. Опасаясь полного развала Российской империи, меньшевики любыми путями стремились не допустить расчленения «единого» и «неделимого» государства.

На фоне политических колебаний российских социалистов внешне наиболее привлекательной выглядела национальная программа большевиков. Впоследствии это дало историкам-марксистам основание сделать ошибочный вывод о тесном слиянии национально-освободительного движения с пролетарским, о том, что только Советская власть обеспечила успешное решение национального вопроса.

Сегодня мы уже хорошо понимаем, что в реальной жизни все происходило иначе. Для большевиков особенно характерным было проявление политической нечистоплотности, явное несовпадение многообещающих призывов с общим стратегическим замыслом построения коммунистического общества. Это зримо проявилось в национальной политике.

Обращаясь к анализу большевистской модели решения национального вопроса, важно подчеркнуть, что ее главный разработчик, В.И. Ленин, в полной мере сохранил марксистскую методологию подчиненности национальных интересов классовым. Вслед за основателями «научного социализма» он в противовес национальной парадигме, ставящей во

---

³ Там же.

главу угла национально-этнические проблемы, выдвигал классово-интернациональную парадигму, по которой классовая принадлежность представлялась важнее национально-этнической и даже государственной. Лидер российских большевиков больше уповал на пролетарский интернационализм, на интеграцию, чем на самобытное развитие наций и народностей.

Ориентация на приоритет классовых интересов, недооценка национального фактора заметно обеднили потенциал национальной программы большевиков, определили ее внутреннюю противоречивость и методологическую ущербность, в том числе и в вопросах национального самоопределения.

Правда, к чести большевиков надо признать, что с самого зарождения большевизма как политического течения право на самоопределение неизменно провозглашалось в качестве основного. Более того, В.И. Ленин с присущим ему максимализмом призывал третировать социал-демократов, не признававших данного требования, как «врагов пролетариата, худших обманщиков» и исключать их из партии⁴.

Но ленинская теория самоопределения наций, как и другие взгляды большевиков на политические права, носила двойственный характер. В вопросах конкретной реализации права на самоопределение она содержала два противоположных подхода, отражающих взгляды ортодоксальных марксистов на перспективы общественного развития и понимание ими целей национально-освободительного движения в условиях капитализма и его последующей трансформации при социализме. В частности, Ленин особо выделял две коренным образом отличные с точки зрения национальных движений эпохи капитализма. Первая — это эпоха краха феодализма, формирования буржуазно-демократического общества, когда происходят активное пробуждение национальных движений, становление буржуазной национальной государственности. Вторая — эпоха вполне сложившихся капиталистических государств с установившимся конституционным строем, с четко выделившимся антагонизмом пролетариата и буржуазии, эпоха, которую В.И. Ленин определил как канун краха капитализма и победы социалистической революции. Для этой эпохи уже типично отсутствие массовых бур-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. — С. 313.

жуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, сближая и втягивая в торговый оборот нации, ставит на передний план антагонизм интернационального капитала, слитого с интернациональным рабочим движением.

В Российской империи, по мысли Ленина, борьба с пережитками феодальной автократии еще не завершилась. Поэтому завершение буржуазной революции здесь возможно лишь через процесс национального освобождения колониальных народов. И в данном случае признание принципа самоопределения всячески поощрялось. Ленин полагал, что требование права на самоопределение должно революционизировать массы, подводить их к непосредственным революционным выступлениям против царизма.

Мотив «революционной активизации» доминировал и в стратегии развертывания мирового революционного процесса. Будущий основатель Советского государства указывал, что социалистические революции могут вспыхнуть по самым различным поводам, в том числе и в связи с вопросом об отделении угнетенной нации. Долг социалистов в этих условиях — использовать все возможности для подъема революционной активности с тем, чтобы приблизить час революционного выступления против буржуазии. «Усиление национального гнета при империализме, — писал Ленин, — обуславливает для социал-демократии не отказ от «утопической», как говорит буржуазия, а напротив, усиленное использование конфликтов, возникающих... на этой почве, как поводов для массового действия и для революционного выступления против буржуазии»⁵.

Однако после победы социалистической революции методология восприятия принципа самоопределения должна была измениться. Для пролетариата, подчеркивалось в ленинских работах, достижение национальных целей, хотя и является шагом необходимым и прогрессивным, но имеет значение только как составная часть всемирной социалистической программы. На социалистическом этапе революции рабочие должны придавать особое значение требованиям международной солидарности революционного пролетариата. Они призваны так организовать страну, чтобы это способствова-

⁵ Там же. Т. 25. — С. 273—274.

ло победе социализма во всем мире. Право на самоопределение наций признается. Но решат ли рабочие, говорящие теперь от имени страны, воспользоваться этим правом, зависит от их отношения к высшим интересам мирового пролетариата. А оно заключается во всемирной интеграции, когда проблема границ отпадает. «Единство рабочих, единство интернациональной классовой борьбы пролетариата, — замечал В.И. Ленин, — бесконечно важнее, чем вопрос о государственных границах»⁶.

Таким образом, Ленин признавал право на самоопределение, но условно, как право на самоопределение при капитализме. При социализме же оно, по его мысли, исчерпывало свое значение. «В вопросе о самоопределении наций, — подчеркивал вождь российских большевиков, — нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций»⁷.

Другими словами, Ленина интересует в принципе не создание независимых национальных государств, а создание марксистских национальных государств, зависимых от одного марксистского центра, формирование новой, коммунистической империи, в которой национальное подчинено интересам победившего пролетариата. «Безусловно, признание борьбы за свободу самоопределения, замечает он, вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Мы должны всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством»⁸.

Говоря иначе, будущая большевистская форма правления многонационального российского государства представлялась не в виде федерации суверенных и полноправных наций, а в форме диктатуры имперского центра. Принцип федерализма, считал Ленин, тождественен децентрализации.

⁶ Там же. Т.27. — С. 439.

⁷ Ленин В.И. О национально-колониальном вопросе: Сб. статей. — М., 1956. — С. 35.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. — С. 233.

«Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, — писал он в предреволюционные годы, — марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»⁹. Отсюда и настороженное отношение к требованиям национальной автономии. «Нетрудно видеть, — утверждал лидер российских большевиков, — почему под правом самоопределения наций нельзя понимать ни федерации, ни автономии... Вставить в свою программу защиту федерализма марксисты никак не могут, об этом нечего говорить»¹⁰.

По мысли Ленина, нерусские народы могут обладать только областной автономией. Во всех дореволюционных разработках будущего основателя Советского государства упоминается лишь об «областных автономиях» Польши, Финляндии, Прибалтики, Кавказа. При этом сама предлагаемая «автономия» трактуется как простое местное самоуправление, созданное на таких же основаниях, что и в любой русской области.

Такова была концептуальная заданность ленинской стратегии национальной политики. Она в главном и основном определяла принципиальные установки послереволюционного национального строительства. Однако в тактическом плане ленинский подход к восприятию национального вопроса заметно отличался. Как обоснованно замечает А. Авторханов, специально исследовавший истоки становления советской коммунистической империи, большевики, и прежде всего сам их вождь, в угоду политической конъюнктуре высказывали по национальному вопросу нередко противоречащие друг другу положения¹¹. Пытаясь получить оптимальный политический выигрыш, они сосредотачивали внимание на той стороне проблемы, которая в конкретный исторический момент наиболее полно отвечала их стратегическим замыслам, причем нередко прибегали к приемам очевидного популизма. Так, если в момент организационного становления большевистской партии и в довоенный период Ленин категорически выступал против реального националь-

⁹ Там же. — Т. 24. — С. 144.

¹⁰ Там же. — С. 218.

¹¹ См.: Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. — Вильнюс, 1990. — С. 2123.

ного самоопределения, то начиная с 1914 г. он в целях объединения антисамодержавных сил, в том числе национально-освободительных движений, все более громко стал заявлять о необходимости обеспечения гарантий этого «самоопределения», вплоть до отделения от государства.

Наиболее зримо новая тактическая линия проявилась после падения царского режима и приезда В.И. Ленина в Россию. В своем выступлении на Апрельской конференции РСДРП в 1917 г. он, в контексте выдвинутого курса на перерастание «буржуазной революции в социалистическую», особо подчеркнул, что «в национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства»¹².

Не все участники конференции согласились с такой постановкой вопроса. Многие из большевиков не хотели признавать даже в пропагандистских целях никакого «самоопределения». Среди них Ю. Пятаков, И. Сталин и др. И это понятно. Ведь в принципе ортодоксальные марксисты видели свою главную задачу не в расчленении будущей социалистической России, а, напротив, в присоединении все новых и новых государств. Бесспорно, это отвечало духу ленинской доктрины. Но они откровенно пропагандировали свои взгляды в явно не подходящий политический момент. Наша конечная цель, утверждали оппозиционеры по национальному вопросу, — победа мировой революции. Так почему же мы должны лицемерить, признавая право на самоопределение и выход из будущей социалистической России всех нерусских наций и народностей? Наоборот, говорил Ю. Пятаков, «социализм не знает государственных границ, поэтому наш лозунг — «прочь всякие границы»¹³.

Подобный психологический настрой был созвучен настроениям основной массы большевиков. Не случайно позже Ю. Пятаков встретил такую поддержку со стороны участников конференции, что редакционная комиссия большин-

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. — С. 167.

¹³ Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). — М., 1958. — С. 212.

ством в семь голосов против двух одобрила резолюцию, в которой указывалось, что разрешить национальный вопрос может лишь «метод социалистической революции под лозунгом «Прочь границы!». Отвергалось такое решение, как «раздробление крупных государственных образований на мелкие национальные государства», и утверждалось, что право наций на самоопределение «есть простая фраза, без всякого определенного содержания»¹⁴.

Однако Ленин, будучи гибким политиком, понимал, что реализовать затаенную стратегическую цель марксистов столь откровенными заявлениями нельзя. В условиях многонационального российского государства, когда под воздействием февральской революции все более отчетливо проявлялся национальный сепаратизм, важно было в угоду политической конъюнктуры поддержать его. Ленин сумел переубедить экстремистски настроенных участников конференции. Резолюция, предложенная Пятаковым, была отвергнута и принята ленинская редакция, в которой отмечалось, что «за всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов и аннексий»¹⁵.

Настойчивая устремленность Ленина на провозглашение «свободы отделения» подпитывалась желанием подключить к политической армии социалистической революции обширные национальные анклавы Российской империи, в том числе Туркестан. Ведь Временное правительство не внесло ожидаемых перемен в государственную национальную политику. Напротив, по мере развертывания национально-освободительной борьбы оно все более открыто выражало отрицательное отношение к требованиям национальных меньшинств.

Концентрированное выражение стратегия национальной политики Временного правительства получила в проекте статей нового Основного закона об автономии и федерации, разработанного лишь к октябрю 1917 г., когда страна

¹⁴ Там же. — С. 282—283.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. — М., 1983. — С. 503.

оказалась в преддверии октябрьского переворота. В нем отчетливо проводилась мысль, что российское государство представляет «единое и неделимое». На национальных территориях предлагалось ввести только «региональные автономии», в которых общероссийские законы верховенствовали бы над местными, а местные считались действующими, если они не будут противоречить законам, принятым центральным правительством.

Как видно, внутренние мотивы подобной политики отражали глубинное противоречие между тягой народов к независимости, самоопределению и избавлению от национального гнета и властными устремлениями правящих кругов обуздать дезинтеграционные процессы. Ведь «суверенизация» несла с собой угрозу территориальной целостности российского государства, делала реальной опасность его распада.

С такой же проблемой вскоре столкнутся и большевики. Их методы сохранения «единой и неделимой» России окажутся предельно насильственными. Но в послефевральских реалиях ленинцам было чрезвычайно выгодно использовать тягу угнетенных народов к независимости для подрыва «буржуазного строя», расшатывания российской государственности. Поэтому если ранее лидер большевиков России категорически отвергал мысль о федерации и признавал лишь право на создание «областной автономии», то в бурные февральские дни он все больше склоняется в сторону федерализма. На первом съезде Советов в июне 1917 г. он впервые от имени большевистской партии объявил, что ее цель — федеративная республика.

Подобная тактика дала плодотворные результаты. Позиция большевиков по мере углубления национальных и социальных проблем упрочилась. Росло их влияние и в Туркестане. Хотя следует сказать, что специфика политических процессов, протекавших в крае, накладывала свой отпечаток. В основном влияние ленинцев росло среди русских рабочих и солдат. Коренное население было слабо знакомо с большевистской идеологией и социалистическим учением в целом. Представленные преимущественно пришлыми мигрантами, не знающие местного языка и истории народа, большевики оказались отчужденными от коренных туркестанцев, от их кровных интересов и национальных потребностей.

Аналогичная отчужденность наблюдалась также между филиалами общероссийских партий в Туркестане, Советами рабочих и солдатских депутатов, сформированными главным образом из европейских слоев населения, и представителями титульных этнических групп. Из нововывявленных фактов отчетливо видно, что созданные в 1917 году Советы рабочих и солдатских депутатов, в состав которых входили и меньшевики, и эсеры, и большевики, так же, как и Временное правительство, вопреки декларируемым программным установкам, на практике выступали против самоопределения народов Туркестана, за продолжение имперской политики.

В поворотном 1917 году выразителями насущных общественных потребностей коренного населения края стали национальные политические организации и демократические движения. Среди национальной интеллигенции все отчетливее вызревала идея национальной автономии. На ее оформление, безусловно, какое-то воздействие оказывали национальные программы ведущих политических партий России. Ведь национальные демократы, обладая в своей основной массе высоким образовательным уровнем, были хорошо знакомы с программными документами общероссийских партий и движений. Тем не менее в своих истоках идея национальной автономии исходила из прошлого опыта национально-освободительной борьбы. На ее эволюцию огромное воздействие оказали послефевральские реалии. Она углублялась и обогащалась новыми концептуальными положениями в горниле борьбы народов края за расширение своих суверенных прав.

Надо сказать, что среди мусульманских лидеров Туркестана не было единства во взглядах на перспективу решения национального вопроса и государственных взаимоотношений с Россией. Часть из них видела возможность этноконсолидации вне рамок российского имперского объединения. Другая, большая часть, ориентировалась на идеи политического федерализма и территориальной автономии. Как свидетельствуют документы, в целом вплоть до Октября 1917 г. идеи политического сепаратизма официально не выдвигались. Более того, первоначально после Февраля наряду с тенденцией федерализма наблюдались центристские тенденции. Лишь постепенно, обусловленные хозяйственными трудностями, а также неспособностью центральной власти к управлению, стали интенсивно расти центробежные силы.

На первом этапе послефевральского развития лидеры национальных движений Туркестана во многом связывали устремления к свободе с политической поддержкой российских демократических организаций и реформаторской деятельностью Временного правительства. Так, находясь в февральские дни в революционном Петрограде, Мустафа Чокаев и возглавляемая им туркестанская мусульманская фракция в Государственной Думе сразу же приступили к разработке конкретного плана по обеспечению права коренного населения края на самоопределение. Этот план предполагал создание в Туркестане национальных автономий в составе единой туркестанской конфедерации.

К сожалению, Временное правительство не смогло преодолеть барьер имперского мышления. Оно однозначно высказалось против самоопределения широких народных масс колониальных окраин. Нерешительность проявили в данном вопросе и главные политические партии центра, а также созданные на гребне февральской революции Советы. Мустафа Чокаев в этой связи вспоминает, как в марте 1917 г. перед отъездом из Петрограда в Туркестан он зашел к председателю Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, лидеру социал-демократической фракции IV Государственной Думы Н.С. Чхеидзе, с которым был знаком задолго до революции. Когда Чхеидзе спросил о предстоящих планах, Мустафа ответил, что он будет добиваться автономии для Туркестана и займется подготовительной работой. Чхеидзе испугался ответа Мустафы: «Ради бога, товарищ Чокаев, не говорите вашим соотечественникам об автономии, ибо, во-первых, сейчас еще рано говорить об этом, а во-вторых, автономия в такой стране, как ваш Туркестан, где население совершенно другой культуры, крови, языка, религии, это будет верным шагом к сепаратизму, а сепаратизм вне революционной и демократической России будет не на пользу вашему народу»¹⁶.

Позиция центрального Совета солдатских и рабочих депутатов, конечно же, не могла не отразиться на деятельности Туркестанского краевого Совета рабочих и солдатских

¹⁶ Мустафа Чокай. Истиклол жаллодлари (1917 йил хотиралари). — Т.: Гофур Гулом номидаги нашриёт, 1992. — 22 б.

депутатов. По документам видно, что КРАС многие свои действия согласовывал с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. К тому же следует подчеркнуть, что местные Советы в большей мере, чем в центре, были заражены великодержавным шовинизмом. Это особо проявилось на состоявшемся с 7 по 15 апреля 1917 г. в Ташкенте I Туркестанском краевом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, когда был поднят вопрос о власти. Надо отметить, что среди 263 собравшихся делегатов лишь пятеро были представителями от мусульман¹⁷.

Мнения по обсуждаемому вопросу высказывались часто противоположные. Вот основные: нельзя торопиться с коренной ломкой существующего управления в крае до созыва Учредительного собрания; в интересах отдельных областей нужно упразднить центральную краевую власть; установить самостоятельное управление областей; краевая сильная власть необходима для разрешения конфликтов между областями. Спор шел о том, какой должна быть власть — коллективной или единоличной при общественном контроле со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов.

Выступив за центральную, но коллективную власть в крае, Г.И. Бройдо обратил внимание делегатов на то, что в управлении важно не просто сменить одно лицо другим, а коренным образом изменить саму систему и, решая этот вопрос, стараться предвосхитить будущее.

Один из делегатов съезда отметил, что данный форум не представляет всего населения Туркестанского края, а потому не может иметь решающего значения. «Здесь представлены только организованные группы, но в Туркестане имеется масса туземного населения, сидящая по глухим углам, которая ни о каких свободах не имеет понятия»¹⁸.

Сабиржон Юсупов, делегированный на съезд от солдатского комитета, выразил сожаление, что на съезд не были приглашены представители мусульман. «Не думайте, что туземцы не доросли до общественной жизни, — это ошибка, ибо благодаря быстро совершенной организации сейчас получились уже блестящие результаты. Туземцы не повинны в

¹⁷ Термины «мусульманин» и «мусульманский» употреблялись в 1917 — 1918 гг. как общее наименование всех коренных национальностей края.

¹⁸ Туркестанские ведомости. 1917. 12 апреля.

том, что старая власть отделяла их от русских, не желая духовного объединения между ними. Но теперь уже такое объединение мусульманам желательно и они на деле докажут, насколько ошибочны взгляды об их неподготовленности. В то время, когда народности начали объединяться – разделять власть несвоевременно». Юсупов высказался за единую власть в Туркестане, безразлично в какой форме, но под общественным контролем русских и мусульман¹⁹.

Выражая обоснованное недовольство мусульман, С. Юсупов потребовал введения представителей коренного населения в состав избираемых высших структур власти. Однако его требования повисли в воздухе и не изменили шовинистического настроения большинства присутствовавших делегатов. Хотя часть демократически настроенных посланцев европейской общины пыталась обеспечить необходимый политический консенсус. Так, делегат от Ферганы Вадим Чайкин предложил при назначении высшей краевой власти непременно учесть настроение мусульман, так как «в их представлении власть должна быть едина, и расчленение власти может создать в их среде превратное понятие о безвластии»²⁰.

Тем не менее, выступив за учреждение в России демократической республики с сильным центральным органом, съезд не высказал своего отношения к таким важным для народа Туркестана вопросам, как автономия края, ликвидация национального неравенства, оставив их решение Учредительному собранию.

Съезд принял резолюцию о доверии Временному правительству и поддержал отказ Туркестанского комитета Временного правительства о предоставлении краю автономии. Такое же решение принял в мае 1917 года и краевой съезд партии эсеров.

В эти же дни (9–16 апреля 1917 г.) в Ташкенте проходил съезд исполнительных комитетов Туркестанского края, на котором из 171 делегатов, представлявших 74 общественные организации, 99 человек были представителями европейского населения и 72 – коренного населения. Такая этно-расстановка политических сил сказалась на ходе обсуждения перспектив государственного переустройства. Ведь, как уже

¹⁹ Туркестанские ведомости. 1917. 12 апреля.

²⁰ Там же.

отмечалось выше, национальные приоритеты европейской общины и коренного населения не были идентичны. Представители европейских партий и движений, за редким исключением, проявляли в национальном вопросе концептуальную ограниченность. В их программных установках открыто или в завуалированной форме доминировало стремление сохранить российскую державу «целой и неделимой», в то время как коренные туркестанцы связывали будущее края с поступательным расширением суверенных прав.

Не случайно бурное обсуждение на съезде вызвал вопрос о будущей форме правления в России. Выдвинутая идея федеративного республиканского устройства как формы, дающей «всем народам России возможность самоопределения», была неоднозначно воспринята как ее сторонниками, так и противниками.

Высказываясь против установления в России централизованной республики, одна часть сторонников федеративного устройства из состава посланцев европейских слоев населения связала вопрос о предоставлении автономии с определенным уровнем культурного и политического развития народов. А так как они считали, что народы Туркестана еще не достигли должного уровня, то им «должна быть предоставлена возможность воспользоваться автономией впоследствии». Другая же часть полагала, что автономия должна быть территориальной, а не национальной.

Каковы бы ни были оттенки мнений, все они по сути сводились к недоверию, игнорированию интересов многомиллионного коренного населения края, пренебрежительному отношению к его праву на самоопределение. И это с горечью констатировали принявшие участие в работе съезда лидеры национальной демократии.

Мустафа Чокаев, вспоминая работу съезда, приводит выдержку из выступления председателя Кокандского союза учителей Л.С. Некоры, который сказал: «Революцию сделали русские революционеры, русские рабочие, русские солдаты. И поэтому управление в Туркестане и власть принадлежит нам — русским. А местное население должно довольствоваться тем, что мы им дадим...»²¹. Махмудходжа Бехбу-

²¹ *Мустафа Чокай*. Истиклол жаллодлари (1917 йил хотирлари). — 23 б.

ди, встав на защиту народов края, с гордостью говорил о них как о народах с древнейшей историей и культурой, достижения которой вошли в сокровищницу всего человечества, как о народах, давших миру известных ученых, правоведов, высокие образцы архитектуры, как о народах со своим укладом жизни, высокой степенью развития земледелия, садоводства, ремесла. Вину за современное состояние народа, его невежество и темноту он возложил на царский режим²².

Бехбуди поддержали Ахмад Заки Валиди, Мустафа Чокаев, Ислам Шоахмедов. Правда, и среди мусульманских делегатов обозначились отдельные различия в подходе к обсуждаемым вопросам. К примеру, Ахмад Заки Валиди в своих воспоминаниях отмечает, что на съезде он выступил за федеративное устройство России. Однако из-за того, что Мустафа Чокаев был связан с кадетами, а Ислам Шоахмедов — с социал-демократами, они оба не присоединились к идее федерации, хотя в принципе и не отвергали ее.

Мусульманские федералисты опасались того, что если съезд исполнительных комитетов Туркестана примет антифедеративные решения, то это может повлиять на ход работы I Краевого мусульманского съезда, созыв которого был намечен на 16 апреля, а также Всероссийского мусульманского съезда. Поэтому они настроились на бескомпромиссную борьбу, даже против тех, кто считался их друзьями. В этой борьбе Заки Валиди поддержали Махмудходжа Бехбуди, лидер эсеровской партии Вадим Чайкин и востоковед Леонид Зимин. «Особенно под воздействием выступления М. Бехбуди, — отмечает Заки Валиди в своих воспоминаниях, — почти все узбекские, казахские и туркменские делегаты, приехавшие из сельской местности, стали сторонниками федерации. Таким образом, унитаризм был побежден»²³.

В принятой по обсуждавшемуся вопросу резолюции съезд признал «наиболее соответствующим установление в России демократической республики на принципах широкой автономии отдельных областей государства, с предоставлением в отдельных случаях полной федеративности, с ограждением прав меньшинства»²⁴. Иными словами, съезд, где преоблада-

²² Протоколы съезда делегатов Исполнительных комитетов Туркестанского края. — Ташкент, 1917. — С. 8.

²³ См.: Валиди А.З. Хотиралар / Шарк юлдузи. 1993. № 56. — С. 136.

²⁴ Протоколы съезда делегатов Исполнительных комитетов Туркестанского края. — Ташкент, 1917. — С. 8.

ли делегаты-европейцы, высказался скорее за территориальную, чем за национальную автономию.

Еще более углубились на съезде противоречия при обсуждении доклада Н.Т. Малицкого о реформе городского самоуправления в Туркестане. Свой проект о разделении городского самоуправления на два самостоятельных органа — для европейского и отдельно для коренного населения — он мотивировал тем, что европейская часть при единой форме самоуправления в силу своей малочисленности неизменно будет подавлена представителями местного населения. Проект Малицкого был критически воспринят почти всеми выступавшими. Некоторые из них увидели в нем опасность противопоставления, разъединения национальностей, усиления национальной розни. Отстаивая единство городского управления, они видели выход в его формировании на принципе пропорционального представительства в нем всех проживающих в Туркестане народностей.

Особенно непримиримую позицию заняли представители национальной демократии. Ахмад Заки Валиди квалифицировал этот проект как линию на обособление русских от местного населения, продолжение колониальной политики. Бехбуди, настаивая на создании единого городского самоуправления, видел в нем орган, воспитывающий народы в духе понимания друг друга, орган усиления влияния более развитой культурной части населения на менее развитую. В целях защиты интересов меньшинства, т.е. европейской части населения, он предлагал компромиссное решение: при формировании органов самоуправления взамен пропорционального принципа предоставить европейскому населению одну треть всех мест²⁵.

Как отметил Мустафа Чокаев, в те дни «среди русских обозначились два течения: первое из них — это Совет рабочих и солдатских депутатов, который стремился привязать местные организации к Советам. Второе же течение, противостоявшее Совету рабочих и солдатских депутатов, представляло собой группу людей, которую возглавил бывший ташкентский голова Малицкий. Русские из второго течения пытались отделить местное население от русских и тем самым создать две противоборствующие группировки»²⁶.

²⁵ Там же. — С. 28–29.

²⁶ Мустафа Чокай. Истиклол жаллюдларн. — С. 74.

Выкристаллизовалась позиция официальных органов Турккомитета по проблеме предоставления автономных прав народам края. Она, безусловно, отражала политику Временного правительства. Как сегодня видится, национальная программа центрального правительства с самого начала вступила в противоречие с этническими интересами народов России, которые все более настойчиво желали как минимум стать равноправными субъектами, а в перспективе самоопределиться.

Официальная власть обещала установление федерации, однако практических шагов в данном направлении не предпринимала. Народы же хотели реального самоопределения. Многого в 1917 г. они не требовали. Речь шла, как правило, всего лишь об автономии. Однако это требование воспринималось как «несвоевременное». В итоге национальная политика Временного правительства все более вызывала недовольство.

Какие же пути «автономизации» края видел Турккомитет? В середине апреля он собирает по этому вопросу специальное совещание.

Газеты тех лет дают возможность выявить, каким образом предполагалось его решить. Так, статья некоего К. Тимаева «Автономия Туркестана» в газете «Туркестанский курьер» от 23 (15) апреля 1917 г. написана под впечатлением этого совещания и, очевидно, отражает не только личное мнение автора. «Исключительное положение Туркестанского края, — пишет Тимаев, — делает невозможным введение в нем полной политической автономии... Как колония Туркестан должен быть устроен в отношении самоуправления наподобие английских и французских колоний. При этом нужно иметь в виду громадную разницу, которая безусловно наблюдается между населением Канады и Австралии и туземным населением Туркестана, а также и количество туземцев в сравнении с нашим Туркестаном».

Итак, заключает автор статьи, и при «демократии» Туркестан должен оставаться русской колонией, и не такой, конечно, как Канада и Австралия, где население обладает высокой культурой и где много европейцев. До такого положения Туркестан еще не дорос, он должен занять примерно такое же положение, как английские и французские колонии в Азии и Африке...

Весьма красноречив и такой документ, как письмо при- сяжного поверенного И.В. Чертова и Б.А. Вараксина на имя А. Керенского: «...Крайне важно знать, какую политику вы будете поддерживать по отношению к Туркестанскому краю: федеративную или колониальную. По нашему мнению, Туркестанский край должен быть русской колонией, хотя бы временно, ибо невозможно ожидать, чтобы мусульмане от- решились теперь же от религиозной, национальной и пле- менной нетерпимости. Если предоставить мусульманам при настоящих условиях возможность самоопределиться, то кар- тина недалекого будущего рисуется нам в виде борьбы от- дельных племен и родов за власть, что, несомненно, примет характер кровавой бойни, предотвратить и прекратить кото- рую мусульмане не будут в состоянии без помощи извне»²⁷. Последнее замечание о «помощи извне», конечно, означало, что России следует опасаться отпадения края, его перехода под эгиду либо Турции, либо Британии. А посему система имперства, колонизаторства должна оставаться незыблемой.

Как видим, по вопросу об автономии Туркестана и организации управления краем Туркестанский комитет Вре- менного правительства занимал позицию сохранения коло- ниальных методов управления.

Отношение же коренного населения к стержневой про- блеме Туркестана — автономии края — ярко прослеживается по документальным материалам мусульманских съездов.

В обстановке нарастающей общественно-политической активности коренного населения Туркестана в Ташкенте 16 апреля 1917 г. начал работу I Всетуркестанский съезд му- сульман, созванный по инициативе «Шурои-Исломия». На нем присутствовало 150 делегатов, представлявших все ко- ренные народы края. В президиум съезда вошли Мунаввар кары, Убайдулла Ходжаев, Шерали Лапин, Мустафа Чока- ев, Ташпулатбек Норбутабеков, Ахмад Заки Валили, Садык Саггаров, Ислам Шоахмедов, Абдурахмон Уразаев, Мулла Абдулхамид Махмудов, Серикбай Акаев, Ахмалбек Куйба- каров, Собиржон Юсупов. В работе съезда приняли участие члены Турккомитета А. Давлетшин, С. Максуди, М. Тыныш- паев. В повестку дня были включены следующие вопросы:

²⁷ Цит. по журналу «Пролетарская революция». 1924. № 8. — С. 111.

отношение к Временному правительству; о форме правления в России; подготовка к созыву Учредительного собрания; местные гражданские и духовно-шариатские учреждения в Туркестане: школы, медресе и вакуфы; финансовые дела; обновление учреждений, оставшихся от прежних времен; о создании духовного исламского управления; продовольственный вопрос; отношение к войне; о тыловиках; об образовании краевого «Шурои-Исломия»; отношение «Шурои-Исломия» к исполнительным комитетам; о выборах делегатов на Всероссийский мусульманский съезд; о земле и воде.

В центре внимания съезда оказались вопросы о будущей форме управления в России и организационной консолидации мусульман Туркестана.

С докладом «О государственном управлении и его организации» выступил Ахмад Заки Валиди. Он аргументированно старался утвердить идею федерации. Его поддержали Мухмудходжа Бехбули, Обиджон Махмудов, Мухаммаджон Тынышпаев, Вадим Чайкин. Однако взявшие вслед за ними слово Садри Максуди, редактор газеты «Улуг Туркистон» Кабир Бакр и некоторые другие выступили против федерации и предложили оставить формулировку «Демократическая Российская Республика». Поначалу к идее федерации не присоединились Мунаввар кары и Убайдулла Ходжаев, но затем они изменили свои идейные позиции и перешли в стан федералистов²⁸.

Участники съезда очень активно обсуждали вопрос о будущем государственном устройстве края. Высказывались самые разные точки зрения. В частности, Мунаввар кары, Мустафа Чокаев и Садри Максуди в то время считали, что «мусульмане не смогут сами справиться с управлением земельно-водными делами», а потому следует добиваться автономии в культурно-просветительских вопросах²⁹.

Примечательно то, что в работе съезда приняли участие русские соотечественники. С особым вниманием участники съезда встретили выступление редактора андижанской газеты «Туркестанский голос» Вадима Чайкина. Вот выдержка из его речи: «Дорогие друзья-мусульмане. Я поздравляю вас со Свободой. То, что мы достойны этой Свободы, было извест-

²⁸ См.: Шарк юлдузи. 1993. № 56. — С. 137.

²⁹ Наджот. 1917. 23 апреля.

но уже с июля прошлого года (имеется в виду восстание 1916 года. — А.С.). Я отношусь к той партии, в которой состоит и уважаемый Керенский. Я выступаю за предоставление каждому народу отдельной федерации, а малым нациям — национально-культурной автономии»³⁰.

Съезд выдвинул резолюции, типичные для периода марта-апреля 1917 г., призывая к разработке российской конституции, базирующейся на демократических и федеративных принципах, равных правах для мусульман. Съезд единодушно поддержал идею утверждения в России Федеративной Демократической Республики с предоставлением широкой автономии всем областям, в том числе и Туркестану³¹.

Вопрос об автономии стал активно подниматься в мусульманской среде после I Всероссийского съезда мусульман, состоявшегося в Москве с 1 по 2 мая 1917 г. На нем присутствовали представители почти всех политических течений от правых консерваторов до левых радикал-социалистов с берегов Волги, из Крыма, с Кавказа, а также делегаты от Туркестана, Бухары и Хивы.

Съезд обсудил обширный пакет вопросов, связанных с жизнью мусульманского населения. В организационном плане для координации региональных партий и движений был избран Всероссийский мусульманский совет, который сокращенно именовался как Миллий Шуро. В исполнительный комитет данного Совета от Туркестана вошли Убайдулла Ходжаев и Ислам Шоахмедов.

Исполком и его председатель Ахмед Салихов (Цаликов) в своей политической деятельности исходили из того, что «почти все мусульмане середняки» и среди них нет крупных баев, «классовые различия среди мусульман очень незначительны» и что в этом состоит их преимущество, поскольку «классовые различия сильно обостряют политическую жизнь, это разделяет силы нации», а потому призвали мусульман объединиться «под знаменем демократии», ибо только в этом случае можно «обеспечить себе национальную и культурную автономию»³².

---

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Наджот. 1917. 23 апреля.

Однако при всем стремлении к консолидации добиться ее оказалось делом непростым, причем именно в вопросе об автономии мусульманских районов страны.

Принятые на съезде решения отражали растущую поляризацию идейных представлений разнообразных общественно-политических течений внутри мусульманского населения. Особенно острая полемика развернулась по вопросу о форме национально-государственного устройства России. В конечном итоге обозначились две большие группы. Одна из них стояла на принципах централизма и выступала за экстерриториальную культурную автономию мусульман в составе демократической Российской республики. Их называли «унитаристами». Другая группа выступала за территориальную автономию для мусульманских народов в составе Российской федерации. Они именовали себя «федералистами».

Позиция первых была изложена в резолюции Ахмеда Салихова, а вторых – в резолюции Мухаммад Амина Расул-заде.

После бурных и продолжительных дебатов большинством (446 – за, 271 – против) была принята резолюция Мухаммад Амина Расул-заде.

В резолюции говорилось:

«а) Признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией;

б) для регулирования общих духовно-культурных вопросов мусульманских народностей России и солидарных их выступлений учреждается центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области. Форма, состав и функции этого органа определяются первым учредительным съездом представителей всех автономных единиц»³³.

Председатель Краймуссовета Мустафа Чокаев, вспоминая о работе съезда, позже писал: «По протоколам съезда и свидетельству его участников выявляется, что на съезде ни

³³ Программные документы мусульманских политических партий (1917 – 1920 гг.). – Оксфорд, 1985. – С. 33.

один голос не выступил за отделение от России. На съезде звучали голоса, выступавшие против федеративного устройства России. Приверженность к федерации осознавалась как доверие всероссийской демократии... Позже опыт создания разных национальных суверенных правительств, просуществовавших недолгое время, с одной стороны, показал ошибочность нашего общего доверия русской революционной демократии, с другой стороны, заблужденное представление о том, что каждый край и каждый народ, создав свое государство, сможет своими силами сохранить его от лап империализма»³⁴.

Рассуждая о федерации как о свободном демократическом союзе на национально-территориальных началах, член Краймуссовета М. Бехбуди в статье «Хакикатнинг баёни», опубликованной в газете «Улут Туркистон», писал: «Мы хотим, чтобы мусульмане России стремились к федеративному устройству страны. Каждая мусульманская община России должна разделиться сообразно своему географическому и территориальному положению и управляться в соответствии с их обычаями и традициями, организовав для всех российских мусульман Центральное управление мусульман, держась рука об руку, вместе с русскими участвовать в политических и экономических делах страны и выйти на мировую арену процесса. Чтобы создать федерацию, мы, российские мусульмане, в частности, мусульмане Туркестана, не отделяясь от России, должны устранить наши противоречия и разногласия между кадимистами и джадидами и объединиться. Мы хотим, чтобы мусульмане Туркестана вместе с проживающими в нем русскими, евреями и другими учредили Туркестанское правительство с целью, чтобы у нас был внедрен парламентаризм, при котором туркестанские мусульмане могли бы жить согласно шариату, своим обычаям, традициям и религии. Должны быть изданы такие законы, которые учитывали бы интересы всех туркестанцев, будь то еврей, христианин или мусульманин.

Если мы, мусульмане Туркестана, совместными усилиями продвинемся к реформам и союзу и объединим интеллигенцию и прогрессистов вместе с баями и уламо, то тем самым мы окажем огромную услугу нашей религии, нации и Отечеству»³⁵.

³⁴ Мустафа Чокай. Истиклол жаллодлари. 51 б.

³⁵ Улут Туркистон. 1917. 12 июня.

Значительный резонанс в жизни туркестанцев вызвали решения II Всероссийского мусульманского съезда, съезда «Уламо» и мусульманского военного съезда, прошедших почти одновременно во второй половине июля в Казани.

На II Всероссийском мусульманском съезде, открытие которого состоялось 17 июля 1917 г., приняли участие более 260 делегатов от всех мусульманских народов, в том числе и от Туркестана.

По большинству рассматриваемых вопросов делегаты солидаризировались с решениями I Всероссийского съезда мусульман. Однако при обсуждении вопроса о национально-государственном устройстве делегаты трех съездов сочли нужным провести 22 июля объединенное заседание, на котором была принята следующая резолюция: решение вопроса о форме правления в Туркестане, Киргизии, на Кавказе и в Крыму предоставить самому населению этих окраин, а для мусульман внутренней России и Сибири создать широкую национально-культурную автономию.

Принятие такого решения, как нам кажется, представляло собой значительный шаг назад по сравнению с выдвинутым ранее требованием территориальной автономии³⁶.

Таким образом, съезд принял решение о национальном самоопределении мусульманских народов, призвав немедленно приступить к его практическому осуществлению, начав создавать учреждения по организации самоуправления.

На мусульманском военном съезде, который проходил с 17 по 24 июля 1917 г. в г. Казани, отмечалось, что Всероссийский мусульманский военный Совет в делах организации отдельных мусульманских войсковых частей имеет право войти в сношения с центральными организациями всех национальностей России и, если найдет нужным, образовать с ними блок.

Обсуждая вопрос об организации отдельных мусульманских войсковых частей, делегаты пришли к выводу, что в случае, если постоянное войско будет сохранено и не будет заменено народной милицией, оно должно быть переформировано по национальному признаку.

Причем предлагалось немедленно отправить делегацию в Петроград для решения данного вопроса, а при отрица-

³⁶ Хуррият. 1917. 15 августа; Равнак-ул Ислом. 1917. № 5.

тельном ответе приступить к организации мусульманских частей явочным порядком³⁷. Съезд решил создать мусульманскую армию и для этого образовал Всероссийский мусульманский военный Совет («Вошуро»). Председателем Вошуро был назначен 22-летний прапорщик Ильяс Алкин. Этот молодой и энергичный офицер по вопросам национально-государственного строительства стоял на позициях эсеров.

На II Всероссийском мусульманском съезде с обстоятельным докладом о положении коренных народов Туркестана выступил Убайдулла Ходжаев. С болью он говорил о бесчеловечных условиях, в которые ввергнуты коренные народы края в результате колонизаторской политики царизма и российского капитализма, ничем не прикрытого ограбления их природных ресурсов, ежегодного присвоения более чем стомиллионной прибыли только от вывоза хлопка. Но и революция, которую радостно приветствовали туркестанцы, отмечал докладчик, не оправдала их надежд на возрождение края, стремления быть хозяевами своей земли. Управление краем продолжало оставаться у пришлых, составлявших всего 5% от численности населения края. Докладчик выразил резко критическое отношение к деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов, заявлявших на словах о своей приверженности демократии, а на деле продолжавших проводить прежнюю политику игнорирования интересов народов края. С гневом он говорил о продолжающейся трагедии в Семиречье³⁸.

Выработанные съездом решения послужили платформой для объединения мусульманского движения во всероссийском масштабе. При всей ее заостренности на проблемах мусульманского населения она отличалась последовательным демократизмом и цивилизационно обновленческой направленностью. С наглядностью это проявилось в решении съезда об уравнивании в политических правах мусульманских женщин с мужчинами, об ослаблении некоторых норм шариата в сторону эмансипации, равноправия женщин. Эта тенденция к полевению мусульманского движения была воспринята духовенством не только Туркестана, но и всей России как угроза их позициям и породила ответную волну, стрем-

³⁷ См.: Улуг Туркистон. 1917. 30 июля.

³⁸ Хуррият. 1917. 15 августа.

ление обособиться и встать на защиту и сохранение в неприкосновенности всех норм и установлений ислама.

Анализируя решения мусульманских съездов в Казани, газета «Кенгаш» опубликовала заметку «Воинская организация мусульман», в которой приветствовала создание Всероссийского мусульманского военного Совета («Вошуро») и его отделений в Туркестане. В статье содержатся сведения об образовании мусульманского военного комитета в Самарканде. Находившийся в Самарканде по делам Краймуссовета Заки Валиди изучил устав этого комитета и внес в него необходимые поправки. Газета «Кенгаш» выразила сожаление о том, что в Туркестане все еще малочисленна мусульманская армия. «А ведь невооруженный народ, — пишется в заметке, — сможет достичь поставленных перед собой целей только тогда, когда объединится в единую организацию и защитит себя вооруженными силами»³⁹.

Размышляя об автономии, Абдурауф Фитрат пришел к следующему заключению: «Каждый должен надеяться на свои силы и возможности. Тот, кто, не веря в свои силы, устремляется к желанным целям, конечно, упадет на полпути. А тот, кто уверен, тот обязательно доведет начатое дело до конца. Эти присущие человеку чувства мы можем найти и у нации. Нации, не верящие в свои национальные силы, обязательно упадут. Народ, ожидающий посторонней помощи для осуществления своих чаяний, медленно сползает в пропасть...»⁴⁰.

Разногласия, проявившиеся в этот период в мусульманском обществе и приведшие к изменению баланса сил в национально-освободительном движении, побудили лидеров автономистского движения выдвинуть концепцию единения всех мусульман.

Идея единения и независимости была настолько сильна, что во многом определила тенденцию к консолидации национальных сил в период между Февралем и Октябрем.

«Мусульмане Туркестана, — писал Фитрат, — давайте объединяться во имя Бога, во имя Пророка, религии, нации: закроем глаза на имеющиеся в наших рядах амбиции и клас-

---

³⁹ Кенгаш. 1917. 19 июня.

⁴⁰ Хуррият. 1917. 4 августа.

совые деления. Будем объединяться во имя главного веления ислама, во имя братства и единения. Ради Бога, ради религии, Родины и нации все мы – джаиды, кадимы, муллы и богатые – соберемся в одном месте, поможем друг другу»⁴¹.

Однако достичь идейного консенсуса не удалось. Как в масштабе страны, так и в Туркестане между различными мусульманскими политическими течениями сохранялись противоречия.

Истоки противоречий, разъединявших туркестанское общество, крылись в неоднозначности восприятия путей реализации национальной идеи, подходов к перспективам общественного переустройства края, форм и методов национального самоопределения. О них уже достаточно говорилось выше. Касаясь же рассматриваемого в настоящем параграфе аспекта, хотелось бы подчеркнуть, что эти противоречия обусловили раскол одной из самых представительных мусульманских политических организаций Туркестана – «Шуро-Исломия». В июне 1917 г. из нее выделилось новое политическое объединение – «Шуро-Уламо». Как и шуроисламисты, туркестанские уламоисты опирались на традиции ислама, стремились использовать его объединяющие начала в противоборстве с российским колониализмом. Однако уламоисты отличались заметной ортодоксальностью. Представляя преимущественно клерикальные круги Туркестана, они выступали за сохранение традиционных патриархальных устоев в быту и общественной жизни, создание исламского государства, опирающегося на законы шариата. Тем не менее и шуроисламисты, и уламоисты стремились учесть сложившиеся геополитические реалии, обеспечить демократическими средствами национальную свободу.

Таким образом, логика послефевральского развития объективно вывела на передний план проблему национального самоопределения угнетенных народов и становления новой модели национально-государственного устройства России. Однако Временное правительство оказалось неспособным предложить разумную национальную программу. Отдельные плодотворные идеи национально-государственного обновления содержались в программных документах россий-

---

⁴¹ Там же. 25 июля.

ских политических партий «буржуазно-демократической» и социалистической ориентации. Но и они в своей практической деятельности продолжали находиться в плену имперского мышления.

Подобный подход находил адекватное отражение в Туркестане. Будучи полномочным представителем центрального правительства, Турккомитет не уделял должного внимания своевременному разрешению острых национально-этнических проблем. Пассивность в постановке национального вопроса и имперские амбиции проявляли и созданные на волне революции массовые общественно-политические организации европейской части населения края.

В этих условиях функции выразителей кровных интересов мусульманского населения взяли на себя национальная интеллигенция, прогрессивные лидеры духовно-клерикального и предпринимательского слоев. Используя демократические методы борьбы, они отстаивали и на съездах Советов рабочих и солдатских депутатов, и на краевых мусульманских курултаях, и на заседаниях городских Дум цивилизованный реформаторский путь общественного обновления как Туркестана, так и всей России в целом. При этом доминантой программных установок национально-мусульманских партий и Движений выступала идеология национально-территориальной автономии. Она впитала в себя идеи самоопределения, сформулированные лидерами европейского революционно-демократического движения, однако в основном опиралась на идеи, высказанные мыслителями Востока, на собственный опыт национально-освободительной борьбы. Благодаря теоретической и практической деятельности национальных мусульманских организаций, прогрессивной части туркестанской интеллигенции было расширено понятие о федеративном устройстве России, границах автономии Туркестана.

Вместе с тем реформаторское движение 1917 года представляло собой неоднородное явление, объединяющее людей разнообразных взглядов и политических пристрастий — от умеренных либералов до представителей революционных демократов, от сторонников создания исламского государства до приверженцев западной модели общественного развития. Поэтому при рассмотрении узловых вопросов будущего уп-

правления в крае, решении острых социально-экономических проблем не было единства мнений. Идейный плюрализм обнаружился во взглядах реформаторов и по проблеме национально-государственного устройства — обозначились и конституционно-монархическое, и автономистское, и республиканское (как светского, так и религиозно-исламского направления) течения. Однако при всем многообразии идейно-политических представлений консолидирующим фактором выступала мечта о самобытном национально-этническом развитии, о создании государства, опирающегося на исторические традиции и обычаи, национальный менталитет.

Г л а в а II

ВОВЛЕЧЕНИЕ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА В АВТОНОМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

2.1. Туркестанский краевой мусульманский Совет (Краймуссвет) — организатор и координатор всетуркестанского национального движения

Наряду с масштабной пропагандой идеи самоопределения и ее теоретическим осмыслением национальные политические организации проводили большую практическую работу по вовлечению в автономистское движение широких масс коренного населения. Координирующим и объединяющим центром в организации этой важной стороны политической деятельности стал Туркестанский краевой мусульманский Совет, созданный на I Краевом мусульманском съезде в апреле 1917 года. Образование Краймуссвета предполагало объединение всех разрозненных, не связанных друг с другом мусульманских обществ, комитетов и союзов для того, чтобы придать национально-освободительному движению организованный и централизованный характер. К тому времени в одном только Ташкенте было около 200 обществ, работа которых велась без какого-либо устава или программы. Даже самое известное в Туркестане прогрессивное общество «Турон», возглавляемое Абдуллою Авлони, имея устав, не имело развернутой программы действий¹. По своим задачам оно являлось просветительским.

Автономистское движение, постепенно увлекавшее за собой различные слои населения Туркестана, ознаменовано появлением новых политических сил в туркестанских городах. Заметным явлением в жизни наиболее развитых городов Туркестана стали выступления рабочих местных промышленных предприятий. В доступных нам источниках имеются упоминания о возникновении в то время в среде представителей коренных национальностей первых профессиональных организаций, которые начали обосновывать свои требования в программных документах.

---

¹Хуррият. 1917. 16 мая.

Определенную роль в этом сыграли возвращение из центральных районов России в мае-июне 1917 г. около 100 тысяч туркестанских рабочих, мобилизованных на тыловые работы в 1916 г. Их пребывание вблизи крупных промышленных центров, общение с фронтовиками и представителями социалистических партий способствовали тому, что по возвращении на родину они активно включились в политическую и профсоюзную деятельность. Бывшие поденщики и чернорабочие в период своей работы на предприятиях России вплотную столкнулись с практикой классово-борьбы, восприняли лозунги и идеи леворадикальных революционных сил и привнесли их в созданные при активном участии тыловиков Союзы трудящихся мусульман («Мусулмон мехнаткашлари иттифоки»), получившие в исторической литературе короткое название «Иттифок». Первоначально они тесно сотрудничали с «Шуро-Исломия», преимущественно с ее левым крылом, образовав с ней в ходе выборов в городские думы в июле-сентябре 1917 г. избирательные блоки. Лишь некоторые профсоюзные организации трудящихся коренных национальностей создавались и действовали под эгидой социалистических партий. Так, в г. Верном по инициативе эсеров, входивших в объединенный комитет с социал-демократами, был организован «Объединенный союз рабочих-мусульман», в Ташкенте при активном участии социал-демократов и левого крыла эсеровской организации сформировался «Союз строительных рабочих (мастеров)-мусульман», в Самарканде по инициативе шуроисламистов и социал-демократов был создан «Союз трудящихся мусульман».

Данные организации не были однородны по социальному составу. Они представляли собой союз ремесленников, кустарей, строительных рабочих, кожевников и т.д. В них входили также мелкие торговцы и прогрессивная часть национальной интеллигенции. К союзам примыкали группы горожан, занимавшихся сельским хозяйством и имевших непосредственные связи с дехканством.

Одним из самых крупных среди туркестанских объединений подобного типа явился созданный в начале июня 1917 г. ташкентский «Иттифок». Председателем Ташкентского союза был избран Касымходжаев, секретарем — его брат Акбарходжа. Ташкентский «Иттифок» объединил в основном строительных

рабочих, кустарей, мелких торговцев, чайханщиков. Он ставил перед собой следующие задачи:

- просвещать мусульманское население;
- всесторонне знакомить его с экономическими и политическими событиями, вызванными революцией 1917 года;
- объединять мусульман для организационного участия в политической жизни страны;
- распространять среди мусульман идеи гражданственности.

Для достижения этих целей ташкентский «Иттифок» предполагал открыть учебные заведения, общеобразовательные и агитационные курсы, издавать газеты, журналы, брошюры, книги по экономическим и политическим вопросам и, самое главное, использовать доступные формы массово-разъяснительной работы среди населения – устраивать вечера, лекции, беседы, митинги. «Иттифок» поддерживал тесную связь со многими общественными организациями и государственными учреждениями, делегируя туда своих представителей. Непосредственную поддержку и помощь в решении неотложных задач Союза трудящихся мусульман оказывал Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В конце июня аналогичный союз был создан в Ходжен-те, в июле – в Маргилане.

25 июня в Коканде состоялся митинг, на котором был принят устав Союза трудящихся мусульман («Мусулмон мехнаткашлар иттифоки»). Собравшиеся избрали правление союза, а 28 июня на заседании правления был избран президиум, в который вошли: Саид Бурхонбек Худоярхон оглы – председатель, Орифжон Мирпулат оглы – зам. председателя, Мухаммаджон Холик-зода – секретарь, Мирзохид Мирокил-зода – зам. секретаря, Махмуджон Ахаджон оглы – казначей².

В Андижане был создан союз кустарей коренного населения «Сано ул-Ислом», в который вступило до 1500 человек³. Кроме этого, в городах Туркестана начали функционировать союзы учителей, служащих, студентов и др.

Процесс создания профессиональных организаций местного населения в Ташкенте, Коканде, Андижане и Фергане

² Хуррият. 1917. 18 июля.

³ Там же. 4 августа.

охватил и трудовые массы Самарканда. 5 июля 1917 г. образовалось самаркандское «Общество торговцев и ремесленников» («Тожири ва санъяткорлар жамиати»). В избранный комитет вошли: Ганшин — председатель, Федоров — секретарь, членами комитета были Ходжикули Мухаммад-зода, Мирза Ориф Абдурасул-зода, Мухаммадкули Уринбой оглы, Мухаммадамин Ниязов и др. В опубликованном газетой «Хуррият» обращении к торговцам и ремесленникам говорилось: «Комитет призывает вас объединяться. Записывайтесь в членство общества, собирайтесь и готовьтесь к живой, активной деятельности. Хватит бездействовать. Знайте: под стоячий камень вода не течет»⁴.

1 августа в Самарканде на собрании двухсот мусульманских рабочих было принято решение о создании Союза трудящихся мусульман («Мусулмон захматкашлар иттифоки»). Председателем этого союза был избран Абдулкаюм Ширинбой оглы, секретарем — Саидшо, казначеем — Саидахмад Сиддики, заведующим культурно-массовой работой — Акобир Шомансур-зода⁵.

Самаркандский «Иттифок» выступил с требованиями смещения старых чиновников, избрания новых органов власти, улучшения условий жизни народа, предоставления ему политических прав. Активные члены самаркандского «Иттифока» Мирбобо Юлдаш оглы, Абдулла Акчурин, Ишанкули Мирджамол оглы и другие опубликовали в газете «Хуррият» воззвание с требованием снижения цен на продукты и повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, бесплатного обучения детей. Они призывали народ к объединению, к завоеванию прав мусульманских рабочих и бедняков. Позиция «Иттифока» четко проявилась в обращении к трудящимся мусульманам: «Нашей целью, — указывалось в обращении, — является борьба за предоставление прав рабочим и беднякам. Мы выступаем с требованием взять продовольствие у продкомиссий и увеличить норму хлеба для членов союза с 1/2 фунта до 3/4 фунта»⁶.

Старогородское население Самарканда не сразу поняло суть профсоюзного движения. Необходимо было разъяснить

⁴ Там же. 18 июля.

⁵ Там же. 4 августа.

⁶ Там же. 18 июля.

цели и задачи создаваемых обществ и союзов. Агитатором и пропагандистом идей единения и сплочения выступила газета «Хуррият». В июльских номерах она разъяснила значимость организационного сплочения народа: «В других национальных районах России уже созданы различные организации, а вот в Туркестанском крае пока еще не объявилась какая-нибудь организация, отвечающая поставленным целям. И если есть какая-то организация, то мы не слышали, чтобы она серьезно включилась в дело»⁷.

В этот период шел трудный поиск социальных сил, способных к активной политической деятельности, и вполне понятны были надежды, возлагаемые на молодежь. Озабоченностью ее политической пассивностью, индифферентностью отмечены многие материалы газеты «Хуррият». «Уважаемая молодежь! — обращается «Хуррият». — О чем вы думаете? Почему вы бездействуете? Неужели народ не обращает на вас внимания? Что же думает о вас нация?»⁸.

Эти вопросы беспокоят и видного идеолога джадидизма Абдурауфа Фитрата, ставшего с 25 июля 1917 г. главным редактором газеты «Хуррият» и во многом определившего ее дальнейшее идейное направление. В одной из статей Фитрат писал: «Во всех краях света общественно-политические изменения происходят при активном участии молодежи. Прогресс и счастье Самарканда зависят от наших сознательных действий. От того, что мы спрятались в своих домах, ничего не произойдет». Далее он отмечает: «Прошло три месяца со дня русской (февральской. — А.С.) революции. Наш народ еще не осознал смысла свободы, революции. Для этого надо подготовить листовки, воззвания, обращения, провести митинги и конференции». Подчеркивая роль молодежи, Фитрат писал: «Это всё ваша задача, ваш долг. Все ждут вас. И чтобы осуществить эти задачи, нужны не слова, а дело». И тут же призывает: «Туркестан — наша священная Родина ждет от вас дел, просит послужить ей... Чтобы доказать, что вы дети узбекского народа: встаньте, идите и беритесь за дело!»⁹.

На страницах газеты «Хуррият» нашел отражение процесс вовлечения трудящихся из коренного населения в де-

⁷ Там же. 4 августа.

⁸ Хуррият. 1917. 15 августа, 25 августа.

⁹ Там же. 2 августа.

мократическое движение, развернувшееся по всему Туркестану. Если в начальный период Февральской революции из-за отсутствия действенных национальных политических организаций прослеживалось стихийное движение масс, то постепенно под их идейным влиянием оно стало приобретать организованный характер, втягивая в себя всё новые и новые слои трудящихся. Так, основная часть населения Туркестанского края — дехкане — уже с первых шагов «февральского обновления» стали требовать, а иногда пытались самочинно решать вопросы урегулирования земле- и водопользования. «Хуррият» писала: «Недалеко от Самарканда в местности Палванарык в кишлаке Конгром бедные дехкане насильно отобрали муку и пшеницу на мельнице бая и распределили их между собой»¹⁰.

В большинстве своем дехканские выступления на первом этапе революции в идейно-организационном отношении были слабы и практически не связаны с общедемократическим движением в городах. В основном они отражали протест местного сельского населения против правительственной политики попустительства колонизации и захвату земель переселенцами.

Дехканские массы в тот момент еще не созрели для того, чтобы стать активной частью всетуркестанского национального движения. У них не было собственной программы решения общенациональных задач. Как и до революции, борьба дехканства носила локальный характер и была непосредственно связана с защитой своих земельных прав.

В ходе революции все более осознавалась потребность в привлечении дехканина к политической жизни края, ибо, как писала газета «Хуррият», население, проживающее в окрестностях города и степных районах, находится в неведении относительно происходящих событий¹¹.

«Хуррият» сообщила о том, что известный просветитель Мардонкули Шомухаммад-зода 6 мая 1917 г. на заседании Самаркандской окружной избирательной комиссии внес предложение «начать издание дехканской газеты для того, чтобы систематически знакомить местное население со все-

¹⁰ Там же. 11 мая.

¹¹ Там же. 16 мая.

ми событиями, происходящими в городах и кишлаках края. Отмечалось, что дехканские массы совсем не читают некоторые политические, литературные, экономические и научные газеты»¹².

Таким образом, национальная пресса своей деятельностью создавала предпосылки для политического пробуждения дехканских масс Туркестана, открывая тем самым новую полосу национально-освободительного движения на колониальной окраине России. В это время на смену стихийному недовольству и неорганизованным выступлениям кустарей, ремесленников и дехкан начался их переход к организованной политической деятельности под руководством политических и профессиональных организаций в форме разнообразных союзов, комитетов, Советов и т.п.

Демократически настроенная национальная интеллигенция разъясняла народу, что если не объединить различные советы, комитеты, общества, партии и политические движения в единый центр, то борьба мусульман за мухторият (автономию) может быть обречена на провал¹³.

Видный идеолог автономистского движения в Туркестане Ахмад Заки Валиди в своих воспоминаниях отмечает: «В те дни (начало апреля. — А.С.) в Ташкенте я записался в эсеровскую партию. Мустафа Чокаев был связан с кадетами. Санжар Асфандияров примыкал к социал-демократам, а Шерали Лапин — к монархистам. Но, несмотря на такое различие, осознавая важность создания единой централизованной организации, все они поддержали идею образования Туркестанского национального центра».

12 июня 1917 г. на заседании Краймуссвета был принят Устав, согласно которому все городские, уездные, волостные мусульманские советы и другие общественные организации, такие, как «Шурои-Исломия», «Равнакул-Ислом», «Мирважул-Ислом», «Муаллимлар жамияти», «Талабалар жамияти» и другие, несмотря на отдельные социально-этнические различия, должны были объединиться в волостные, областные, уездные и городские Советы мусульманских депутатов и как компактные политические объединения под-

¹² Там же.

¹³ Кенгаш. 1917. 19 мая.

чиниться Туркестанскому Центральному Совету мусульманских депутатов (Туркистон мусулмонлари Марказий Шуриси)¹⁴. Устав давал четкое разъяснение о том, что Краймуссовет не является органом какого бы то ни было класса, партии или племени, а создается как представительный общемусульманский руководящий орган, осуществляющий законодательную власть.

Заки Валиди в редакционной статье, опубликованной в газете «Кенгаш», писал: «Известно, что сейчас в мире народ может достичь своих целей только при хорошей сплоченности. Но для этого нужна организация. Если народ не имеет организации, то он не сможет достичь ничего. Нация, не имеющая хорошей организации, не достойна не только автономии, а, наоборот, такая нация обречена не смерть и уничтожение... Мусульмане Туркестана, давайте возьмемся за руки, и все мы, идя одной дорогой, достигнем поставленной цели! Никогда не забывайте выражение: "Сила в единстве"»¹⁵.

Главным лозунгом своей деятельности Краймуссовет определил «предоставление подлинных прав самым низким слоям народа — мардикерам и дехканам — и поднятие культурного, научного, экономического и идейного уровня мусульман Туркестана»¹⁶.

Председателем Краймуссовета был избран общественный и политический деятель Туркестана Мустафа Чокаев, секретарем — Ахмад Заки Валиди, членами президиума — Мунаввар кары, Махмудходжа Бехбуди, Убайдулла Ходжаев, Ташпулат Норбутабеков и др.

В состав организационного отдела Краймуссовета вошли: Заки Валиди, Фарид Тохири, Толибжон Мусабой, Ибн Ямин Янбаев, Мухаммадамин Афанди-заде, Низомиддин Асоми, Аблусами кары Зиёбой, Муродходжа Солиходжа, Шокиржон Рахими, Тузель Жонбой, Абдулла Авлони, Салохиддин Муфти-зода, Пири Мурсил-заде, Мухаммаджон Пошшаходжаев.

¹⁴ Употреблялось еще и другое краткое название Краймуссовета — Миллий марказ (Национальный центр).

¹⁵ Кенгаш. 1917. 19 июля.

¹⁶ Т а м ж е.

При Краймуссове был образован также отдел просвещения, в состав которого избрали Мунаввара кары, Заки Валиди, Бурхана Хабиба, Пулатхона Пошшабекова, Абдулкосима Амин-зода, Абдусами кары, Рустамбека Юсуфбека, Иброхима Тохири, Нуширвана Явушаева и др.

Таким образом, к лету был сделан важный шаг в консолидации туркестанских народов – созван первый в истории съезд мусульман общерегионального масштаба, на котором было заявлено о твердом стремлении народов к автономии, защите своих обычаев, уклада жизни, организационно оформлен центральный орган выражения этих интересов – Краевой Совет мусульманских депутатов (Туркистон мусулмонлари марказий шуриси) во главе с президиумом, который общественностью туркестанского общества, особенно его прогрессивной частью, расценивался как Национальный центр.

Конечно, это был успех прогрессивных сил общества. Но развертывающиеся события потребовали от них большей мобильности, решительности в совершенствовании форм и методов работы, изменении программных и тактических установок.

Наметившиеся новые тенденции в самом процессе консолидации, возглавляемом шуроисламистами, оказали влияние на эволюцию мировоззрения большей части духовенства.

Поскольку был затронут вопрос о духовенстве, то хотелось бы подчеркнуть, что оно занимало особое положение в туркестанском обществе. Служители культа оказывали мощное влияние на мусульманское население края, на формирование его мировоззрения, духовных и нравственных ценностей, на политические пристрастия и интересы коренных туркестанцев. Однако сами политические позиции исламского духовенства носили неоднородный характер. Они дифференцировались по мере нарастания перемен в общественной, экономической и духовной жизни Туркестана.

Клерикальные слои туркестанского общества уже в начале XX века по своим идейным воззрениям стали распадаться на две основные полярные группы. Одна из них, осознав потребности общественного обновления, выступала с пропагандой идей просветительства, модернизации ислама в области культуры и просвещения. Наиболее яркое выражение она нашла в деятельности видных туркестанских просве-

тителей конца XIX — начала XX в. Махмудходжи Бехбуди, Мунаввара кары, Абдулвахиды Кары, Абдусами кары и др.

Другая часть мусульманского духовенства занимала консервативную позицию, отстаивая незыблемость исламской догматики.

Неоднородность мусульманского общества объяснялась специфическими факторами жизни туркестанского народа, прежде всего особыми социально-экономическими отношениями, сложным переплетением процессов «капиталистического» развития с консервацией базисных феодальных устоев. В зависимости от того, выступало ли духовенство за становление «капиталистических» или сохранение феодальных отношений и связанных с ним социально-политических институтов, оно условно делилось на консервативное и оппозиционное — кадимистов и прогрессистов.

Надо сказать, что в мировоззрении представителей обоих политических течений внутри клерикальных слоев и поддерживавших их разнообразных групп мусульманского населения было много общего. Это, прежде всего, признание приоритетности исламского фактора в обеспечении исторического прогресса и использование огромного духовно-нравственного потенциала мусульманской религии в консолидации всех слоев туркестанского общества в борьбе за независимость. Характерно в этом отношении заявление лидера общества «Уламо», частного поверенного Шерали Лапина, подчеркивавшего, что он «всегда стоял и будет стоять на страже осуществления законного права мусульман на самоопределение, построенного на чисто мусульманских принципах и началах шариата», как бы ни называли занимаемую им позицию его политические противники¹⁷.

Иными словами, стратегическая цель ликвидация колониального гнета и обеспечение прав мусульман на самоопределение была единой для всего духовенства. Кадимисты и прогрессисты расходились лишь в определении механизмов реализации данной задачи. На разных исторических этапах формы идейного раскола проявлялись по-разному. В условиях сложившихся новых общественных реалий наиболее радикальная часть духовенства пыталась добиться независимости

¹⁷ Туркестанские ведомости. 1917. 21 октября.

путем призыва народа к священной войне против неверных – газавату. Демократически же настроенная часть служителей культа и национальной интеллигенции предостерегала, что недостаточно подготовленный газават, опирающийся на фанатизм и насилие, может поставить народ в тяжелейшие условия, усилить деспотизм, отдалить поставленную цель. По их глубокому убеждению, лишь мирными реформистскими средствами можно было обеспечить обретение национальной независимости, обновление общественного строя, опирающегося на общечеловеческие принципы, демократию и законы шариата.

Консервативная часть духовенства, выступая против нововведений, обвиняла национальных демократов в богоотступничестве, осуждала их за поддержку проникновения в мусульманскую среду европейской культуры.

На обвинение религиозных экстремистов в том, что и джаиды, и те, кто призывает к изучению русского языка в новометодных школах, стремится заимствовать образцы западной демократии, являются «кофирами», т.е. вероотступниками, лидер туркестанских джаидов Махмудходжа Бехбуди, будучи религиозным деятелем, муфтием, еще на заре развертывания джаидского движения часто выходил на кафедру во время пятничного намаза и, используя весомые религиозные аргументы, доказывал несостоятельность выдвинутых обвинений. Он умело разоблачал тех, кто считал, что ношение европейской одежды, настил пола в домах досками, покрытие крыши кровельным железом и даже использование стола и стульев тоже считается богоотступничеством. Этим самым консерваторы преследовали одну цель: унизить в глазах народа всякого, кто пытался встать на путь прогресса.

Бехбуди связывает богоотступничество не с внешним видом верующего, а с его убеждениями. Еще в 1914 г., в статье «Кийим ва ташаббух масаласи», опубликованной в журнале «Ойна», он писал: «Если человек будет считаться кофиром из-за того, что он имеет частичное сходство с европейцем, то тогда на земной поверхности не должно остаться ни одного мусульманина»¹⁸. Он убеждает, что с тече-

¹⁸ См.: Ойна. 1914. № 6.

нием времени изменяются некоторые обычаи и традиции и поэтому надо отказываться от плохих обычаев (бидъати саййа ёмон урф-одат) и совершенствовать хорошие (бидъати хасана яхши урф-одати).

В своих убеждениях Бехбуди опирался на проповеди уважаемых в мусульманском мире богословов и, в частности, на авторитет известного ученого-богослова, муфтия Египта Мухаммада Абдо. Бехбуди часто обращался к его фетвам (постановления, устанавливающие допустимость того или иного действия с точки зрения шариата. — А.С.). В одной из фетв Мухаммада Абдо, как упоминает Бехбуди, указывается, что «ношение шляпы, шапки или другой европейской одежды вовсе не противоречит шариату, и тот, кто отрицает это, не знает историю ислама и сунну (предание о пророке Мухаммаде. — А.С.)»¹⁹.

Бехбуди, как и представители реформаторского движения в целом, настаивал на широком толковании исламской догматики, использовании религии не в целях религиозно-этнической конфронтации, а консолидации ведущих политических сил и социальных слоев Туркестана в борьбе за национальное освобождение и социальный прогресс.

В рассматриваемый период политическим объединением консервативной части духовенства и его светских приверженцев стало общество «Шурои-Уламо» (Совет ученых-богословов), созданное в середине июля 1917 г. в результате раскола внутри национального движения. В состав ташкентского общества «Уламо» вошли Шерали Лапин, Абдулмалик Ходжа, Абдулқодир Ходжа, мулла Саилмаксудхон Махдум, мулла Мухаммад Ходжа, мулла Тошпулат кары, мулла Пирмухаммад аълам и другие²⁰.

Для пропаганды своих идей «Шурои-Уламо» начало издавать журнал «Аль-Изох». Его издателем и ответственным редактором был Абдулмалик Ходжа Абдунабиев. Первый номер журнала вышел 19 июня 1917 г. Всего был выпущен 31 номер. Свое существование «Аль-Изох» прекратил в мае 1918 г. по приказу Совнаркома Туркестанской Советской Республики от 31 мая 1918 г., в котором говорилось: «Мусуль-

¹⁹ Там же.

²⁰ Аль-Изох. 1917. № 1.

манский журнал «Аль-Изох» за напечатание статей, натравливающих одну часть населения на другую, закрывается. Вышедшие из печати и находящиеся в продаже номера этого журнала должны быть немедленно конфискованы и предоставлены в Комиссариат по национальным делам»²¹.

В наши дни очевидно, что данная мотивировка причины закрытия журнала носила явно не убедительный характер. Советские правительственные структуры под лозунгом «идейной реакционности» печатного органа уламоистов преследовали, в первую очередь, экстремистские цели правящей большевистской партии, стремившейся с корнем вырвать идейный плюрализм и установить монополию коммунистической идеологии. Идейная направленность журнала «Аль-Изох», как и вся деятельность общества «Уламо», отличалась неоднозначностью политических подходов и программных установок. Здесь проявились и прогрессивные, и консервативные начала.

Наиболее выпукло консервативность мировоззренческих взглядов членов общества «Уламо» проявилась в вопросах культуры и быта. Опираясь на здравую в целом идею сохранения национальных обычаев и традиций, духовных заветов ислама, они вместе с тем не хотели признавать, что жизнь, логика исторического прогресса объективно выдвигают потребность в обновлении, что движение вперед возможно лишь при внесении назревших корректив, отказе от устаревших форм человеческого общежития, норм бытовых взаимоотношений, духовно-экономических институтов. В результате со многими идейными позициями уламоистов трудно было согласиться. К примеру, они явно неправомерно защищали отжившие устои феодально-патриархального быта, противопоставляя их всему новому. В частности, уламоисты и их идейный орган «Аль-Изох» резко выступали против идеи эмансипации женщин. К примеру, критикуя статью джадидской газеты «Турон», где речь шла о необходимости открытия женских школ и привлечения женщин к общественной жизни, журнал «Аль-Изох» обвинил автора статьи Мирмухсина Шермухаммадова в богоотступничестве. Журнал писал, что женщина остается женщиной и приравнять ее к мужчине — это безумие²².

²¹ ЦГА РУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 35. Л. 379.

²² См.: Аль-Изох. 1917. № 1. —С. 611.

«Аль-Изох» с осуждением писал о деятельности прогрессивной национальной интеллигенции, сплотившейся вокруг Краймуссвета, обвиняя ее в измене исламу, и стремился изолировать демократов от народа. Дело доходило до того, что уламоисты запрещали парикмахерам брить бороду интеллигентам, а чайханщикам — подавать им чай.

Подобная позиция способствовала углублению идейного раскола среди борцов за независимость, вносила сумятицу в неокрепшее политическое сознание широких народных масс, создавала дополнительные трудности в деле консолидации национальных сил в борьбе за достижение автономии Туркестана.

Вместе с тем, несмотря на ортодоксальность идейных позиций, члены общества «Уламо» вносили свой вклад в активизацию освободительных устремлений коренного населения края, утверждение в общественном сознании мысли о необходимости становления независимого мусульманского государства. Уламоисты способствовали религиозно-этнической идентификации мусульман Туркестана.

Конкретное представление о приоритетных задачах шуруламоистского движения дает, к примеру, устав общества «Уламо», созданного в Коканде вслед за ташкентским. В нем, в частности, ставились следующие цели:

1. Популяризация национально-религиозной мысли и устройство внутренней политической жизни на прогрессивно-просветительских началах, основанных на объединении мусульман.

2. Защита национальных и нравственных начал мусульман путем издания временных и постоянных органов печати.

3. Разрешение всевозможных жалоб и разъяснение недоразумений среди граждан-мусульман, могущих возникнуть на религиозной почве.

4. Поддержание и упорядочение деятельности медресе, защита учителей и учащихся, забота об их прогрессе и помощь нуждающимся.

5. Выбор и назначение учителей из достойных людей, зарекомендовавших себя в научно-просветительской деятельности²³.

²³ Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. П/П. 4. 55.

Даже поверхностный взгляд на этот документ говорит о заслуживающих внимания программных установках, во многом созвучных нашему времени.

В контексте рассмотрения деятельности духовенства в период революционных преобразований, на наш взгляд, серьезным вопросом, требующим глубокого детального изучения, является вопрос о совместимости социалистических лозунгов с предписаниями шариата.

В советской историографии проводилась мысль о том, будто социалистические идеи в Туркестане в короткий срок нашли широкую поддержку среди «трудящихся мусульман», ибо в идеологии ислама и социализма есть немало общего. Но сегодня очевидно, что социалистические постулаты практически не затронули сознание коренного населения. Привитие идеи социализма мусульманам Туркестана проводилось под мощным идеологическим нажимом уже после провозглашения советской власти. В поворотные же дни Февральской революции доминантой психологического состояния и интересов разнообразных слоев туркестанского общества выступали идеи свободы и независимости. И приоритетную роль в их пропаганде играл Краймусовет. Сохраняя умеренный характер, он последовательно будил политическую активность туркестанцев, втягивал их в движение за обретение автономии края.

Эта плодотворная деятельность имела большое историческое значение. Однако в ее организации Краймусовет встретился с немалыми трудностями. Одна из них заключалась в том, что в его составе остро не хватало высококвалифицированных юристов, которые бы грамотно разбирались как в мусульманских законах, так и в законах Российской империи. По этому поводу Махмудходжа Бехбуди на заседании самаркандского «Шуро-Исломия» обеспокоенно заявил: «Нам, туркестанцам, немедленно нужны люди, которые свободно говорят и редактируют как на родном, так и на русском языках, знают шариат и разбираются в мировой политической обстановке. Человек, не обладающий этими качествами, не принесет никакой пользы... Они должны будут разработать нужные нам проекты законов, учитывающие жизненные интересы Туркестана, для того, чтобы утвердить их на Учредительном собрании. Если мы, мусульмане, сами

не сделаем этого, то получится опять так, что русские вместо нас издадут законы, которые, как и прежде, не будут соответствовать нашей религии и жизни»²⁴.

Краймусовет, находившийся в затруднительном финансовом положении, обратился к народу с просьбой об оказании материальной помощи. В обращении, в частности, говорилось: «...Туркестанские мусульмане решили добиваться для Туркестана политической автономии (мухторият). Для этого надо объединить и организовать всех мусульман Туркестана, начиная от кишлаков и аулов до городов и даже в масштабе края. После проведения такой организационной работы нам необходимо образовать Туркестанское Учредительное Собрание»²⁵.

Для этого туркестанские прогрессисты призвали ташкентских мусульман — узбеков, казахов, киргизов, татар, таджиков и туркмен — к объединению и совместной работе по разъяснению народу насущных проблем, которые поставила перед ним февральская революция. По мнению прогрессистов, только в условиях достижения межнационального единства можно будет решить проблемы школы и просвещения, библиотек и читален, продовольствия, земле- и водопользования. Краймусовет разъясняет: «Сейчас туркестанскому народу, чтобы понять современное положение и свои национальные интересы, войти в ряд культурно развитых народов, надо издавать газеты, книги, брошюры и листовки. Но для этого нужны деньги... Поэтому, чтобы освободить и возвеличить нашу нацию и религию, каждый туркестанский мусульманин, будь то бедняк или богач, по мере возможности должен оказать финансовую помощь...»²⁶.

Народ пассивно откликнулся на этот призыв и собрал всего 56 тысяч рублей, тогда как, по предварительным расчетам, на первоочередные нужды необходимо было 500 тысяч²⁷.

По настоянию Мунавара кары, постановлением Туркестанского комитета от 1 июля 1917 г. издание газеты «Наджот» было передано в распоряжение Краймусовета²⁸.

²⁴ Хуррият. 1917. 3 июля.

²⁵ Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. 61530.

²⁶ Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. 61530.

²⁷ Там же.

²⁸ ЦГА РУз. Ф. 1760. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.

Краймусовет принимает решение переименовать газету «Наджот» в «Кенгаш» («Совет») и провозгласить ее лозунгом «Яшасин қўшма халқ жумҳурияти!» (Да здравствует федеративная республика!). 25 июля 1917 г. выходит первый номер газеты «Кенгаш» как печатного органа Краймусовета.

В его публикациях мы находим очень важные исторические данные, раскрывающие борьбу туркестанской национальной интеллигенции по вовлечению трудящихся масс в революционный процесс. В газете публиковались протоколы заседаний Краймусовета, отчеты о его общественно-политической и культурно-просветительской деятельности, проводилась агитация в пользу объединенного списка мусульманских общественных организаций накануне выборов в городские думы, освещалась подготовительная работа к созыву Учредительного собрания.

Первым редактором газеты «Кенгаш» был избран Ахмад Заки Валиди, позже редакторство перешло к Мунаввару кары. Передовицы публиковались под их именами.

4 октября 1917 г., в первый день нового 1336 года хиджры (мусульманское летосчисление. — А.С.) газета «Кенгаш» объединяется с газетой «Турон» и выходит под названием «Турк эли».

Определив для себя главной задачей того времени требование предоставления Туркестану статуса автономии, все члены Краймусовета, разъезжая по краю, развернули агитационную работу в пользу мухторията (автономии). «И уже в июне месяце, — пишет Заки Валиди, — в то время, когда влияние кадетской партии, считавшейся противником автономии, стало падать, повсюду в результате начавшейся освободительной борьбы стали усиливаться идеи Мухторията. Эта идея, в свою очередь, явилась фактором объединения всех нас в ходе выборов делегатов на Всероссийское Учредительное собрание»²⁹.

Лидеры национальной демократии к этому времени уже начинали более трезво оценивать сущность Туркестанского комитета Временного правительства. Поначалу шуроисламисты поверили обещаниям Временного правительства о том, что требования туркестанцев обязательно будут удовлетво-

²⁹ Шарк юлдузи. 1993. № 56. — С. 138.

ны на созываемом Учредительном собрании, и заняли выжидательную позицию. Состоявшееся в конце апреля совещание при Турккомитете своим признанием невозможности «введения в Туркестане политической автономии» подорвало у них веру в демократичность Турккомитета. И когда в середине 1917 г. народы Литвы и Украины, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, объявили свои автономии и образовали Центральную Раду и ее исполнительный орган генеральный секретариат, деятельность туркестанских прогрессистов резко активизировалась. Они поняли, что Временное правительство преднамеренно оттягивало решение национального вопроса в Туркестане, ибо опасалось, что в результате образования автономий произойдет полный и окончательный развал «единого и нерушимого» Российского государства.

Туркестанские национал-демократы пришли к выводу: «Если даже мусульмане, подготовив проект автономии и выступив на Учредительном собрании, получают согласие, дело этим не кончится. Все равно до тех пор, пока не будут созданы продовольственные, земельно-водные комитеты и пока не будет установлен принцип самоуправления, нельзя будет считать Туркестанский край автономным»³⁰.

В одном из номеров газеты «Улуг Туркистон»³¹ прошло сообщение о том, что в ноябре в адрес Краймуссовета от украинских федералистов поступила телеграмма с уведомлением, что Украина объявила себя отдельной республикой. Однако телеграмма своевременно не дошла до адресата. Опасаясь того, что туркестанские федералисты тоже, по примеру украинцев, создадут свою республику, власти переадресовали эту телеграмму в Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов. Ее содержание вызвало у части руководства Ташсовета недоверие к мусульманам.

Подобные действия Ташсовета постепенно привели к углублению несовместимости позиций Краевого мусульманского совета и Советов рабочих и солдатских депутатов. К тому же под воздействием российских событий туркестанские Советы рабочих и солдатских депутатов стали радикализироваться. Их жестко классовый подход ко всем проблемам общественной жизни края, усиливающаяся претензия на

³⁰ Кенгаш. 1917.

³¹ Улуг Туркистон. 1917. 15 ноября.

власть, игнорирование общенациональных интересов коренных народов усиливали противостояние между национальными демократами и Советами.

Дальнейшее осуществление столь успешно начавшихся в туркестанском обществе консолидационных процессов сразу же столкнулось с серьезной угрозой. Общественно-политические и социально-психологические сдвиги, которые успели произойти к этому времени в туркестанском регионе, внесли существенные изменения в социальную и политическую расстановку сил и сделали весьма проблематичной их дальнейшую консолидацию.

Особенностью революционной организации трудящихся в изучаемый период стало создание в противовес уже образованным мусульманским демократическим организациям и обществам (например, «Шурои-Исломия», «Турон», «Иттифок») Совета рабочих мусульманских депутатов.

Появление муссовдепов относится в основном к лету 1917 года. Их организаторами стали, прежде всего, те же рабочие-тыловики, которые входили в состав «Иттифок».

В Ташкенте эти рабочие избрали организационное бюро из 16 лиц, которое под названием «Совет мусульманских рабочих депутатов» стало функционировать в середине мая. Не имея руководителей, не зная, с чего начать работу, его депутаты обратились к обществу мусульман-прогрессистов «Турон», которое и руководило первыми шагами молодого Совета. Позже ташкентский муссовдеп получил поддержку со стороны Краевого Совета солдатских и рабочих депутатов (КРАС). На одном из митингов, организованных КРАСом, был предложен проект устава Совета мусульманских рабочих депутатов, который был разработан членом Краевого Совета Г. Бройдо. Этот проект с некоторыми изменениями был принят.

Наконец, 15 июля 1917 г. организационному бюро было предложено избрать Совет согласно принятому уставу, т.е. из расчета один депутат на 100 рабочих. Так был избран Совет мусульманских рабочих депутатов города Ташкента, состоявший из 32 членов. Председателем стал один из инициаторов и организаторов Совета Салохуддин Муфти-зода³². В Совет вошла группа новых политических лидеров: С. Асфандияров, Мирза-зода Ходжаев, Тюрабаев, Рахматуллаев, Саид Арифходжаев, Саидходжаев и др.

³² Наша газета. 1917. 5 сентября.

В городе Андижане Совет мусульманских рабочих депутатов был образован 14 июня 1917 г. во время митинга, состоявшегося на заводе Алимджана Холджи. В избранный Совет из 15 человек вошли 13 членов от мусульманских организаций и 2 от европейцев — представители Совета рабочих и солдатских депутатов и Комитета общественной безопасности. Здесь тоже основную часть членов муссовдепа составили возвратившиеся из центральных районов России тыловики³³.

Активистами муссовдепа в Андижане были Хаккул Хусанбаев, Мусадик мулла Арипов, Акбарали Уразаев, Сулаймон Тохтабаев, мулла Абдурахмон Алимкулов, Мухаммаджон Таджибаев и др.

Муссовдепы так же, как и Краймусовет, сыграли важную роль в привлечении к участию в политической жизни широких трудящихся масс.

Говоря о создании общедемократических организаций, влившихся в движение за автономию Туркестана, нельзя обойти вниманием и такую крупную политическую организацию, как «Алаш Орда» (Алаш — мифический предок казахов. — А.С.), образованную молодой казахской национальной интеллигенцией еще в 1916 г.

В апреле 1917 г. состоялся съезд казахского населения Тургайской и Уральской областей, названный «Первым съездом казахского народа». В его работе приняли участие представители и других областей, а также комиссар Временного правительства по Тургайской области Алихан Букейханов, бывшие члены Государственной Думы А. Калменов и А. Биримжанов, издатель журнала «Айкап» М. Сералин.

Съездом было принято постановление, которое по существу явилось первым вариантом политической программы партии «Алаш». В постановлении излагались положения по вопросам местного административного самоуправления и взаимоотношений между казахской степью и общегосударственными, религиозными и судебными органами, органами образования и печати, по аграрным вопросам, по вопросу отношения к войне и др.³⁴

³³ Шамсутдинов Р.Т. Мусульманские советы специфическая форма советского строительства в Туркестане (1917–1919 гг.) // Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения. — Т.: Фан, 1991. — С. 133.

³⁴ Казах. 1917. № 225. Апрель.

Говоря о государственном устройстве России и в связи с этим о роли и месте Киргизии (имелась в виду территория, где проживают казахи. — А.С.) в государственной системе, «участники апрельского съезда ратовали за демократическую парламентскую децентрализованную республику». Однако на I Всекиргизском (всеказахском) съезде, состоявшемся в Оренбурге 21–26 июля 1917 г., казахские национал-демократы выступали уже за «демократическую федеративную парламентскую республику». На этом же съезде состоялось организационное оформление партии «Алаш» и принята ее новая программа, составленная А. Букейхановым, А. Байтурсуновым, М. Давлатовым, Э. Сумаровым, И. Турмухамедовым, А. Жаждыбаевым, Бирмакановым.

В этой программе зафиксировано: «Россия должна стать демократической федеративной республикой. Каждое отдельное государство в федеративной республике автономно и управляется с учетом одинаковых прав и интересов. Во главе правительства стоит Учредительное собрание, а в промежутках — президент, избираемый Учредительным собранием и Государственной Думой. Законодательная власть сосредоточена в руках только Государственной Думы, которой принадлежит право контроля над правительством. Правом выбора пользуются все без различия происхождения, вероисповедания и пола. Выборы депутатов проводятся прямым, равным и тайным голосованием»³⁵.

Отличаясь по ряду программных установок от других туркестанских общественных и политических организаций, «Алаш» в принципе представлял собой национально-демократическую партию. Хотя ее лидеры состояли ранее членами общероссийской Конституционно-демократической партии народной свободы³⁶, в новых исторических условиях они во многом пересмотрели свои идейные позиции.

Центральным печатным органом партии «Алаш» явились газеты «Казах» (Оренбург), «Жас азамат» (Петропавловск), «Сары-арка» и журнал «Абай» (Семипалатинск), которые располагали широким кругом читателей в городах Туркестана.

³⁵ Диманштейн С. Революция и национальный вопрос. Т. III. — М.: Ком. академия, 1930. — С. 363.

³⁶ Спирин Л. М. Россия 1917 года. Из истории борьбы политических партий. — М.: Мысль, 1987. — С. 141.

Кандидатами в члены ЦК и членами ЦК партии «Алаш» были избраны³⁷: Акпаев Ж., Алмасов О., Альжанов О., Аманжолов С., Байтурсунов А., Бекимов, Беремжанов А., Бошгаев М., Букейханов А.Н., Габбасов Х., Досмухамедов Д., Досмухамедов Х., Давлатов М., Ермеков А., Жанайдаров С., Итпаев Е., Кадирбаев С., Касабулатов И., Кашкынбаев И., Кенжин А., Кулманов Б., Маметов Б., Ниязов Б., Нуралиханов С., Сатабаев С., Солтанаев Ж., Танашев В., Турлубаев А., Турмухамедов И., Тынышпаев М., Чокаев М., Якуббаев Н.

Таким образом, изучение деятельности крупных общедемократических организаций «Шурои-Исломия», «Турон», «Иттифок», «Алаш» показывает, что национальные политические организации пользовались влиянием среди коренного населения. Чтобы увлечь за собой местное население, они опирались на религию, быт, традиции, культурно-просветительские идеи.

Однако законные требования национальных общественно-политических организаций наталкивались на неприступную стену российского великодержавного шовинизма, которым были пропитаны российские партии от кадетов до большевиков. Любые попытки национальных организаций добиться автономии расценивались ими как проявления сепаратизма, буржуазного национализма, пантюркизма, панисламизма, направленные против России и ее целостности. Все еще продолжало господствовать восприятие национальных окраин как российских колоний, источников сырья, дешевой рабочей силы и оплота несокрушимости российского государства.

Российские рабочие общественно-политические организации прежде всего поднимали вопросы борьбы за свержение власти российского капитала и отодвигали на второй план вопросы национальной независимости, рассматривая национальный вопрос как подчиненный главному — захвату власти — и призывая во имя этого к единству и забвению национальных противоречий.

В этих условиях порожденные Февральской революцией национальные общедемократические организации, в том числе Краймусссовет, явились главными выразителями инте-

³⁷ Егемент Казахстан. 1992. 18 января.

ресов местного населения. Появление их знаменовало собой политическое пробуждение различных слоев туркестанского общества. Вместе с тем расхождением по идейным соображениям, приведшие к образованию различных политических организаций в мусульманской среде, принципиально изменили баланс сил в национально-освободительном движении, что ощутимо повлияло на процесс консолидации национальных сил в борьбе за отстаивание прав на автономию.

2.2. Нарастание автономистских настроений

Идеи автономии Туркестана все более активно проникали в общественное сознание коренных жителей края по мере нарастания противоречий между провозглашенными Февральской революцией демократическими принципами и реальной практикой послефевральского развития. Важным моментом в этом отношении выступила избирательная кампания в городские думы и Всероссийское Учредительное собрание, проходившая в июле-сентябре 1917 г. Она вошла в историю как наиболее крупное общественно-политическое мероприятие, оказавшее многоаспектное воздействие на политическую жизнь туркестанского общества. В ходе выборов с предельной остротой проявилось столкновение противоречивых социальных, политических и национальных интересов; определились различия в концептуальных подходах к будущему края со стороны коренного населения и властных структур.

Известно, что, придя к власти, Временное правительство увязывало практическое решение широкого пласта болезненных проблем России и ее национальных окраин с созывом Учредительного собрания. Еще в Декларации от 2 (15) марта 1917 г. оно заявило о намерении скорейшего созыва нового законодательного органа и приняло положение о выборах, которое предусматривало использование пропорциональной системы, основанной на всеобщем избирательном праве. Учредительное собрание понималось Временным правительством как собрание избранных всей Россией людей, перед которым стоит задача создания новой свободной России. Это собрание должно было быть избрано всем населением России, а не какой-либо его частью. Поэтому сразу же было объявлено, что выборы в Учредительное собрание бу-

дут проводиться по четырехчленной формуле, т.е. на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Отношение к Учредительному собранию политических партий определялось, прежде всего, их программно-тактическими установками на конкретный исторический момент. Меньшевики, например, называли созыв Учредительного собрания «первым пунктом в порядке совершающихся событий», ожидали от него выработки конституции, определения формы правления, решения рабочего, земельного, национального вопросов, проблемы мира и войны. Сходные позиции были у эсеров, которые были больше уверены в своем успехе, надеясь на голоса крестьян.

Большевики же сначала считали, что Учредительное собрание должно ввести или узаконить демократическую республику. Затем, когда Советы проявили себя как центры сплочения революционных сил, как «зачатки революционной власти», в большевистской схеме организации государственной власти для Учредительного собрания находилось все меньше и меньше места.

Однако из этого не следует, что большевики совершенно отбросили идею его созыва. В.И. Ленин, исходя из политической конъюнктуры, публично допускал возможность позитивной роли Учредительного собрания, превращения его в революционный комитет, который, однако, не подменял бы Совет. Не парламентская республика, а республика Советов «снизу доверху», — неизменно подчеркивал лидер российских большевиков¹.

Идея созыва Учредительного собрания получила распространение в политической борьбе против самодержавия еще в начале XX века. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» был поддержан и туркестанскими интеллектуалами, которые начали вести основательную подготовку к этому мероприятию. Туркестанцы возлагали огромные надежды на то, что только Учредительное собрание, созданное на демократических принципах, сможет установить форму правления в России и выработать конституцию, согласно которой Туркестану будет предоставлено право на автономию. И поэтому почти все национальные общественно-по-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 21. — С. 115.

литические организации, общества и кружки стояли за выдвижение достойных кандидатур, глубоко знающих российское законодательство, свободно владеющих русским языком и способных отстоять требования туркестанцев.

Вопрос о созыве Учредительного собрания явился предметом всестороннего обсуждения еще на I Всетуркестанском мусульманском съезде. В своем выступлении Мунаввар кары рассказал делегатам съезда историю Учредительного собрания и дал разъяснение по вопросам: «Что представляет собой парламент? Кто такой президент?». В качестве примера он привел структуру президентской власти в США и Франции².

При обсуждении Положения³ о выборах в Учредительное собрание возник спор из-за пункта, где говорилось о возрастном цензе. Мустафа Чокаев предложил возраст 21 год, потому что, по его доводам, это принято в других европейских странах. «Я же для избираемого лица ставлю четыре условия, — возразил Махмудходжа Бехбуди. — Первое — не менее 18 лет. Второе — избираемые лица должны быть обязательно из числа уламо⁴, т.е. образованными людьми. Третье — для избираемого необязательно знание русского языка. Четвертое — избираемый не должен представлять какую-либо партию, скажем кадетов или социал-демократов, а обязан входить в мусульманскую фракцию»⁵.

Выступивший по обсуждаемому вопросу известный таргский общественный деятель, редактор газеты «Улуг Туркистон» Кабир Бакр высказался за обязательное знание русского языка, потому что, утверждал он, деятельность мусульманской фракции во II Государственной Думе доказала

² Наджот. 1917. 28 апреля.

³ В конце марта 1917 г. Исполком Петросовета образовал комиссию по выборам в Учредительное собрание. В мае приступило к работе Особое совещание по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Особое совещание обсудило вопросы о возрастном цензе, системе избирательного права, количестве депутатов Учредительного собрания. Непосредственно подготовкой и проведением выборов занималась Всероссийская комиссия по делам выборов в Учредительное собрание (Всевыборы), образованная в начале августа 1917 г.

⁴ На Востоке уламо — имам, факих, муфтий, казий и т.д. — признанные и авторитетные знатоки теологии и религиозного права. В арабском языке слово «уламо» означает множественное число от слова «олим» — «ученый».

⁵ Наджот. 1917. 28 апреля.

необходимость этого. И далее, возражая Махмудходже Бехбуди, он сказал: «Отделение человека, относящегося к той или иной партии, от его идейных взглядов является попранием его гражданских прав»⁶.

Убайдулла Ходжаев тоже выразил недовольство выступлением М. Бехбуди и поддержал мнение о необходимости избрания в Учредительное собрание таких делегатов, которые были бы националами, но в то же время могли достойно выступить с докладом на русском языке.

Представители духовенства, опасаясь того, что из-за незнания русского языка могут лишиться депутатских мест в Учредительном собрании, внесли следующее предложение: сформировать бюро, состоящее только из уламо. Но это предложение не получило поддержки большинства съезда.

Одной из самых болевых точек противостояния, приведшей к возникновению жарких споров между прогрессистами и консерваторами, явился вопрос об участии в выборах туркестанских женщин, острота которого была обусловлена спецификой мусульманской морали.

Консерваторы считали, что участие женщин в общественно-политической деятельности противоречит положениям шариата и тариката. Ссылаясь на священную книгу мусульман Коран, где можно найти ряд установлений, оправдывающих и освещающих неравноправное положение женщины, они пытались доказать, что она является существом второстепенным, не способным к участию в общественно-политической деятельности. Они считали, что главная задача и смысл жизни женщины — покорно служить мужу, так как «мужья стоят выше жен, потому что Аллах дал первым преимущество над вторыми, и потому, что они тратят на них свое имущество»⁷.

По этому поводу несколько позже газета «Хуррият» напишет: «Удивительно, как же эти уважаемые люди (уламоисты. — А.С.) не обращали внимания на то, что издавна женщины свободно ходили на свадьбы, поминки, в гости, на кладбище. А теперь, когда настало время взять в свои руки наши религиозные и национальные права, они противостоят участию женщин в выборах»⁸.

⁶ Там же.

⁷ См.: Аль-Изох. 1917. № 56.

⁸ Хуррият. 1917. 18 июля.

Осуждая действия консерваторов по вопросу участия женщин в выборах, газета Краймушсовета «Кенгап» предостерегала, что если мусульмане Туркестана будут консервативны до такой степени, то половина их будет лишена избирательных прав и они не смогут иметь представителей не только в Думе, но и в Учредительном собрании. В итоге мусульмане не получают автономию⁹.

Прогрессисты разъясняли им, что во время выборов женщины будут находиться под особым контролем и будут соблюдаться нормы мусульманской этики. Женщины должны будут прийти на избирательные участки с закрытым хиджабом лицом и бросить избирательные листки в отведенных специально для них кабинетах. В итоге мусульманский съезд принял резолюцию следующего содержания:

1. С сегодняшнего дня (20 апреля 1917 г. — А.С.) начать подготовку к выборам в Учредительное собрание.

2. При выборах депутатов в Учредительное собрание предоставить равные права женщинам-мусульманкам.

3. Участие женщин в выборах должно проводиться в рамках шариата.

Разногласия между прогрессистами и консерваторами стали наиболее остро проявляться во время выборов в городские думы — органы местного самоуправления. Каждая из сторон, оценивая борьбу за власть в органах местного самоуправления как важный этап в борьбе за управление краем в целом, начала предвыборную кампанию со своей программой и своим списком. Это, в свою очередь, привело к расколу в национально-освободительном движении.

«Раскол» по идейным мотивам принципиально изменил баланс сил в национально-освободительном движении. Реальным влиянием на массы обладало духовенство. Это влияние было обусловлено не только высоким уровнем религиозности населения, но и действиями уламоистов, нацеленными на сохранение традиционных исламских институтов и обрядов.

В то же время начали заметно укрепляться позиции шуроисламистов, в основном джалидов. Джалиды организовывали политические митинги, на которых выступали с рез-

---

⁹ Кенгап. 1917. 25 июня.

кой критикой политики Временного правительства. В ряде городов Туркестана, особенно в Самарканде, джадилы выступили в поддержку рабочих союзов «Иттифок». На страницах джадилских газет все чаще появляется резкая критика в адрес Временного правительства, устанавливаются связи джадидов с большевиками, эсерами, меньшевиками. Вместе с Советами рабочих и солдатских депутатов джадилы выступили против попытки Верховного главнокомандующего Корнилова совершить военный переворот и свергнуть революционное правительство — это выразилось в протестах, манифестациях, в выступлениях на заседаниях Ташсовета¹⁰.

Газета «Туркестанский курьер» отметила: «По имеющимся сведениям, избиратели-мусульмане группируются около 2-х списков кандидатов в гласные городские думы. Один из них пройдет под прогрессивным флагом и будет включать кандидатов от мусульманских организаций «Шуро-Исломия» и «Турон»; в него же будут включены кандидаты от всего мусульманского населения европейского города и союза торгово-промышленных служащих, и второй буржуазный, в который войдут муллы и имущий класс»¹¹.

Предвыборная кампания и сами выборы в городские думы проходили в условиях достаточной свободы. Характерной особенностью выборов стало растущее влияние шуроисламистов, которые получили, во всяком случае в Самарканде, Андижане, Коканле, безусловную поддержку большинства сторонников реформ и национально-патриотических сил.

Шуроисламисты вступили в предвыборную борьбу, имея весьма эффективный организационный аппарат. Действенным центром их пропагандистской работы стали многочисленные общества и клубы. В областные центры, как и в другие сельские районы Туркестана, были направлены специальные агитаторы (мушаввик), в том числе из числа влиятельных функционеров Краймуссовета.

Выборы в Самаркандскую городскую думу, состоявшиеся в августе 1917 г., показали следующий расклад сил: мусульманский блок, в который вошли «Шуро-Исломия», союз домовладельцев и беспартийные, получил 55 мест. Союз

¹⁰ См.: Наша газета. 1917. 2 сентября; Хуррият. 1917. 2–25 августа.

¹¹ Туркестанский курьер. 1917. 19 июля.

трудящихся мусульман «Иттифок» — 4, партия социал-революционеров — 10, социал-демократы — 2, еврейская организация — 4. Всего от мусульман прошло 40 человек, от европейцев — 35¹².

От прогрессистов гласными в Самаркандскую городскую думу были избраны Махмудходжа Бехбуди, Акобир Шомансур-зода, Абдурахмон Фархадов, Ташпулат Абдулхалил оглы, мулла Султан Уринбой оглы, Садр Махсуди и др.

В Кокандскую городскую думу от мусульманского и республиканско-демократического блока прошли 80 депутатов, от социал-революционеров — 13, от социал-демократов — 2, от европейского блока — 3, от партии народной свободы — 1.

В Андижане места в городской думе распределились следующим образом: «Шуро-Исломия» — 77 гласных, социалисты — 11, общество «Хуррият и маърифат» — 3, евреи — 2, Союз трудящихся мусульман «Иттифок» и др. — 4¹³.

Особую активность в предвыборной кампании проявили и иттифовцы — члены Союза мусульманских рабочих. Так, например, Самаркандский «Иттифок» в своем предвыборном обращении, опубликованном в газете «Хуррият», выдвинул положения, свидетельствующие о стремлении реорганизовать государственный аппарат, содействовать подъему уровня благосостояния и культуры самаркандцев.

Этим он пытался расширить круг своих сторонников. Кандидаты от «Иттифок», осознавая свою слабость перед авторитетом шуроисламистов, предложили последним объединиться и составить единый предвыборный список¹⁴.

Однако самаркандские шуроисламисты отказались объединяться с иттифовцами и поступили совсем по-иному. Они сформировали так называемый мусульманский блок, в состав которого включили несколько представителей европейцев.

Возмущенный тем, что «Шуро-Исломия» включила в свой список европейцев, самаркандский «Иттифок» обвинил ее в неискренности и предостерег о том, что несогласованность действий может привести к усилению конфронтации в мусульманской среде.

---

¹² Хуррият. 1917. 19 сентября.

¹³ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 1. — Ташкент, 1963. — С. 462.

¹⁴ Хуррият. 1917. 15 августа.

Но в целом нельзя утверждать, что выборы свидетельствовали о безусловном и повсеместном преобладании «Шурои-Исломия». Во многих местах их кандидаты встретили весьма заметное противодействие, главным образом со стороны уламоистов — в основном глав местных кланов, влиятельных религиозных лидеров. Это особенно проявилось во время выборов в Ташкентскую городскую думу¹⁵.

На выборах в состав Ташкентской городской думы было выдвинуто 16 списков от различных партий и общественных объединений, начиная от социал-демократической и эсеровской партий до общества туземных евреев и Ташкентского казачьего круга. От коренного населения Ташкента было выдвинуто 3 списка: под номером 3 проходила организация «Уламо», под номером 5 — союз строительных рабочих-мусульман и под номером 10 — объединенные мусульманские организации старого и нового города (последние были представлены в основном «Шурои-Исломия»). Выборы проходили в 44 избирательных участках, из них 26 — в старгородской и 18 — в новгородской части Ташкента. В выборах приняли участие 72241 избиратель¹⁶. Итоги выборов принесли победу «Шурои-Уламо»: она получила 62 из 112 мест, эсеры — 24, «Шурои-Исломия» — 11, социал-демократы — 5. Всего от коренного населения прошли 74 гласных, а от европейского — 38¹⁷.

От «Уламо» в состав Ташкентской городской думы вошли: мулла Абдулмалик Ходжа Абдунабиев, мулла Махдихон Саидбокихон оглы, мулла Саидрасул Саидазиз оглы, мулла Худайкул Абдулмутаалиб оглы, Холмухаммадбой Али Мухаммадбой оглы, Орифжон Маллабой оглы, мулла Пирмухаммад, мулла Одил Миртоджи кары, Азизходжа Илхомджон и др.¹⁸.

Мусульманскую организацию «Шурои-Исломия» в городской думе представляли: Убайдулла Ходжаев, Тошпулатбек Норбутабеков, Садуллаходжа Турсунходжаев, Мунаввар кары, Пошшабек Пулатхонов, Ибн Ямин Янбаев и др.¹⁹.

Результаты выборов в Ташкентскую городскую думу вызвали сильный резонанс по всему краю. Победа «Уламо»

---

¹⁵ Кенгаш. 1917. 6 августа.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Туркестанский курьер. 1917. 2 августа.

¹⁹ Кенгаш. 1917. 6 августа.

на выборах, развернутая их представителями в Ташкентской городской думе, борьба за избрание городским головой бывшего губернатора Лыконшина была воспринята отрицательно всеми демократическими кругами Туркестана из европейского населения от умеренно либеральных до леворадикальных. Недовольными результатами выборов остались как социал-революционеры, получившие 4 места, так и социал-демократы, которым досталось всего лишь 2 места. Русские социалисты восприняли сложившуюся ситуацию как крупное поражение.

Среди европейского населения, его политических лидеров всех направлений снова стали рождаться проекты не только о разделении городских дум по национальному признаку, но и о раздельном выдвижении кандидатов от отдельных национальных общин Туркестана на предстоящих выборах во Всероссийское Учредительное собрание.

Нараставшие межнациональные противоречия вели к возникновению кризисной ситуации. Временное правительство, местные властные политические структуры проявляли полную неспособность не только снизить их остроту, но и понять всю губительность их последствий для края. Властные органы мало беспокоили многочисленные конфликты на национальной почве — от локальных на местном уровне (волнения по поводу ущемления политических прав при выборах местных властных структур, социальных прав — при распределении продуктов и т.д.) до конфликтов, охватывающих целые регионы края. Незаживающей раной общественной жизни народов Средней Азии стали в тот период кровавые столкновения в Семиречье между русскими крестьянами-переселенцами и киргизами и казахами, возвратившимися после Февральской революции из Китая, куда они бежали после подавления восстания 1916 года. Серьезными обострениями в связи с голодом и дороговизной продовольственных товаров грозили все учащавшиеся случаи самочинных обысков и реквизиций товаров местных торговцев, грабежа и насилия над коренным населением, особенно со стороны рабочих и солдат.

В условиях полной политической, национальной, социальной нестабильности туркестанского общества, усиливающихся процессов поляризации его сил илея национального единения, выдвинутая национальной демократией, начала терять свою привлекательность и стала сдавать свои позиции

под напором политических интересов отдельных социальных слоев и групп. На какое-то время консолидирующий фактор — национальный аспект туркестанских проблем — отошел на второй план.

И только события в Петрограде в конце лета и осенью 1917 г., эхом отозвавшиеся в Туркестане, снова поставили на повестку дня проблемы национальной консолидации, но этот процесс уже приобрел иное содержание и иную социальную основу.

Основной точкой соприкосновения интересов всех движущих сил национально-освободительного движения явилась проблема автономии Туркестана. Летом 1917 г. в преддверии выборов во Всероссийское Учредительное собрание туркестанские прогрессисты осознали необходимость создания собственной политической партии. Прогрессисты выдвинули идею реорганизации просветительского общества «Турон» в партию, основанную на демократических принципах. Не исключено, что туркестанские реформисты, у которых не было достаточного опыта партийной работы, в качестве образца позаимствовали программу азербайджанской партии «Мусават». По приглашению туркестанцев для проведения подготовительной работы в Ташкент в начале июля 1917 г. прибыл видный активист партии «Мусават» Абулкасым Амин-заде²⁰. В его честь 4 июля общество «Уламо» организовало ифтор (вечерний ужин в месяц рамазан. — А.С.)

Результатом совместной работы туркестанских и азербайджанских реформаторов явилось составление программы туркестанской мусульманской политической партии, утверждение которой состоялось на съезде мусульманских организаций, проходившем в Скобелеве (ныне г. Фергана) 12-14 июля 1917 г.

В работе съезда приняло участие 137 человек, представлявших различные мусульманские организации. В принятом программном документе было заявлено, что созданная на съезде партия «Турк адами марказияти» (Партия тюркских федералистов) «требуется для Туркестана, Казахстана, Башкирии национально-территориальную автономию, а для татар Поволжья, Крыма и других тюркских народов России — культурно-национальную».

²⁰ Кенгаш. 1917. 2 августа.

Программа предусматривала, что выборы в парламенты автономных республик, а также в органы местного самоуправления должны проводиться путем всеобщего, прямого и тайного голосования. Причем «все члены нации, достигшие 20-летнего возраста, без различия пола, класса, религии пользуются равным избирательным правом и сами могут быть избраны». Однако участие женщин-мусульманок в выборах должно проходить «в рамках шариата»²¹.

Туркестанские федералисты высказывались за то, чтобы автономные субъекты в вопросах управления, финансов, шариата, культуры, юстиции и народного просвещения были самостоятельны. Причем каждая республика должна подразделяться на области и уезды, наделенные правами местного самоуправления.

Туркестанские федералисты считали, что для решения проблем, касающихся всех тюркских народностей и племен России, следует добиваться создания общекультурного национального союза. Его полномочия должны были определяться на специальном курултае автономных республик.

Федералисты также весьма четко сформулировали свои требования в отношении религии. Все вопросы предполагалось передать в компетенцию специального органа «Махкамаи-Шариа» и его областным управлениям, а в кишлаках — низовым подразделениям «казы хона». Кроме того, для решения общих проблем мусульман России, «без различия национальности и догматических расхождений», предполагалось учредить специальный совет под главенством шейх-уль-ислама. Квота представителей от каждой республики в этот совет должна была определяться в пропорциональной зависимости от количества мусульман, населяющих каждую республику.

Очень интересным является раздел, посвященный правам граждан. Программа предусматривала равенство перед законом всего населения республики без различия религии и национальности. Гарантировалась свобода совести и то, что «никто не будет преследоваться за свои религиозные убеждения». Более того, «правительством не будут предоставлены преимущества ни одной из религий»²².

²¹ Фан ва турмуш. 1990. № 7. С. 6.

²² Там же. С. 7.

Туркестанские федералисты выступали за свободу собраний, союзов и обществ, а также за неприкосновенность личности. Кроме того, они считали необходимым «уничтожение паспортной системы и предоставление каждому права свободного передвижения как в пределах государства, так и за его пределами».

По проблемам экономической жизни партия высказалась за уничтожение всех налогов, «не предусмотренных шариатом». Федералисты так сформулировали задачу уменьшения таможенных пошлин: «для того, чтобы удешевить машины и различные орудия, потребные для сельского хозяйства и кустарей, и продукты первой необходимости, производимые населением».

В вопросе о земле партия высказалась за конфискацию всего государственного имущества и земель государя и князей и передачу их для продажи нуждающимся земледельцам. В отношении земель частных лиц было сформулировано положение о том, что «все области России, кроме Туркестана, вольны выработать для себя свои законы». Однако в Туркестане она должна остаться в руках хозяев. При этом «партия будет добиваться возвращения прежним владельцам тех земель, которые вследствие некоторых событий (например, восстание мингтепинского ишана) были конфискованы у населения и разделены между другими». Программной задачей являлось также возвращение вакуфных земель, конфискованных властями «для обращения их по-старому назначению согласно вакуфнаме»²³.

Туркестанские федералисты сочли необходимым определиться и в рабочем вопросе. Программа содержала положение о том, что партия не будет чинить препятствий в деле организации рабочими союзов и обществ, а также в защите ими своих прав путем объявления частичных или всеобщих забастовок. Более того, в программе содержалось положение о необходимости создания специальных правовых актов для защиты рабочих и служащих, в частности, закона, регламентирующего участие трудящихся в работе органов, на которые возложена функция «следить за выполнением законов, защищающих права рабочих». Федералисты ставили также своей задачей защитить женский и детский труд.

²³ Там же.

Правовая система автономных республик авторам программы представлялась следующим образом: суды и органы юстиции должны быть свободны от вмешательства кого бы то ни было и подчиняться только шариату и законам. Исполнительные органы власти не должны вмешиваться и влиять на назначение, перемещение и смещение судей, а также на ход следствия. Система наказаний должна быть определена на основании законов, выработанных парламентом. Предполагалось, что судебные разбирательства должны обязательно вестись при участии правозащитника.

Наиболее детальной проработке в программе подвергнуты вопросы образования. Право на него предполагалось предоставить всем «без различия пола, национальности и религии». Причем в деле организации системы просвещения не должны ставиться ограничения ни частной инициативе, ни начинаниям местных властей. Декларировалась свобода школы, а между ее различными ступенями должна быть такая преемственность, «которая обеспечивала бы легкость перехода из низшей в высшую» (школу). Считалось, что высшая школа, в первую очередь университеты, должна быть автономной, а начальное обучение — всеобщим и бесплатным. Преподавание в школах этой ступени должно вестись на языке большинства населения данной местности. Причем в высших учебных заведениях и средних школах русский и общетюркский языки должны стать «обязательными предметами». Однако в высшей школе «преподавание должно вестись на общем для тюрков литературном языке»²⁴.

Как видно, туркестанские прогрессисты преднамеренно, в угоду консервативно мыслящим соотечественникам, изменили некоторые свои позиции для того, чтобы создать единый национальный фронт борьбы за обретение независимости. В частности, они пошли на компромисс с обществом «Уламо» по таким вопросам, как экспроприация и распределение больших участков земельной собственности, права женщин и другие, т.е. по тем самым направлениям, по которым туркестанские уламоисты выразили протест во время мусульманского съезда, проходившего в Москве. Уступка

²⁴ Фан ва турмуш. 1990. №7

уламаистам проявилась также в девизе партийного органа «Турк эли»: «Придерживаясь ислама, мы трудимся, чтобы защищать права автономии».

Изложенные в программе принципы организации всех сфер социальной жизни свидетельствовали о глубоком обосновании идеи создания в Туркестане демократической республики на принципах национально-территориальной автономии, которая войдет в состав Российской демократической республики с учетом специфики общественной жизни мусульман, основанной на шариате и адате.

Для малочисленных народов при формировании федеративного государства приемлемым вариантом общественно-го развития, как указывается в заметке «Проект автономии», помещенной в газете «Кенгаш», является не централизация власти, а национальная автономия²⁵.

В составлении партийных документов приняли участие видные мусульманские правоведы, преподаватели медресе, купцы, писари Коканда, Андижана, Ташкента, Самарканда, Скобелева: мулла Камол Казы, Абдулла Рахмонбердыев, мулла Нуриддин Юлдош Ходжи Эшонов, мулла Махмуджон Бойбача Камолджонбоев, Мирзаахмад Кушбегиев, Обиджон Махмудов, Миродил Мирзаахмедов, Мунаввар кары, Махмудходжа Бехбуди, Абулкасым Амин-заде, Мухаммадамин Эффендизаде, Садриддинхон Махдум Мухаммад Шарифходжа казы оглы, Миен Бузрук и некоторые другие²⁶.

На съезде был принят и Устав партии. В нее мог вступить «каждый мусульманин, желающий служить целям партии без различия пола, убеждений, классовой принадлежности».

Газета «Туркестанский курьер», комментируя итоги Скобелевского съезда, отметила, что по своему значению он «должен занять первое место, ибо на этом съезде впервые мусульманское население области осознало себя как политический организм и приняло политическую платформу, которая должна объединить всех мусульман края. На этом съезде восприняла бытие первая мусульманская партия — партия туркестанских федералистов»²⁷.

²⁵ Кенгаш. 1917. 6 августа.

²⁶ Фан ва турмуш. 1990. № 7. — С.8.

²⁷ Туркестанский курьер. 1917. 26 июля.

Изучение материалов газеты «Турк эли» показало, что она одновременно являлась органом «Партии тюркских федералистов» и Туркестанского центрального мусульманского совета (Краймуссвет). И вполне возможно, что партия включала в себя большинство членов Краймуссвета. Ввиду того, что газета просуществовала всего неделю и больше сосредотачивала внимание на деятельности Краймуссвета, она не смогла, а может быть, не успела полностью раскрыть партийную работу. Поэтому пока еще трудно говорить о реальных политических результатах деятельности партии. Тем не менее главный из них бесспорен. Партия туркестанских федералистов впервые выдвинула систематизированную политическую программу, не зависимую от российских политических партий Туркестана, и усилила автономистские настроения среди коренного населения. Народ был воодушевлен идеей национально-территориальной автономии. Она находила растущую поддержку среди разнообразных слоев туркестанского общества, консолидировала мусульман. В результате автономистское движение все более наглядно стало выходить за рамки локальных политических действий и оформляться в приоритетное звено политически организованного национально-освободительного движения.

Итак, в процессе демократизации общественной жизни, вызванном Февральской революцией, среди коренного населения Туркестана зародились многочисленные национальные политические организации, предлагавшие собственные пути развития. Координирующим центром всетуркестанского национального движения выступил Краймуссвет, который стоял на позициях обретения национально-территориальной автономии края. Краймуссвет и поддерживавшие его национальные демократические партии и объединения проводили большую работу по пропаганде идей автономии и вовлечению в автономистское движение широких слоев мусульманского населения. Идеи автономии, основанные на принципах суверенитета и защиты национального уклада жизни, сохранения вековых традиций и духовных ценностей ислама, получали все большее распространение в туркестанском обществе. Однако процесс политической консолидации мусульманской части населения края протекал противоречиво. Тормозящими факторами в этом отношении стали поляризация интересов консервативной части феодально-клерикальных слоев и национальных демократов, а также разъединение национальных политических организаций по социально-классовым признакам.

На первом этапе послефевральского развития национальные демократы и значительная часть коренного населения края связывали свои надежды на расширение суверенных прав с декларативными обещаниями Временного правительства и созывом Учредительного собрания. Однако со временем эти надежды стали угасать. В среде национальной интеллигенции и лидеров патриотических движений росло убеждение в иллюзорности предлагаемых центральной властью путей разрешения национального вопроса. Особенно ярко противоречия социальных, политических и национальных интересов коренных туркестанцев и властных структур проявились в ходе выборной кампании в городские думы и Учредительное собрание. В то же время они показали возросшую политическую активность местного населения. Но она тормозилась идейным расколом внутри мусульманских политических движений, организационным противопоставлением консерваторов и прогрессистов.

Новый поворотный этап в динамике развития политической жизни Туркестана детонировали события конца лета — начала осени 1917 г. в Петрограде, связанные с «корниловским мятежом». В обстановке реальной опасности установления антидемократической диктатуры среди мусульманской части населения Туркестана зрело понимание необходимости консолидации всех национальных сил, создания единой политической партии. Ею стала партия «Турк адами марказияги», выступавшая за предоставление коренному населению Туркестана национально-территориальной автономии в рамках Российской федеративной демократической республики. Туркестанские федералисты разработали четкую программу практических действий, охватывающих сложный пласт социально-экономических, духовно-идеологических и этнорелигиозных проблем. Она опиралась на общечеловеческие гуманитарные ценности и специфику национального менталитета, исходила из учета демократических принципов и особенностей общественной жизни мусульман, основанной на шариате и адате.

Консолидация мусульманских освободительных сил придала мощный импульс углублению автономистского движения. Оно с нарастающей силой стало охватывать все новые слои туркестанского общества, превращаясь в базисную основу национально-освободительной борьбы коренного населения центральноазиатского региона.

Г л а в а III

БОРЬБА ЗА ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ АВТОНОМИИ ТУРКЕСТАНА

3.1. Разработка автономистских требований

Итоги выборов в городские думы свидетельствовали об активизации мусульманской части населения Туркестана и росте его политического сознания, отражавшего процесс постепенного распространения идеи самоопределения. Это подметил Г. Сафаров, описавший политическую ситуацию в Туркестане так: «В сентябре 1917 г. противоположность между революционными стремлениями русского национально-привилегированного меньшинства в лице рабочих и солдатских масс и национально-освободительными стремлениями мусульманской буржуазии и буржуазной интеллигенции уже явно выплыла на поверхность. Одним нужны были хлеб и свобода, хотя бы за счет старого города и кишлака. Другим как хлеб нужна была национальная свобода»¹.

К осени 1917 года процесс послефевральского развития вступил в новый этап. Его характерной чертой явилось назревание общенационального кризиса. Полугодовая деятельность Временного правительства привела страну на грань хозяйственной разрухи. Тяжелый экономический кризис охватил Туркестанский край. Одним из самых страшных народных бедствий явился продовольственный кризис. Он свидетельствовал о полной неспособности Временного правительства хоть как-то улучшить положение народа. Отовсюду поступали тревожные сведения о возраставшем количестве смертных случаев от голода. Об этом свидетельствуют сводки, опубликованные в газетах «Хуррият» и «Кенгаш».

Усугублявшаяся разруха, голод и безработица, продолжавшаяся империалистическая война, поглощавшая огромные материальные и людские ресурсы, усиливавшийся национальный гнет и эксплуатация явились факторами недовольства трудящихся масс. Все это связывалось с кризисом

---

¹ Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). — Госиздат, 1921. — С. 97.

власти как в центре, так и на местах. И поэтому вопрос о власти выдвинулся на первый план. Именно от решения вопроса о власти, считали национал-демократы, полностью зависит и дальнейшая судьба автономии.

На расширенном совещании Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 30 августа при обсуждении вопроса о корниловском мятеже ташкентские большевики потребовали передать всю власть Советам. Опираясь на программные установки ЦК РСДРП(б), они сочли, что защиту и упрочение революции, созыв Учредительного собрания и ликвидацию губительной войны на началах, провозглашенной революционной демократией, сможет обеспечить только власть, опирающаяся на революционные классы — пролетариат, беднейшее крестьянство и армию; что такой властью явится только революционное правительство, избранное и ответственное перед Всероссийским исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ташкентский Совет солдатских и рабочих депутатов твердо заявил, что именно такую, истинно революционную и народную, власть он будет поддерживать всеми силами².

В контексте новой стратегической линии Ташсовет настойчиво стал проталкивать лозунг «Вся власть Советам» и предлагать создание Ревкома. Однако, несмотря на то, что социал-демократы усердно пытались доказать, будто вывести Россию из тяжелого положения могут только Советы рабочих и солдатских депутатов, а не коалиционное правительство, вопрос о передаче власти Советам был отклонен большинством голосов гласных Ташкентской городской думы, заседавшей 6 сентября 1917 г. Это был первый удар по лозунгу «Вся власть Советам». Обиженные социал-демократы Токайшвили и Першин заявили, что «настоящий состав Думы не является представителем демократического населения города, и поэтому социал-демократы воздерживаются от участия в голосовании по вопросу выдвижения делегатов в коалиционное правительство»³.

На этом же заседании был затронут вопрос и о государственном устройстве России. Большинство присутствующих, в том числе и члены объединенной мусульманской

² Наша газета. 1917. 1 сентября.

³ ЦГА РУз. Ф. 718. Оп. 1. Д. 60. Л. 115.

фракции и общества «Уламо», приняли положение о федеративном статусе республики. Вместе с тем объединенная мусульманская фракция настаивала на том, чтобы решение земельного и водного вопросов в Туркестане было предоставлено самим туркестанцам.

8 сентября 1917 г., когда состоялось объединенное заседание Туркестанского краевого и Сырдарьинского областного Совета, на котором обсуждалась резолюция, предложенная членом Ташсовета Х.Л. Вайнштейном, ташсоветовцы получают второй удар. В резолюции говорилось: «Совещание находит необходимым немедленное создание Краевого революционно-демократического комитета из представителей демократических организаций. Созыв учредительного собрания комитета в 3-дневный срок поручается Краевому Совету солдатских и рабочих депутатов. Совещание предлагает организациям представить свой план организации и деятельности комитета». На заседании Краевого и Сырдарьинского Советов было выражено отрицательное отношение к этой резолюции. Представители Краевого Совета солдатских и рабочих депутатов, Краевого Совета крестьянских и киргизских депутатов, областного Совета солдатских и рабочих депутатов и Краевого Совета мусульманских депутатов решительно отказались участвовать в голосовании, пока не будет рассмотрен вопрос о создании в их организациях Революционного комитета⁴.

На крупных предприятиях, в Главных железнодорожных мастерских, в воинских частях под воздействием развернувшейся агитации большевиков принимались составленные ими резолюции о передаче власти Советам и образовании Ревкома⁵.

Однако иной, подлинно демократической позиции придерживались представительные органы коренного населения края. На созванном по инициативе Краймуссовета II Краевом мусульманском съезде (7–11 сентября, г. Ташкент) по вопросу о краевой власти была принята резолюция следующего содержания: «Второй Туркестанский Краевой общемусульманский съезд выступает против передачи власти Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Власть должна быть коалиционной и опираться на все политические силы страны, т.е. всенародной»⁶. При обсуждении на

⁴ Наша газета. 1917. 10 сентября.

⁵ См.: Рабочее дело. 1917. 10 сентября.

⁶ Кенгаш. 1917. 12 сентября.

страницах местной печати национальных вопросов автономисты начали твердо заявлять о принципиальных основах своей позиции.

Так, известный юрист Ислам Шоахмедов разработал проект Туркестанской Федерации и опубликовал его на страницах газеты «Улуг Туркистон». Прошедший обсуждение и одобренный Краймуссветом, этот проект состоял из 27 пунктов и давал разъяснение по следующим вопросам: о созыве Туркестанского учредительного собрания, о правах русского населения Туркестана, о земельно-водном вопросе, о Туркестанской автономии, о воинских частях, о суде, о языке и др.⁷ В дальнейшем большинство пунктов этого проекта будут включены в программные документы, принятые краевыми мусульманскими съездами.

В газете «Кенгаш» указывалось, что мусульмане могут и должны принимать участие в правительстве лишь при условии демократичности его политики; основным для населения Туркестана является право свободного самоопределения народа; Краймуссвет является законным общемусульманским органом, действующим от имени всего мусульманского населения и защищающим его интересы⁸. То, что съезд собрался на обсуждение столь важных вопросов именно в сентябре 1917 года, является далеко не случайным. Именно в это время из Петрограда в Ташкент вернулся лидер автономистов Убайдулла Ходжаев с поручением «Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание» организовать подготовку к этим выборам в Туркестане.

Докладывая о результатах II мусульманского съезда, избранный на съезде председателем Убайдулла Ходжаев дал интервью российской газете «Единство», в котором подчеркнул, что «великий лозунг революции о свободе самоопределения народов включает все, что гарантирует им свободное бытие. II общемусульманский туркестанский съезд находит, что национальное самоопределение народа, обладающего собственной территорией, только тогда получает прочные основания, когда народ имеет экономическую устойчивость, и потому съезд заявляет, что одной из главных безусловных гарантий своего

⁷ Улуг Туркистон. 1917. 7, 10 сентября.

⁸ См.: Кенгаш. 1917. 8, 12 сентября.

существования население считает экономическую автономию Туркестанского края с теми областями, население которых пожелало бы на праве самоопределения к нему примкнуть»⁹.

Решения II Туркестанского мусульманского съезда показали, что в данный момент лозунг «Вся власть Советам» не нашел поддержки не только среди демократических кругов европейского населения Туркестана, но и у мусульман. Тем не менее ташкентские большевики настойчиво продолжали требовать передачи всей полноты власти Советам рабочих и солдатских депутатов. 11 сентября 1917 г. в Ташкенте на заседании с участием туркестанских краевых демократических организаций, обсуждавших вопрос о конструировании краевой власти, развернулась острая дискуссия большевиков с меньшевиками и эсерами. От Краймуссовета на заседании присутствовали М. Чокаев, И. Шоахмедов, У. Ходжаев. Большевики, поддержанные представителями профсоюзов, предложили объявить данное заседание Революционным комитетом и немедленно передать ему всю полноту власти в крае. Но это предложение было отклонено.

По вопросу организации системы управления в Центре принимается резолюция, поддерживающая образование коалиционной власти. Эту резолюцию поддержали и шуроисламисты. Касаясь пункта организации краевой власти, собрание большинством голосов постановило: «Принципиально признавая необходимым немедленное пополнение Туркестанского комитета Временного правительства лицами, выдвинутыми на должности членов Комитета краевыми демократическими организациями, вопрос о количестве кандидатов и личностях таковых оставить до следующего заседания данного совещания, которое назначить на 6 час. вечера 13 сентября»¹⁰. Тогда большевики в знак протеста покидают совещание и идут на заседание Исполкома Ташсовета. Здесь они опять, не считаясь с решением краевых демократических организаций, предлагают образовать Ревком и передать ему всю полноту власти.

Туркестанские, особенно ташкентские, рабочие и солдаты под воздействием большевистской пропаганды стали все более радикализироваться.

⁹ Единство. 1917. 14 сентября.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. Р-1613. Оп. I. Д. 1а. Л. 106–107.

Решив воспользоваться недовольством масс действиями властных структур в борьбе со спекуляцией, продовольственным кризисом, дороговизной и разрухой, большевики выступили организаторами многолюдного митинга, который состоялся 12 сентября в Ташкенте в Александровском парке. В нем участвовали солдаты 1-го и 2-го Сибирских полков, рабочие-железнодорожники и др. Начавшись с обсуждения проблем продовольствия, он под влиянием большевиков приобрел политический характер. Митинг принял большевистскую резолюцию, разработанную в свете экономической платформы VI съезда РСДРП(б). Главным условием ее выполнения выдвигался переход всей власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Был выражен протест против «политики соглашательства с буржуазными партиями», которую ведет краевой Совет, и одобрено предложение переизбрать его. Намечался немедленный созыв Краевого съезда Советов. Для организации и контроля быстреего выполнения принятых решений митингом был избран Революционный комитет (Ревком).

В принятой на митинге резолюции заявлялось о необходимости проведения немедленной реквизиции у «капиталистов, баев и кулаков» запасов продовольствия, национализации промышленности и банков, передачи «помещичьих земель крестьянам», установлении рабочего контроля над производством. В советской историографии неизменно подчеркивалось, что представители местного населения поддерживали эти экстремистские требования. Но следует сказать, что кроме воспоминаний С. Касымходжаева¹¹, не обнаружено достоверных документов, подтверждающих участие мусульман в данном митинге и его поддержку. Наоборот, материалы национальной прессы того периода свидетельствуют о том, что мусульмане восприняли объявление перехода власти к Советам и создание Временного революционного комитета как узурпацию власти.

Таким образом, в результате местного переворота, осуществленного Исполкомом Ташсовета, была предпринята попытка свергнуть власть краевых представителей Времен-

¹¹ См.: Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане: Воспоминания участников. — Т., 1957. — С. 115–119.

ного правительства. Не останавливаясь на подробностях сентябрьского мятежа, так как эта проблема достаточно широко раскрыта в советской исторической литературе, необходимо отметить, что, предприняв попытку захвата власти революционным путем, ташкентские большевики поставили Туркестан перед угрозой гражданской войны. Большинство Советов края во главе с Краевым Советом рабочих и солдатских депутатов выступили с осуждением захвата власти большевиками. В обращении к населению Ферганы Ферганский областной Совет и комиссариат оценил «ташкентский захват власти» как самочинную попытку небольшой группы лиц навязать свою волю всему краю. Ферганский областной Совет обратился к рабочим, крестьянам, солдатам, ко всему русскому и мусульманскому населению области не признавать никаких распоряжений самочинной ташкентской организации, именующей себя «Временным Революционным Комитетом», а также «не исполнять приказов, приказаний и циркуляров, исходящих от незаконно присвоившего себе власть командующего войсками поручика Перфильева...»¹².

Подобные резолюции протеста против Ревкома и Ташсовета выносили Советы Намангана, Коканда, Самарканда, Пишпека, Оша и других городов. С осуждением Ревкома за узурпацию власти и признанием его действий как игнорирующих интересы и права мусульман сразу же после первых дней сентябрьских событий выступили Краймуссовет, «Шурои-Уламо», партия тюркских федералистов и другие национальные организации.

В условиях резко изменившейся политической обстановки 13 сентября в Ташкенте состоялось очередное совещание туркестанских краевых организаций. На нем после обмена мнениями было единогласно принято постановление о слиянии туркестанских краевых Советов солдатских, рабочих, крестьянских, киргизских и общемусульманских депутатов.

В президиум Объединенного Комитета от Краймуссовета были включены Убайдулла Ходжаев и Мустафа Чокаев. Однако это объединение демократических сил не смогло долго действовать совместно, потому что после введения военного

¹² Архив государственного музея истории Узбекистана АН РУз. II, 6, 78.

положения была проведена передислокация Советов в другие города. Так, Краевой Совет рабочих и солдатских депутатов 14 сентября переехал в город Скобелев. Позже большинство членов Краймуссовета перебралось в Коканд.

Сентябрьские события оказали глубокое воздействие на последующий ход политических процессов. В обстановке неразберихи, сложившейся по всему Туркестану после «сентябрьского мятежа», и общего упадка власти мусульмане увидели возможность практического осуществления своих свободолюбивых устремлений.

Анализируя эту динамичную страницу отечественной истории, важно подчеркнуть, что национально-освободительное движение туркестанцев осенью 1917 года имело иные качественные характеристики по сравнению с весной того же года. Прежде всего, оно отличалось большей сознательностью и организованностью его участников. Теперь уже четко было видно, что национальное движение взяло курс на неукоснительное требование автономии для Туркестана. Борьба за Туркестанскую автономию активизировала все слои мусульманского населения и стала проходить под лозунгами: «Да здравствует федеративная республика!», «Мусульмане, объединяйтесь!», «Да здравствуют Свобода, Справедливость, Равенство!», «Сила в единстве!». Эти лозунги говорили о вырвании понимания национальными политическими организациями необходимости консолидации освободительных сил перед угрозой установления большевистской диктатуры.

Таким образом, автономистское движение вступило в новый этап своего развития. По инициативе обществ «Шуро-Уламо» и «Халоик» в Ташкенте с 17 по 20 сентября был проведен съезд туркестанских и казахских мусульман. На нем присутствовало более 500 авторитетных делегатов от Туркестана, а также Уральской и Тургайской областей.

С вступительным словом на курултае выступил лидер шуруиуламоистов Шерали Лапин. Он огласил повестку дня съезда и предложил избрать рабочий президиум. Повестка включала следующие вопросы: 1) будущее политическое устройство Туркестанского края; 2) продовольственный вопрос; 3) землепользование и водопользование; 4) судебная система; 5) школьный вопрос; 6) о завеловании мечетями; 7) вакуфный вопрос; 8) о земстве; 9) женский вопрос;

10) образование мусульманской политической партии; 11) реорганизация Краевого Мусульманского Совета; 12) привлечение мусульманского населения к административно-му управлению краем; 13) об Учредительном собрании и др.

Председателем президиума был избран мулла Шомухиддин охунд. На съезде выступили мулла Ахмадходжа эшон («Уламо»), мулла Исохон аълам («Уламо»), муфтий Махмудходжа Бехбуди (Самарканд), мулла Ташпулат кары, Тураходжа эшон (мударрис из Самарканда), Оллокулибек (председатель общества «Халоик»), Пири Мурсилзода (представитель Кавказского мусульманского комитета), Мулла Саидрасул махдум («Уламо»), мулла Содикходжа («Халоик»), Саид Джаббар (Чимкент), мулла Мухторходжа эшон (Ура-Тюбе), Мулладжон домла (Самарканд), мулла Юсуф (Чимкентский уезд), Юсуфбек (Ак-мечеть), Мухаммад Амин-заде (представитель Кавказского мусульманского комитета), мулла Шомухиддин охунд («Уламо»)¹³.

Вся работа съезда была пронизана объединительными тенденциями, стремлением установления единства в масштабе края при подготовке к выборам в Учредительное собрание и выдвижении в него достойных людей из российских мусульман, независимо от их политических взглядов.

Как сообщила газета «Улуг Туркистон», «заслушав доклады муллы Мухаммадходжи эшона и муллы Сидикходжи эшона о форме управления, съезд единогласно с молитвой на устах решил учредить Туркестанскую автономию (мухторият)». Это означало, что Туркестанский край «объявляется местной и национальной автономией, внутренние свои дела решает самостоятельно»¹⁴.

Для политического руководства мусульманами Туркестана и Казахстана было принято решение создать вместо организаций «Шуро-Исломия», «Турон» и других единую партию под названием «Иттифок-и-муслимин» («Союз мусульман»)¹⁵.

Документы, принятые на съезде, подробно отражают взгляды коренной части населения на общественно-политическое устройство края. В соответствии с ними была выдви-

¹³ Аль-Изох. 1917. 4 октября.

¹⁴ Улуг Туркистон. 1917. 30 сентября.

¹⁵ Улуг Туркистон. 1917. 30 сентября.

нута программа образования Туркестанской территориальной федерации в составе демократической Российской республики, организованной на началах национально-культурного самоопределения всех народностей, населяющих области края. Предполагалось, что высшим законодательным органом Туркестанской Федеративной Республики (Туркистон Мухторияти) должен стать парламент, избираемый «на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования сроком на 5 лет с обязательным пропорциональным представительством в нем всех народностей, населяющих Туркестанский край»¹⁶. Причем законодательные функции Туркестанского парламента должны быть точно согласованы с основными законами Российской республики и с требованиями шариата¹⁷, а для разрешения общегосударственных вопросов Туркестанский парламент должен иметь своих представителей при верховном правительстве Российской республики.

Исполнительным органом власти рассматривалось республиканское правительство, осуществляющее свою деятельность через особый секретариат, который в своих действиях ответственен перед Туркестанским федеральным парламентом.

Съезд определил, что Туркестанская федерация имеет в городе Ташкенте свой Сенат под названием «Махкама-и-Шария» (Палата Законов), которому присваиваются права на публикацию и разъяснение законов, надзор за точным исполнением общегосударственных законов и требований шариата, контроль за всеми правительственными учреждениями и правильным выполнением решений суда всеми судебными учреждениями и лицами. Он же является высшим судебным учреждением Туркестанской федерации.

В документах съезда было определено, что Туркестанская федерация должна обладать правом на выпуск денег, располагать таможней, федеративным банком, иметь собственную милицию и войска «для охраны в мирное время границ федерации с иностранными государствами». Охрана внешних границ в военное время осуществляется правительством Российской республики, и в этом случае войска Туркестанской федерации в командном отношении всецело переходят в распоряжение правительства Российской республики.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Очень важные решения были приняты по вопросу о земле и воде. Отрицательно отреагировав на создание земельных комитетов, «так как они придерживаются линии социализации земель и вод», съезд решил, что «земли и воды Туркестана должны быть в управлении всенародного собрания»¹⁸. Таким образом, на съезде состоялось программное оформление автономистских требований коренных туркестанцев. Показательно при этом, что в отличие от экстремистски настроенных большевиков, ориентирующихся на методы революционного насилия, съезд выразил волю местного населения к самоопределению на мирных началах. Переход власти от Временного правительства в руки федералистов подразумевался не губительным путем насильственного революционного переворота, а через созидательное реформирование туркестанского общества.

Между тем радикализованный группа социал-демократов, опираясь на поддержку люмпенизированных слоев рабочих и солдат, не оставляла своих притязаний на захват власти любыми средствами.

Что же послужило усилению борьбы за власть в Туркестане именно в сентябре-октябре? Помимо отмеченного острого хозяйственного и продовольственного кризиса, проявились и другие, политические причины. Во-первых, решением от 9 августа Временное правительство назначило выборы в Учредительное собрание на 12 ноября и созыв его на 28 ноября. Во-вторых, левое крыло социалистических партий, получив мало мест в городских думах как в России, так и в Туркестане, осознало, что до созыва Учредительного собрания остается единственный способ захвата власти путем вооруженного восстания. В-третьих, переход автономистов к решительным действиям напугал большевиков. Они пришли к заключению, что если не взять власть до созыва Учредительного собрания, то она перейдет в руки «мусульман». Не менее важно и то, что призывы к вооруженному выступлению исходили от ленинского ЦК РСДРП(б), взявшего в этот период устойчивый курс на проведение социалистической революции.

Упорное стремление большевиков передать власть радикализованным Советам вызвало раздражение не только

---

¹⁸ Улуг Туркистон. 1917. 30 сентября.

среди коренного населения, но и демократических сил европейской общины Туркестана. Особенно отчетливо это проявилось в дни работы II чрезвычайного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Туркестана, проходившего с 30 сентября по 10 октября 1917 г.

Если выделить ключевые вопросы, обсуждавшиеся на данном съезде, то можно заметить, что в основном острые дебаты развернулись вокруг ташкентских событий, организации краевой власти и подготовки к созыву Учредительного собрания.

Знакомство с историческими документами показывает, что вопросы федеративного устройства Туркестана, поднятые на двух сентябрьских краевых мусульманских съездах, абсолютно не интересовали депутатов европеизированных Советов. Причем, уже тогда рельефно обозначились две приоритетные тенденции в подходе к национально-государственному строительству в крае. С одной стороны, началась серьезная подготовительная работа национальных демократов к созданию Туркестанской федерации, с другой — отмечалось полное игнорирование большевиками автономистских устремлений мусульман. Ортодоксальных марксистов заботило одно — вооруженный захват власти. Такое различие идейно-концептуальных подходов привело, как показали дальнейшие события, к резкой политической поляризации общества, к углублению противоречий между леворадикальными и либеральными силами демократии.

Новую главу в истории Российского государства и Туркестана открыл «октябрьский переворот». Как известно, 25 октября 1917 г. в Петрограде произошло вооруженное восстание. В тот же день в 5 часов вечера на закрытом заседании исполкома Ташсовета был обсужден план вооруженного выступления в крае. 28 октября в 6 часов утра по сигналу гудка Главных железнодорожных мастерских начался октябрьский переворот в Ташкенте. После него вся власть перешла к Ташсовету. 1 ноября Ташсовет послал по железной дороге телеграмму следующего содержания: «Всю власть принял Совет. Берите власть в свои руки».

Победа большевистского восстания в Петрограде и первые законодательные акты Советской власти вызвали сложные процессы в политической жизни Туркестана. К этому

времени здесь выделились три основные политические линии. Первая выражала интересы самых широких слоев коренного населения в его стремлении обеспечить право на национальное самоопределение. Вторая, представленная русскими эсерами и меньшевиками, нацеливала на развертывание демократических процессов с предоставлением усеченных автономных прав в составе России. Третья, ленинская, ориентировала на создание утопического коммунистического общества в пространстве единой Советской империи, хотя на первом этапе «большевистской революции» ленинское руководство всеми возможными средствами стремилось замаскировать свои истинные цели. Пытаясь обеспечить политическую поддержку широких народных масс национальных окраин, глава нового советского правительства поспешил уже в первые дни октябрьского переворота нарисовать многообещающие перспективы радикального решения национального вопроса. 2 ноября 1917 г. за подписью В. И. Ленина и И. В. Сталина была опубликована «Декларация прав народов России». В ней особо отмечалось, что, исполняя волю народов, «Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений...»¹⁹. Одновременно, учитывая исключительную важность обеспечения политической лояльности и сохранения в составе России мусульманских народов Татарии, Башкирии, Туркестана, Кавказа и Крыма, Совнарком выступил 20 ноября 1917 г. с «Обращением» к ним, в котором говорилось: «Мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями России. Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учрежде-

¹⁹ В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. — Т.: Узбекистан, 1982. — С. 454.

ния объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устраивать свою жизнь по образу своему и подобию»²⁰. Однако, как убедительно показали последующие события, на словах декларируя возможность самобытного национального развития, новая власть, исходя из стратегических установок ортодоксального марксистского учения, всеми способами блокировала проявление этих процессов. Так, когда мусульманские народы Башкирии, Татарии, Крыма и Кавказа, в полном согласии с правительственным «Обращением» объявили о создании своих независимых мусульманских государств, то все они силой оружия были возвращены обратно в состав России.

Центральное большевистское руководство продолжило великодержавную политику, которая усугублялась откровенно шовинистическими действиями местных коммунистов.

Однако в первые октябрьские дни антинародный характер новой власти еще не проявился столь откровенно, как впоследствии. Напротив, охватившие Россию громогласные революционные процессы, обещания свободы пробудили у среднеазиатских народов надежды на освобождение от социального, национального и колониального гнета. В то же время лидеров национальных партий и движений в Туркестане настораживало то, что по существу «социалистическая революция» была экспортирована руками политических мигрантов, пришлых людей, без участия представителей коренного населения. К тому же им был хорошо известен политический почерк местных коммунистов, настоенный на шовинистическом игнорировании интересов коренных туркестанцев. Настороженно отнеслись к действиям большевиков и представители других социалистических партий в Туркестане. Поэтому весть о захвате большевиками власти в Петрограде и Ташкенте была воспринята на местах неоднозначно. В Ташкенте начали поступать телеграммы противоречивого содержания. Одни поддерживали Советы рабочих и солдатских депутатов Петрограда и Ташкента, другие же считали, что «захват власти большевиками является попыткой диктовать

²⁰ Документы внешней политики СССР. — М., 1957. Ч. 1. — С. 34–35.

стране волю большевизма вместо воли всей демократии и является узурпацией права всего народа за две с половиной недели до выборов в Учредительное собрание и угрожает созыву Учредительного собрания»²¹.

Неопределенность политического разворота событий заставила многие небольшевистские партии и движения, в том числе национально-мусульманской ориентации, на первом этапе занять выжидательную позицию, чтобы полнее оценить происходящие революционные процессы.

Позицию мусульманских лидеров можно отчетливо определить по статьям, опубликованным на страницах национальной прессы. Так, в первые же дни после октябрьского переворота газета «Хуррият» в рубрике «Вести из России» информировала о политической обстановке в стране и сообщала о событиях в революционном Петрограде. В статье «Сиёсий холлар» («Политическая обстановка») А. Фитрат пишет: «Для туркестанцев сейчас важнее всего определить линию действий... Так как большевики и сторонники правительства Керенского отстаивают свободу и выступают против самодержавия, а именно это соответствует интересам мусульман, то было бы неосторожностью и безумием перейти на сторону одного из них и противостоять другому». Фитрат предлагает туркестанцам быть нейтральными, так как «именно эта линия самая безопасная». Тут же он обращается к каждой из сторон: «Пока кто-либо из вас не пришел к мысли отнять наши собственные национальные права, мы не будем вашим врагом. Мы, мусульмане, никого из вас не презираем и никого не защищаем»²². Аналогичные мотивы присутствовали и в публикациях других национальных демократов. Между тем, обеспокоенные сложившейся в Ташкенте ситуацией, крайние демократические организации Туркестана 2 ноября провели объединенное заседание, посвященное вопросу организации временной краевой власти, вплоть до решения этого вопроса в общероссийском масштабе. Заседание пришло к заключению вместо Туркестанского комитета Временного правительства, некоторые члены которого были арестованы, а другие скрылись, незамедлительно создать Туркестанский краевой исполнительный комитет из 9 человек: 3 представи-

²¹ Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. П. 9. Л. 21.

²² Хуррият. 1917. 7 ноября.

теля от Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, 2 — от Краевого Совета крестьянских депутатов и по одному — от Краевого Совета мусульманских депутатов, Краевого Совета киргизских депутатов, ЦК партии эсеров, Краевого бюро партии социал-демократов.

При этом комитете было организовано расширенное демократическое совещание, в котором из 21 места Краймуссовету отдавалось всего лишь 2²³.

7 ноября Туркестанский краевой исполком разослал во все города края телеграммы с оповещением, что 15 ноября созывается краевой съезд всех демократических органов и Советов солдатских, рабочих, крестьянских, киргизских и мусульманских депутатов, социалистических партий, а также городских дум²⁴.

12 ноября в Ташкенте начал работу съезд представителей городских самоуправлений, на который приехали делегаты-мусульмане из разных городов Туркестана²⁵.

В этот же день в России начались выборы в Учредительное собрание. Они продолжились несколько недель в 75 избирательных округах. Возрастной ценз составлял 18 лет для военнослужащих и 20 лет для гражданского населения. Цензы имущественный, оседлости, грамотности и прочие не предусматривались, женщинам предоставлялось равное избирательное право.

Анализируя результаты выборов, необходимо отметить, что они проводились в условиях, когда еще не во всех районах России была установлена Советская власть.

В Туркестане выборы в Учредительное собрание не проходили, по всей вероятности, потому, что в крае сохранялась нестабильная обстановка, сложившаяся в результате сентябрьских событий и октябрьского переворота. Однако списки мусульманских кандидатов в состав Учредительного собрания были опубликованы. Так, например, решением Самаркандского областного мусульманского съезда, прошедшего 28—30 октября 1917 г., в список были включены Махмудходжа Бехбуди, Абдурахмон Фархалов, Ташгулат Аб-

²³ Туркестанский курьер. 1917. 4 ноября.

²⁴ Туркестанские ведомости. 1917. 9 ноября.

²⁵ Улуг Туркистон. 1917. 18 ноября.

дулхалил оглы, Султан Уринбой оглы, Садри Максуди, Никольский, Камолитдин Хусаинов, Пири Мурсил-заде²⁶.

Заметным событием в эти дни стало проведение 12–15 ноября «Объединенного совещания различных мусульманских групп». Ввиду того, что на данное совещание собралось большее число участников, чем предполагалось, было признано необходимым придать ему статус III Краевого мусульманского съезда.

Надо сказать, что в ходе проведения упомянутых организационно-политических мероприятий последовательно вырисовывалась позиция мусульманских политических организаций и национально-патриотических движений по отношению к октябрьскому перевороту и факту перехода всей полноты власти к Советам. Так, уже в начале ноября недовольные раскладом мест, который был предложен Краймуссовету в составе Туркисполкома на объединенном заседании краевых демократических организаций, национальные демократы выступили с протестом. Они отстаивали право на большее представительство мусульманской части населения. При этом подчеркивалось, что при конструировании краевой власти необходимо учитывать специфику Туркестана. В частности, указывалось, что «для Туркестанского края коалиционная власть должна быть не партийная, так как девять десятых населения внепартийны, а национальная, классовая»²⁷.

Лидеры национальных мусульманских организаций неизменно проводили мысль о желательности учета многонационального состава населения края, неизменно отстаивали демократические принципы. К примеру, Махмудходжа Бехбуди, выступая 10 ноября на заседании Самаркандской городской Думы, внес предложение организовать Временное Туркестанское правительство из 32 человек из следующего расчета: по 6 человек от областей (1 – от Советов солдатских и рабочих депутатов, 2 – от европейского и 3 – от коренного населения), 1 – от всего еврейского и 1 – от армянского населения края²⁸.

Еще более четко позиция лидеров национально-освободительного движения проявилась на Объединенном сове-

²⁶ Хуррият. 1917. 7 ноября.

²⁷ Свободный Самарканд, 1917. 17 ноября.

²⁸ Т а м ж е.

щании мусульманских групп. В принятой на нем резолюции «Об организации власти в Туркестане» подчеркивалось, что «сосредоточение власти исключительно в руках военных, рабочих и крестьянских организаций, состоящих из небольших групп случайных и чуждых интересам местного населения людей не отвечает демократическим принципам и не может гарантировать правильность устройства жизни коренного населения на началах свободного самоопределения народов»²⁹.

С учетом предложений, поступивших с мест, на совещании предлагалось конструировать краевую власть в следующих пропорциях:

1. Высшим органом краевой власти является Туркестанский исполнительный комитет, состоящий из 12 представителей: от Советов солдатских и рабочих депутатов — 3, от городских самоуправлений — 3 и от Краевого съезда мусульман — 6.

2. Контролирующим органом, перед которым ответственен Туркисполком, является Ташкентский краевой Совет в составе 20 представителей: от Краевого съезда Советов солдатских и рабочих депутатов — 5, от Краевого съезда городских самоуправлений — 5 и от Краевого съезда мусульман — 10³⁰.

Совещание высказалось за быстрейшее решение вопроса о самоопределении. Было заявлено, что «в связи с переходом таковой власти в руки Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Туркестанский краевой съезд мусульман находит, что мусульмане, составляющие 98 процентов населения всего Туркестанского края при общей численности своей свыше 10 миллионов душ, имеют право на национально-культурное самоопределение на возведенных Российской революцией основах свободы, равенства, братства». Наряду с решениями о подготовке общемусульманского съезда и о создании Временного комитета совещание образовало специальную комиссию в составе Шерали Лапина (председатель), Саида Мухтархана Максума, Сидлик Холжи эшана, представителя Аулие-Аты Бигеева и Совета воинов-мусульман Собирджана Юсупова для объявления резолюции

²⁹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. Т. I. — Т. I. Изд-во АН УзССР. — С. 576.

³⁰ Там же.

краевого съезда мусульман об организации власти в крае на заседании III Краевого съезда Советов³¹.

15 ноября в Ташкенте начал работать III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В центре его внимания встал вопрос о структуре государственной власти. Он вызвал жаркие дискуссии, в ходе которых окончательно прояснились позиции ведущих политических объединений, касающиеся будущности края.

Долгое время в советской исторической науке работа съезда подавалась в фальсифицированном виде. Лишь в наши дни появилась возможность дать объективную трактовку его решений, оказавших глубокое воздействие на весь последующий разворот исторических событий. К настоящему времени уже появилось немало интересных исследований, в которых итоги съезда оцениваются с новых теоретико-методологических позиций. При этом обоснованно подчеркивается, что в его решениях в значительной мере отразились великодержавно-шовинистические настроения, царившие среди делегатов от европейской общины, особенно обольшевизированных рабочих и солдат.

Обладая реальной вооруженной силой, сконцентрированной в руках социально взвинченных рабочих и солдат, ленинцы смогли прийти к власти. III Краевой съезд избрал Совет Народных Комиссаров (СНК) из 15 человек, куда вошли большевики и сочувствующие им эсеры-максималисты. Глава первого советского правительства в Туркестане большевик Ф. Колесов спешно отправил в Петроград телеграмму, в которой сообщалось, что Совнарком края ставит своей задачей проведение в жизнь всех ленинских декретов³². Тем самым подчеркивалась жесткая ориентация новых органов власти на большевистский державный центр.

Политический облик большевистских «властителей» ярко охарактеризовала Декларация III съезда Советов, утвердившая принципы организации революционной местной власти³³. Один из ее пунктов недвусмысленно объявлял: «Привлечение в настоящее время мусульман в органы революци-

³¹ Туркестанский вестник. 1917. 25 ноября.

³² История Узбекской ССР: В 4-х т. Т. 3. — Т.: Фан, 1967. — С. 106.

³³ Головинов А. Как нации «самоопределились» // Звезда Востока. 1992. № 5. — С. 164.

онной высшей краевой власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы»³⁴.

Но сегодня мы уже знаем, что определенность была. Уже в ходе развернувшихся на съезде жарких дебатов многие делегаты от европейского демократического лагеря и национальных мусульманских организаций указывали на антидемократический характер большевистских проектов. В частности, остро критикуя узкоклассовый подход большевиков, эсеры и меньшевики подчеркивали настойчивую необходимость привлечения к участию в управлении краем всех демократических организаций и Советов, муниципалитетов и представителей коренного населения, предоставив последним половину мест в краевом органе власти — исполнительном комитете³⁵.

Точка зрения мусульманской части населения края на национально-государственное переустройство Туркестана была представлена в развернутом виде в выступлении лидера уламоистов Шерали Лапина. Опираясь на резолюцию съезда мусульман, он обоснованно указал на недопустимость передачи власти в руки Советов, нацеленных на установление большевистского единовластия и отторгающих участие в них широких мусульманских масс. Отметив, что мусульмане «не примирятся, если в крае будет властвовать только одна революционная демократия», Лапин заявил, что «мусульманство могло бы потребовать себе всей власти, но делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти». Выражая сокровенную мечту среднеазиатских народов, он потребовал автономии Туркестана, который смог бы управляться на основе «законов ислама». При этом оратор предупредил, что «в иной организации власти мусульмане участия не примут», поскольку путь «у мусульман самостоятельный — он указывается им Кораном и правилами шариата. Поэтому они не могут примкнуть ни к одной из русских

³⁴ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: Сб. док. — Ташкент, 1947. — С. 93.

³⁵ См.: Туркестанские ведомости. 1917. 18–21 ноября.

политических партий, но будут поддерживать ту власть, которая, опираясь на все народные организации, приведет страну к Учредительному собранию»³⁶.

Позднее, извращая позиции национальных мусульманских политических организаций, советские историки «постоянно будут педалировать опасности предложенного курса «исламизации», а в общественном сознании будет утверждаться мысль, будто программа, выдвинутая «националами», вела к консервации средневекового мусульманского общества»³⁷. Однако сегодня очевидно, что доминантой настроений делегатов краевого съезда Советов, представлявших мусульманскую общину, выступала идея национальной независимости, опирающаяся на сохранение собственного менталитета. Обращение к «законам ислама» ни в коей мере не означало замыкание в узких рамках «мусульманского национализма». Напротив, Шерали Лапин и представляемая им группа исходили из принципов широкой демократизации, выступали за создание органов власти, которые смогли бы отразить интересы всего многонационального населения края, в том числе и его русскоязычной части.

К сожалению, новая власть не хотела прислушаться к голосу разума. Линия на ограничение национального суверенитета с первых «октябрьских дней» стала жестко проводиться как туркестанскими большевиками, так и их московскими покровителями. Одним из свидетельств тому явился тот факт, что в решениях III съезда Советов, провозгласившего Советскую власть в крае, вопрос об автономии, не говоря уже о возможности отделения от России, не получил никакого отражения. Более того, в составе нового правительства не было ни одного представителя коренного населения. На местах власть также сосредотачивалась в руках военных, рабочих и крестьянских организаций, состоявших преимущественно из некоренных туркестанцев.

Вспоминая позже те поворотные дни, Мустафа Чокаев отмечал, что «установившаяся насильственным путем большевистская власть убила у туркестанцев веру в революцион-

³⁶ Свободный Самарканд. 1917. 25 ноября.

³⁷ Голованов А. Указ. работа. — С. 164.

но-освободительные лозунги. Советская власть началась в Туркестане с огульного отрицания права коренного населения на участие во власти»³⁸.

Подобная антинародная политика большевистских «управителей» не могла не вызвать ответной реакции. Линия на насильственное ущемление национальных прав привела к зарождению разнообразных форм национального протеста, повсеместной активизации национально-освободительного движения.

Таким образом, период конца лета — осени 1917 г. ознаменовался интенсивной разработкой национальными демократами автономистских требований. В условиях нарастающего кризиса власти они увидели возможность обеспечения права национального самоопределения на конституционно-демократических началах, через институт Учредительного собрания. Не поддерживая лозунга «Вся власть Советам», представители национальных мусульманских организаций смыкались с революционными демократами европейской части населения по вопросу о необходимости образования в крае коалиционной власти. Им противостояла линия большевиков, нацеленная на создание государства «диктатуры пролетариата», где национальные интересы уступят место классовым.

Логика исторического момента привела национальных демократов к необходимости консолидации освободительных сил. Был проведен ряд мусульманских съездов, на которых идея автономии Туркестана вылилась в конкретные программно-стратегические установки, опирающиеся на общедемократические принципы и национально-религиозные ценности.

Серьезная подготовительная работа мусульманских политических организаций по созданию Туркестанской автономной республики глубоко беспокоила местных коммунистов. Они попытались воспользоваться октябрьским переворотом, чтобы полностью устранить коренное население от механизмов управления краем.

Октябрьский переворот и установление Советской власти в России и Туркестане заставили национальных демок-

---

³⁸ См.: *Мустафа Чокай оглы. Туркестан под властью Советов / К характеристике диктатуры пролетариата.* — Париж: Яш Туркестан, 1935. — С. 17–18.

ратов изменить свою тактику. Теперь главным вопросом времени стал вопрос об отношении к новой власти и ее действиям. Отношение подавляющей части коренного населения и мусульманских политических организаций к октябрьским событиям было отрицательным.

Это было связано, в первую очередь, с антинародной и антинациональной деятельностью ленинцев, которые на словах выступали за демократию, социальное равноправие, за право наций на самоопределение, а в реальной жизни не считались с национальными интересами, религиозными чувствами, вековыми традициями мусульман, противились допуску их представителей к краевым органам власти и управления.

Нежелание большевиков считаться с потребностями коренного населения, их откровенный великодержавный шовинизм стали приоритетной побудительной причиной оформления антисоветского блока сил среди мусульманского населения. Мусульманские национально-патриотические организации пошли на разрыв отношений с Советской властью и, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, вынуждены были ускорить объявление Туркестанской автономии, программные документы которой уже были разработаны.

3.2. Создание Туркистон Мухторияти – практический шаг к формированию национально-демократической государственности в Туркестане

Зримые формы политической воли коренного населения Туркестана к обеспечению права на самоопределение, его решительный протест против Советской власти, игнорирующей интересы наций и народностей во имя утопий коммунизма, отразились в решениях IV Чрезвычайного Краевого мусульманского съезда (курултай). Он начал свою работу 26 ноября 1917 г. в Коканде. Приглашения на съезд были разосланы заблаговременно, но затяжная забастовка почтово-телеграфных служащих привела к тому, что на местах они были получены с опозданием. Положение спасла предварительная публикация объявления о съезде в газетах. И все же по ряду причин не все желающие сумели прибыть на

съезд, однако свое отношение к нему они выразили в письмах и телеграммах, поступивших в адрес съезда¹.

Накануне открытия мусульманского курултая 25 ноября в 7 часов вечера в помещении кокандской штаб-квартиры «Шуро-Исломия» состоялось предварительное совещание. На нем определялись примерный состав мандатной комиссии и президиума, а также повестка дня. Было решено обсудить следующие главные проблемы: система государственного управления и характер отношений с советским правительством; определение позиции относительно предложений генерала Дутова порвать все отношения с Советами и войти в создаваемый антибольшевистский Юго-Восточный Союз (ЮВС); выборы в исполнительный комитет; установление законодательной власти в Туркестане и созыв Туркестанского Учредительного собрания и др.².

26 ноября 1917 г. в 12 часов дня в помещении Общественного собрания член организационного бюро съезда Мустафа Чокаев объявил об открытии съезда. Член мандатной комиссии Тошпулат Норбутабеков ознакомил участников с составом делегаций. На съезде к тому моменту присутствовало: от Ферганы — 150 человек, от Сырдарьинской области — 22, от Самаркандской — 21, от Закаспийской области — 1 делегат, от Бухары — 4 делегата. В дальнейшем количество участников съезда, по данным газеты «Улуг Туркистон», составляло около 250 человек³.

Среди делегатов были представители городских дум, Туркестанского бюро татар, краевой еврейской организации «Паолей Сион», а также местных евреев. Так что «этот съезд, — пишет «Улуг Туркистон», — нельзя назвать только «мусульманским», а следовало бы назвать съездом народов Туркестана».

Орган краевого Совета мусульманских рабочих, дехканских, аскерских (солдатских) депутатов журнал «Ишчилар дунёси» отметил: «Ввиду того, что на съезд собрались представители каждого общества, союза и национального Совета Туркестанского края, съезд имел полномочия принимать решения, отвечающие интересам 10-миллионного мусульманского населения Туркестана⁴. «Этот съезд в полной

¹ Улуг Туркистон. 1917. 8 декабря.

² Там же.

³ Там же.

мере показал туркестанское национальное единство», — писал Мустафа Чокаев⁵.

И это соответствовало действительности, хотя марксистские историки на протяжении многих десятилетий описывали данный форум в виде сборища националистов и религиозных фанатиков. IV Краевой мусульманский съезд отличался ярко выраженной демократической направленностью. Он стремился направить развитие края в русло демократических и экономических свобод, сложившихся культурных, исторических и этносоциальных традиций местных народов, выражая их желание строить жизнь по собственному разумению.

Созванный в противовес шовинистическим решениям III Краевого съезда Советов, мусульманский курултай на всех стадиях своей работы исходил из принципа реального интернационализма, учета интересов всего многонационального населения края, в том числе его европейской части. И подобный гуманистический подход проявился уже с момента открытия IV мусульманского форума. Так, Махмудходжа Бехбуди в своем выступлении о правомочности съезда особо подчеркнул, что «решения съезда будут тем более авторитетными, что на съезде присутствуют представители и европейского населения Туркестана»⁶. М. Бехбуди предложил сформировать президиум таким образом, чтобы в него вошли представители от различных мусульманских групп, русских, евреев и т.п. Выступивший вслед за ним представитель Коканда Обиджон Махмудов также высказался за необходимость выбирать в президиум «не по областям и отдельным вероисповедальным и национальным группам, а просто толковых, знающих и работоспособных людей»⁷.

После прений было решено избрать президиум в количестве 13 человек. Затем был объявлен 15-минутный перерыв для того, чтобы наметить кандидатуры в его состав. После перерыва открытым голосованием президиум съезда был избран в следующем составе: У. Ходжаев, М. Чокаев, Ю. Агаев, С. Акаев, С.А. Герцфельд, О. Махмудов, И. Шоахмедов, Кичкинбаев, Камол казы, Абдул Бадин, А. Уразаев, Тилиев, Каримбаев.

⁴ Ишчилар дунёси. 1918. 4 января. № 1. 3 б.

⁵ Мустафа Чокай. Истиклол жаллодлари. — 48 б.

⁶ Туркестанский вестник. 1917. 9 декабря.

⁷ Там же.

За три дня работы участники съезда окончательно определились со своим видением будущего политического устройства Туркестанского края. Чего же хотели сторонники автономии, каким видели они будущее Туркестана? Ответы на эти вопросы содержатся в принятых съездом документах. В частности, в принятой 27 ноября резолюции указывалось, что съезд, «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возведенных Великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской Республикой, предоставляя право установления форм автономии Туркестанскому Учредительному собранию». При чем съезд, как особо отмечалось далее, «торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охраняться»⁸.

باشاسون ترکستان مختاریتی!

ذوق العاده قورونما
 ت خواهش
 هر یکگان اساسا
 همه بهر شیئی ایله
 ماریتیلی یعنی
 بلادور

ترکستان
 ترکستان او
 لری بونجه سويک
 بناؤ فيدريست
 برسکيڤه قالخافي
 ((تير تيريه ريبه ريبه))

Декларация об образовании Туркистон Мухторияти

⁸ Улуг Туркистон. 1917. 8 декабря.

Таким образом, делегаты мусульманского съезда, отражая кровные интересы туркестанцев, провозгласили самобытную национальную государственность, опирающуюся на сочетание потребностей национального развития и принципов гуманизма. На съезде не ставился вопрос о разрыве связей с Россией. Речь шла о суверенитете в едином экономическом и государственном пространстве. Понимая сложность проблемы национального возрождения, национальные демократы Туркестана надеялись с помощью демократических сил России построить экономически развитое, демократическое общество. И не их вина, что прогрессивные устремления автономистов не нашли понимания среди большевистского руководства страны и края. Слепленные утопическими прожектами марксистского учения, находясь в плену классово-конфронтационного мышления, ленинцы не желали считаться ни с национальными запросами угнетенных народов, ни с объективными общественными реалиями. Так были заложены мины замедленного действия, которые оглушительно взорвались через 70 лет, вызвав в начале 90-х годов развал советского унитарного государства.

Между тем решение мусульманского съезда о формировании на территории Туркестанского края национальной демократической государственности нашло широкую поддержку среди разнообразных слоев коренного населения. Провозглашение автономии приветствовали европейские антисоветски настроенные политические объединения и движения.

28 ноября было определено название формирующегося государственного образования «Туркистон Мухторияти» (Туркестанская автономия)⁹. Структура власти выглядела следующим образом: до созыва Учредительного собрания вся полнота власти сосредотачивалась в руках Туркестанского Временного Совета и Туркестанского Народного (национального) собрания.

Из членов Временного Совета должно быть сформировано правительство из 12 человек.

Численность Туркестанского Временного Совета была определена по количеству ранее делегировавшихся депутатов от Туркестанского края во Всероссийское Учредительное собрание (32 человека)¹⁰.

⁹ Улуг Туркистон. 1917. 8 декабря.

¹⁰ Эль Байроги. 1917. 22 декабря.

В состав Народного совета, численностью в 54 места, предполагалось включить 4 представителей от органов городского самоуправления и 18 — от различных краевых «европейских» организаций. Таким образом, 1/3 мест выделялась некоренной европейской части населения края, составлявшей тогда около 7% всех жителей края¹¹.

В основу предлагаемой схемы государственного устройства закладывался принцип пропорционального представительства национальных курий, т.е. каждой крупной этнической группы¹². Одновременно, опираясь на проект положения о выборах в Туркестанское Учредительное собрание, число мест в котором составляло 234, предполагалось образовать две курии — мусульманскую и немусульманскую. Причем последней здесь также выделялась треть мест¹³.

Из изложенного следует, что демократически настроенной части интеллигенции удалось добиться включения в программные документы идей, особой демократичности которых нельзя не отметить. И это при том, что достигнуть согласия между различными политическими группировками на съезде вообще было очень непросто. Атмосфера была настолько накаленной, что в какой-то момент со съезда даже ушли уламоистские делегаты во главе с их лидером Шерали Лапиным. Борьба развернулась между уламоистской частью и радикальным крылом национальной интеллигенции. Но путем переговоров было достигнуто соглашение, и уламоисты во главе с Ш. Лапиным вновь вернулись на съезд.

В состав Временного правительства Туркестанской автономии вошли активные участники автономистского движения. В персональном плане он выглядел следующим образом¹⁴:

1. Мухаммаджон Тынышпаев — премьер-министр, министр внутренних дел;
2. Ислам Шоахмедов — заместитель премьер-министра;
3. Мустафа Чокаев — министр иностранных дел;
4. Убайдулла Ходжаев — военный министр;
5. Юрали Агаев — министр земледелия и водных ресурсов;

¹¹ Там же.

¹² Там же. 1918. 24 января.

¹³ Известия Временного правительства Автономного Туркестана. 1917. 31 декабря.

¹⁴ Улуг Туркистон. 1917. 8 декабря.

6. Обиджон Махмудов — министр продовольствия;
7. Абдурахмон Уразаев — заместитель министра внутренних дел;
8. Соломон Абрамович Герцфельд — министр финансов.

В то же время в особом комментарии нуждается то обстоятельство, что в состав Временного правительства вошло 8 человек вместо 12. Объясняется это тем, что еще 4 человека должны были привлекаться по мере выявления кандидатур от европейской части населения Туркестана¹⁵.

Наряду с правительством молодого национального государства определился и состав Временного Национального собрания (Миллий мажлис). В него вошли Убайдулла Ходжаев, Мустафа Чокаев, Тошпулатбек Норбутабеков, Садриддинхон Шарифходжаев, Кунгирходжа Ходжинов, Исмагулла Убайдуллин, Саидносир Мирджалилов, Саид Жаъфарбой Саидов, Ислам Шоахмедов, Абдурахмонбек Уразаев, Хидоятбек Юрали Агаев, Носырхонтура Комолхонтураев, Миродил Мирзаахмедов, Тошходжа Ашурходжаев, Абдулкадыр Кушбегиев, Обиджон Махмудов, Жамшидбек Корабеков, Соломон Герцфельд, Абдусамад Абдусалимов, Абдулла Дербисалин, Муса Акчурин, Мустафа Мансуров, Махмудходжа Бехбуди, Ибрагим Давлетшин, Мухаммаджон Тынышпаев, Халил Ширинский, Толибжон Мусабаев, Олимхонтура Шокирхонтураев, Собиржон Юсупов, Одибжон Умаров и др.

Члены Миллий Мажлиса Туркистон Мухторияти

¹⁵ Улуг Туркистон. 1917. 8 декабря.

Политический пафос провозглашения съездом автономии Туркестана и начала формирования государственных структур наиболее рельефно выразила газета «Улуг Туркистон». Комментируя это событие, газета отметила, что «даже вождь большевистского правительства Ленин в своем последнем декрете объявил автономию для всех народов России, в том числе казахов и мусульман Туркестана, заявив об их праве на устройство жизни по своему образу и подобию. Исходя из этого, объявление Туркестанской автономии съездом не противоречит желанию народа и центрального правительства. В последнее время все народы стали объявлять автономии. А по последним данным право на объявление автономии имеют народы, составляющие 60%. Раз так, то думается, никто не будет отрицать право мусульман, составляющих около 95% населения Туркестана, на провозглашение автономии». Далее, конкретизируя национально-демократические аспекты провозглашенного государственного формирования, газета в своей редакционной статье подчеркивала: «Объявление автономии мусульманами не ущемляет чьи-то права. Туркестан не стремится к отделению от России, а останется ее независимой частью. Проживающим в Туркестане русским, евреям, армянам и другим нациям будут предоставлены права. Они также будут жить полноправными членами Туркестанской автономии...» Вместе с тем, наученные длительным опытом освободительной борьбы, туркестанцы понимали, что свобода обрывается нелегко, что на пути национального самоопределения стоит немало препятствий, скрытых и явных противников. Поэтому в статье рефреном проводилась мысль: «Сегодня Туркестан объявляет себя автономией, и если кто-то будет препятствовать ей, то это нельзя считать правомочным. Туркестанцы не будут противостоять тем, кто стремится к этому запрету. Туркестанцы будут терпеть до последнего, чтобы предотвратить кровопролитие. Не следует забывать такое сравнение: «Земля Туркестана — наше тело, вода ее — наша кровь»... Если еще кто-то тронет их, значит, он тронет наши тело и кровь. Отсюда следует, что если кто-то будет притязать на права туркестанского народа, то это может привести к непредсказуемым, неприятным событиям...»¹⁶.

¹⁶ Улуг Туркистон. 1917. 8 декабря.

1 декабря 1917 г. Временное правительство автономного Туркестана распространило листовки на узбекском языке с обращением к населению Туркестанского края. В обращении¹⁷, подписанном всеми членами правительства, сообщалось о том, что IV Чрезвычайный краевой общемусульманский съезд объявил Туркестан автономной частью Российской Федеративной Демократической Республики. В числе первых целевых задач определялось: «В возможно кратчайший срок созвать Туркестанское Учредительное собрание, принять меры к обеспечению населения продовольствием и предметами первой необходимости, для чего вступить во временные договорные отношения с Юго-Восточным Союзом (ЮВС), приступить к созданию финансового фонда автономного Туркестана, организовать народную милицию». Особенно подчеркивалось, что приоритетной задачей национального правительства является гарантия прав населяющих край национальностей. В заключении Обращения указывалось: «Подтверждая возвещенные Великой Российской революцией начала единения, свободы, равенства и братства, Чрезвычайный общемусульманский краевой съезд призывает всех граждан Туркестана — мусульман, русских, евреев, рабочих, солдат и крестьян, все населяющие край племена и народы, городские и земские самоуправления, политические, общественные и частные учреждения сплотиться вокруг туркестанской народной власти и помочь ей воплотить в жизнь возложенные на нее трудные задачи». Это обращение вызвало живой отклик среди разнообразных слоев туркестанского общества. Подавляющая часть коренного населения с большим эмоциональным подъемом встретила весть о создании собственной национальной государственности. Вот лишь несколько фрагментов из политической жизни тех дней:

1 декабря около 10 тысяч человек Наманганского уезда собралось на манифестацию по случаю провозглашения Туркестанской автономии. На знаменах манифестантов было написано: «Да здравствует Автономный Туркестан и его правительство!» От радости у большинства людей на глазах появлялись слезы¹⁸.

¹⁷ Известия Временного правительства Автономного Туркестана. 1917. 18 декабря.

¹⁸ Улуг Туркистон. 1917. 13 декабря.

6 декабря в кишлаке Ханабад Джалалабадской волости состоялось шествие в связи с провозглашением автономии. Собравшиеся остановились возле мавзолея Фазылхана, где и состоялся митинг, на котором присутствовало более тысячи человек. На митинге выступили Абдулла эшон и Хусейн Валиди. Они разъяснили народу цель создания автономии. После окончания митинга для оказания помощи автономному правительству была собрана сумма в размере 500 рублей¹⁹.

7 декабря собрание представителей 42 общественных организаций города Коканда обратилось с искренним поздравлением к многомиллионному народу Туркестана²⁰.

В Самарканде состоялся областной съезд Советов, на котором собравшиеся решили поддержать Туркестанскую автономию и избрали 5 делегатов в состав Народного Совета вместо временно избранных ранее²¹.

Одновременно собрался областной съезд Совета рабочих и солдатских депутатов Закаспийской области. На нем также было принято решение поддержать Туркестанскую автономию²².

С восторженным приветствием по случаю провозглашения национальной государственности в печати один за другим выступали видные просветители, религиозные, общественные и политические деятели Туркестана: Мунаввар кары, Махмудходжа Бехбуди, Абдурауф Фитрат, Мирмухсин Шермухаммедов, Абдулхамид Чулпон, Хамза Хакимзаде Ниязи, Бакр Бакиров, Ислам Шоахмедов и многие другие.

Мощным выражением народной поддержки стал проведенный 6 декабря митинг в ташкентской мечети Джами. Общее количество его участников достигло 60 тысяч человек. По сообщению газеты «Улуг Туркистон», «внутренняя площадка и крыша мечети, а также расположенные поблизости дома были заполнены людьми». Митинг состоялся под председательством Саидгани Махдума. Его заместителями были Мунаввар кары, мулла Одил, Шерали Лапин и др. Присутствующие, говорилось в газете, «единогласно поддержали автономию и приняли решение: впредь в Туркестанском крае

---

¹⁹ Там же. 20 декабря.

²⁰ Там же. 13 декабря.

²¹ Там же. 1918. 7 января.

²² Улуг Туркистон. 1918. 7 января.

не признавать какой-либо власти, кроме Временного правительства Автономного Туркестана». После чего «шестидесятитысячный народ, восклицая «Оллох Акбар» («Аллах велик»), дал присягу верности Народному Совету».

Выступившие на митинге высказали свое отношение к Советской власти. Они осудили, как сообщила газета «Улуг Туркистон», приказ Совета народных комиссаров о роспуске городской Думы: «На сегодняшний день недопустимо вместо избранной от имени 300 тысяч человек на основе демократического четырехзвенного закона о выборах Ташкентской Думы назначение 45 так называемых комиссаров, которых избрали 700–800 солдат и рабочих, собравшихся в Александровском парке»²³.

Участники митинга осудили тех рабочих и деятелей профсоюзов, которые сотрудничали с Совнаркомом, потому что, по их мнению, «сближение мусульманских рабочих с русскими большевиками противодействует интересам мусульман»²⁴. Митинг принял следующее решение:

«Несмотря на разграничение на классы и слои, мы, мусульмане, приветствуя Туркестанскую автономию и полностью поддерживая решение Чрезвычайного съезда в Коканде о создании народного правительства в Туркестане, верим в то, что российская объединенная демократия на основе принципов о власти, провозглашенных Великой Российской революцией, присоединится к объявленному всем туркестанским народом единственному пожеланию и окажет помощь в обретении независимости и в решении самому своей дальнейшей судьбы.

Возлагая надежды на это, мы призываем всех мусульман края, поддержав правительство Автономного Туркестана, воздержаться от каких-либо враждебных взаимоотношений с организациями, стоящими сегодня временно во главе управления краем. Для того, чтобы Туркестанская автономия быстро на деле была создана, необходимо соблюдать спокойствие и предусмотрительность, дабы из-за этого не возникла междоусобица, и пусть начиная с сегодняшнего дня между народами свободного Туркестана никогда не прольется безвинная кровь.

²³ Улуг Туркистон. 1918. 10 декабря.

²⁴ Т а м ж е. 8 декабря.

Да здравствует Автономный Туркестан!»²⁵.

В тот же день, вечером 6 декабря, состоялось экстренное заседание Ташкентской городской Думы. На его рассмотрение были представлены два вопроса:

1. Декрет большевистского комиссара Колесова о роспуске городской Думы от 4 декабря 1917 г.

2: Избрание делегата на съезд, созданный Московской Думой в защиту Учредительного собрания.

Шерали Лапин предложил включить в повестку дня третий пункт об отношении к Туркестанской автономии.

По первому вопросу все гласные единодушно выразили недовольство принятым большевиками декретом о роспуске Думы. Правда, один из левых социал-демократов заявил, что Дума ничего не сделала в интересах народа. В ответ на это гласный от мусульман Пулатханов заметил: «Если даже Дума ничего не сделала, то она не захватила насильно самые священные права народа, как это сделали большевики».

Тот же социал-демократ выдвинул новый аргумент, будто мусульманские рабочие недовольны деятельностью Думы. Против него выступил Шерали Лапин. Он зачитал резолюцию о Думе, принятую на митинге в старом городе, и разъяснил, что на митинге присутствовали представители мусульманских рабочих, которые полностью присоединились к ней.

После долгих дебатов было принято решение о недопустимости роспуска Думы.

Когда стал обсуждаться вопрос об отношении к Туркестанской автономии, каждый гласный, будь то член общества «Уламо», русский или еврейский прогрессист, социалист-революционер или социал-демократ, поздравили мусульман с провозглашением Туркестанской автономии, отметив своевременность этого события, и выразили поддержку автономному правительству. Но характерно, что как только был затронут вопрос о том, благодаря чему стало возможным объявление автономии, сразу же развернулась ожесточенная полемика.

Социал-демократы заявили, что получение автономии народами, проживающими в России, стало возможным бла-

²⁵ Улуг Туркистон. 1917. 10 декабря.

годаря Октябрьской революции, организованной большевиками. Эсеры же утверждали, что самую большую услугу в этом оказали социалисты-революционеры. Примечательно, что в ответ на высказывание о том, что автономию дали большевики, один из эсеров резонно заметил: «Раз так, то пусть большевики доведут дело до конца и передадут власть автономному правительству, а сами будут в его подчинении».

Гласный от местного населения Ибн Ямин Янбаев в своем выступлении напомнил: «На кокандском съезде один из мусульман высказал следующее: «Раз большевики желают предоставления нам автономии, то сразу же после объявления автономии они должны сдать оружие автономному правительству. Иначе мы не поверим в их искренность». Я же выступил так: «Если большевики в действительности хотят предоставить народам свободу и автономию, они сегодня же должны передать автономному правительству и власть, и оружие. В противном случае станет ясно, что их единственной целью является захват власти».

В этот момент в зал Думы вошли представители большевистского правительства Гудович и Цируль. Несмотря на продолжающиеся прения, они попросили председателя дать им слово. Не дождавшись разрешения, посланцы советского правительства поднялись на трибуну и от имени Совета солдатских и рабочих депутатов объявили о роспуске Думы. Председатель собрания Акимов ответил: «Гласные единогласно приняли решение не распускаться, и пока мы не рассмотрим все вопросы повестки дня, я не имею права закрыть заседание».

Начальник охраны Гудович настаивал на закрытии заседания и дал знать, что если собрание не закроется самовольно, то в зал будут призваны солдаты. Некоторые гласные стали расходиться. Председатель собрания просил всех успокоиться и не расходиться, пока не будет применено оружие. Он незамедлительно поставил на голосование вопрос об отправке делегата в Москву. Делегатом на московский съезд единогласно был избран Саидрасул Саидазизов. Лишь после этого Акимов объявил о закрытии заседания городской Думы. Но на выходе из зала заседаний он вместе с корреспондентом антиправительственной газеты Барашем был арестован.

Подобные противоправные действия большевиков вызвали растущий протест со стороны демократических слоев европейской общины и широких масс коренного населения. На почве недовольства большевистским насилием обозначилась тенденция сближения ранее противоборствовавших политических сил меньшевиков, эсеров и уламоистов. В этот период усиливаются стремления сформировать коалиционное правительство и парламент с участием представителей основных общественно-политических сил, наций и народностей, проживающих в Туркестане. Широкие массы коренного населения воспринимали «Туркистон мухторияти» в качестве базисной модели новой власти. Со стороны европейской части отношение к ней было неоднозначным. Если часть рабочих и солдат, объединившихся в Советы, «признавая за всеми народностями, входящими в состав Российской Республики, право на самоопределение, считала губительным для российской революции образование Временного правительства Туркестанской автономии наряду с Советом народных комиссаров, так как такое двоевластие приведет к раздроблению революционных сил, вызовет национальную вражду...»²⁶, то прогрессивная туркестанская интеллигенция, к примеру, учительство, входившее в Ташкентский Учительский Союз, также «признавая провозглашенное Великой Российской революцией (февральской. – А.С.) право национальностей на самоопределение... приветствовала автономию Туркестана и считала необходимым немедленный созыв Туркестанского Учредительного собрания для окончательного укрепления автономии в единении со Всероссийским Учредительным собранием»²⁷.

При сохранении определенных противоречий, касающихся форм и методов формирования коалиционного правительства, среди европейских партий демократической ориентации и национальных политических организаций, тем не менее, они последовательно консолидировались на антисоветской почве.

Только большевики и часть солидарных с ними левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов активно высту-

²⁶ См.: Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. – Т.: Фан, 1972. – С. 45.

²⁷ Туркестанский учитель. № 1. 1917.

пали за поддержку ленинского правительства и образованного на III Краевом съезде Советов экстремистского Союзаркома. Правда, первоначально туркестанские коммунисты проявили некоторую растерянность. Ведь 20 ноября 1917 г. центральное большевистское правительство обратилось ко всем мусульманам России с воззванием, в котором признавалось право угнетенных народов на самоопределение, вплоть до полного отделения. Этот ленинский призыв вызвал волну воодушевления среди коренных жителей края, обнадежил лидеров национально-освободительного движения. Находясь в плену декларативных обещаний новых «московских управителей», учредители Туркистон Мухторияти обратились к правительству России с просьбой признать пусть и ограниченную, но самостоятельную государственность края. Однако такой оборот явно противоречил ленинской доктрине коммунистической империи. Фактической санкции на признание Туркестанской автономной республики не было дано. Наоборот, против «Кокандской автономии», как пренебрежительно стали именовать большевистские власти молодую национальную государственность края, была задействована мощная пропагандистская машина. Ленинцы безудержно клеймили лидеров автономистского движения как «врагов трудового народа», обвиняли их в национализме и религиозном фанатизме.

Такая позиция центральной власти придавала уверенности местным коммунистам. На словах выступая за национальное самоопределение, на практике они максимально блокировали освободительные устремления коренного населения. Логику мышления «борцов» за счастливую жизнь «туземцев» предельно откровенно высказал в те дни лидер туркестанских большевиков И.О. Тоболин: «Хозяином страны, об автономии которой мы говорим, мы считаем сам народ этой страны. Мы не только говорим о самоопределении... Но проводить в жизнь автономию сейчас же, немедленно, нельзя, ибо первым условием автономии был бы вывод русских войск из края»²⁸.

Туркестанские большевики, зараженные ядом великодержавного шовинизма, мыслили новую власть в крае нахо-

²⁸ Наша газета. 1918. 27 января.

дающейся исключительно под контролем русских ортодоксальных революционеров. Они считали правомерным в корне пресекать любое стремление местного населения к национальной независимости. И подобный подход фактически скался на последующем развороте исторических событий.

Во многом переломным моментом в истории борьбы узбекского народа за автономию Туркестана и в отношении большевистских властей к автономистскому движению явились события, происшедшие 13 декабря 1917 г. в Ташкенте. В советской исторической литературе они упорно замалчивались или подавались в явно извращенном виде. Между тем о политической значимости этого дня говорит тот факт, что конгресс США своим постановлением от 17 июля 1959 г. провозгласил 13 декабря днем Туркестана²⁹. Этот день, день рождения пророка Мухаммада, отмечавшегося во всем мусульманском мире как праздник «Мавлюди Шариф», Временное правительство Автономного Туркестана объявило в декабре 1917 г. днем поддержки автономии. Кроме того, в этот день намечался всенародный сбор денег в национальный фонд Автономного Туркестана с целью закрепления самостоятельности и свободы.

Накануне этого праздника в Ташсовет от жителей старого города поступила заявка на проведение митинга и манифестации³⁰. Ташсовет долго обсуждал поданную заявку и все же принял решение дать санкцию на проведение демонстрации. Более того, И.О. Тоболин, занимавший в то время пост заместителя председателя Ташсовета, счел необходимым особо заявить, что «Совет Народных Комиссаров вместе с Исполнительным комитетом решили принять участие в манифестации, быть на митинге, приветствовать собравшихся, объяснить отношение Совета к автономии края»³¹.

Принятое Ташсоветом решение санкционировало проведение митинга и манифестации в старой части города и запрет на их проведение в новой его части. Тем самым, как разъяснила «Наша газета», Ташсовет намеревался «не допустить, чтобы широкие массы мусульманского населения ста-

²⁹ *Hayit Baymirza. Islam and Turkistan under Russian Rule.* — Istanbul, 1987. — P. 473.

³⁰ Наша газета. 1917. 12 декабря.

³¹ Т а м ж е.

ли слепым орудием в руках интригующей контрреволюционной русской буржуазии»³².

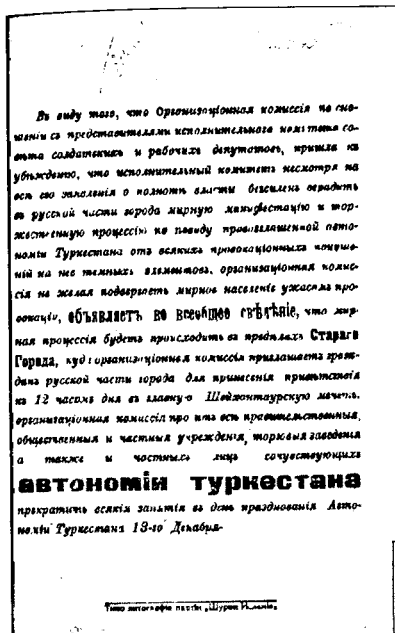
Как видно, «народные комиссары» сомневались в мирном исходе манифестации: было опубликовано постановление, воспрещающее под угрозой применения суровых мер любые собрания под открытым небом, шествия и т.п.: предписывалось также не прекращать торговли в магазинах и работы в различных учреждениях в период между 10 и 14 декабря.

С тревогой готовилась к предстоящей манифестации и оппозиционная Ташсовету Ташкентская городская Дума. В связи с намечавшейся демонстрацией по случаю объявления Туркестанской автономии 9 декабря Дума обратилась к горожанам со специальным воззванием. В нем особо отмечалось, что хотя «черные силы распространяют ложные слухи среди населения города, в частности среди солдат, о том, что якобы эта демонстрация организуется против русских, предстоящая демонстрация должна пройти мирно и спокойно. В воззвании, в частности, говорилось: «Граждане! Будьте бдительны! Не поддавайтесь на провокацию, организованную руками врагов народа! Черные силы хотят столкнуть русских с мусульманами! Демонстрация проводится только лишь в мирных целях. Поэтому вам, гражданам, рабочим, солдатам, русским и мусульманам, надо приветствовать эту демонстрацию, ибо все истинные демократы не должны из-за кого-то выступать против автономии и права народов на самоустройство своей жизни»³³.

На следующий день «Шурои-Исломия» распространила листовку следующего содержания: «Ввиду того, что... исполнительный комитет, несмотря на все его заявления о полноте власти, бессилен оградить в русской части города мирную манифестацию и торжественную процессию по поводу провозглашенной автономии Туркестана от всяких провокационных покушений на нее темных элементов, организационная комиссия, не желая подвергать мирное население ужасам провокации, объявляет во всеобщее сведение, что мирная процессия будет происходить в пределах старого города, куда организационная комиссия приглашает граждан русской части города для принесения приветствия к 12 часам дня в глав-

³² Наша газета. 1917. 15 декабря.

³³ Улуг Туркистон. 1917. 13 декабря.

Ввиду того, что Организационная комиссия на основании представленных исполнителем комитета сообщения солдатских и рабочих депутатов, пришла к убеждению, что исполнительный комитет несмотря на все заявления о невозможности влезть в переводы в русской части города мирную демонстрацию и торжественную процессию на поводу правительственной автономии Туркестана от великих провокационных починений на нас темных влеземоза, организационная комиссия не желая подвергать мирное население ужасам провокации, объявляет во всеобщее сведение, что мирная процессия будет происходить из площади Старая Горка, куда организационная комиссия приглашает жителей русской части города для применения принятия в 12 часов дня из площади Шейхонгаурскую мечеть. организационная комиссия при этом есть представляющая, общественная и частными учреждения, торговля заведения а также и частными мирно сосуществующими

автономии туркестана
прекратить всякия занятия в день празднования Автономии Туркестана 13-го Декабря

Ташкентская газета «Иллюстрация»

ти в районе Урды перекрыли основные проходы в старый город.

Утро 13 декабря 1917 г. в старой части Ташкента было праздничным. Со всех сторон по улочкам и переулкам к Шейхонгаурской мечети начали стекаться многочисленные колонны и группы людей. К 12 часам здесь собралась толпа численностью не менее 150.000 человек. В 12 часов к митингу присоединились лидеры партий правящей коалиции и члены Совнаркома³⁵.

ную Шейхонгаурскую мечеть, организационная комиссия просит все правительственные, общественные и частные учреждения, торговые заведения, а также частных лиц, сочувствующих Автономии Туркестана, прекратить всякие занятия в день празднования Автономии Туркестана 13-го декабря»³⁴.

13 декабря в 5 часов утра, с целью предотвратить возможные беспорядки в городе, воинские час-

Воззвание

ко всем гражданам и гражданкам автономного Туркестана от Туркестанского Землячества 1-го Туркестанского армейского корпуса.

13-го декабря этого года мы празднуем автономии Туркестана. туркестанское население должно устроить яркую манифестацию. Ташкент, когда из европейской России не ведал еще прекратилась гражданская война. мы, члены семьи автономного Туркестана должны приложить все свои силы к тому, чтобы в этот великий день не раздался ни один выстрел ни с какой стороны. не пролилась. в этот исторический день Российской Революции. не капля крови. ибо только при этом условии праздничное настроение для туркестанского населения. во праздничное социальное всех стран, именуемое на своем языке «самоопределение наций».

До сих пор нами не судим туркестан или одна социалистическая партия, которая не признавала бы саморазрешения наций и этот возмущает азиатские народы туркестанского социалистического национализма партии и группы в одну обиду армию предательства и преступности.

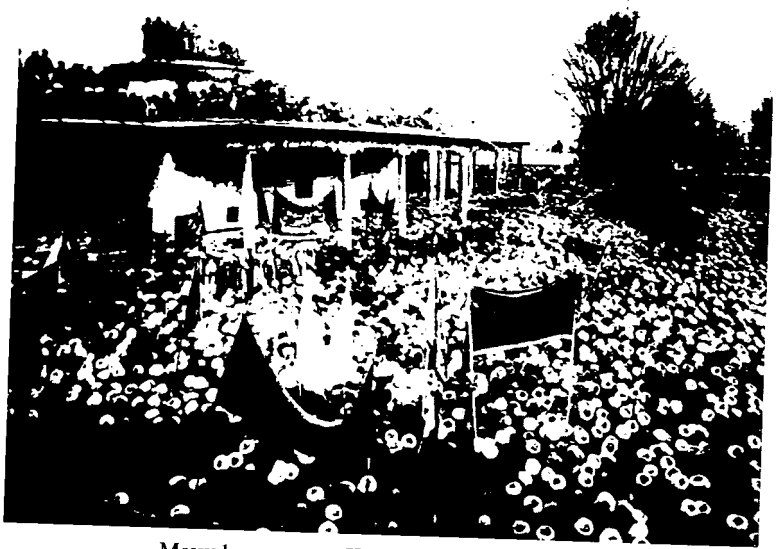
Пусть этот день является днем сознания под знаменем самоопределения наций в будущем единому социалистическому строю и праздник этот да будет праздником всего трудового народа автономного Туркестана.

Также поздравить друг друга руку и плечом

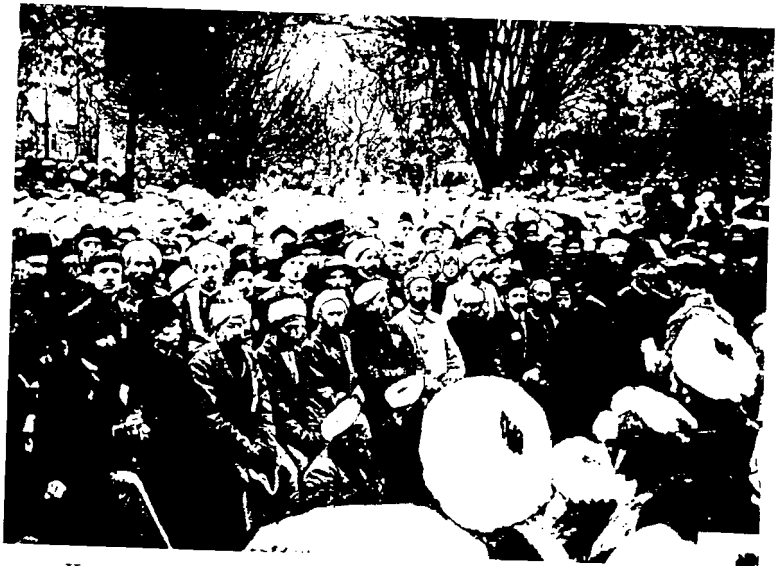
«ДА ЗДРАВСТВУЕТ АУТНОМИИ ТУРКЕСТАН!»

«Долгая Землячества»

³⁴ Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. П. 470.
³⁵ Наша газета. 1917. 16 декабря.

Манифестация в Шайхонтаурской мечети
Декабрь 1917 г.

Члены Временного правительства Автономного Туркестона
на митинге в г. Коканде

Оживленно было и в русской части города. Отсюда рано утром в старый город также отправилась большая группа людей с флагом, на котором было написано «Автономию Туркестанскому краю». Это была делегация общественности русской части города, направлявшаяся к Шайхонтаурской мечети для приветствия мусульман. Она была пропущена военными.

В 9 часов 30 минут около Урдинского моста появилась еще одна толпа — на сей раз численностью в 23 тысячи человек. Военные, не желая кровопролития, пропустили и этих людей. Они также влились в состав участников митинга у Шайхонтаурской мечети.

О последующих событиях в газете «Улут Туркистон» рассказывалось так: «На демонстрацию, кроме мусульман, вышли русские, евреи, армяне, а также представители различных общественно-политических организаций, кроме большевиков. На митинг собралось около 200 тысяч конных и пеших. Шествие двинулось со всех сторон старого города и собралось у Шайхонтаурской мечети. Над головами собравшихся развевались около 1000 красно-синих и зеленых флагов. Митинг открыл Мунаввар кары. Он поздравил всех собравшихся со знаменательным днем. Из русских председателем митинга был избран доктор Шортц. Тошпулата Норбутабекова и Садриддина махлума избрали секретарями. Присутствовавшие здесь же муллы зачитали суры из Корана и произнесли поздравительные речи. На митинге выступили представители различных организаций и обществ. В своих речах каждый из выступавших выразил недовольство действиями большевиков, назвавших себя народными комиссарами»³⁶.

В этот момент выступили провокаторы, которые «в зажигательных речах стали призывать собравшихся пойти в тюрьму и освободить Г.И. Доррера и других заключенных и захватить власть»³⁷. Имя бывшего помощника генерального комиссара Туркестанского края по гражданской части фигурировало на митинге далеко не случайно. Лидерами созданного в Коканде Временного правительства он намечался на пост военного комиссара и командующего войсками Туркистон Мухторияти.

³⁶ Улут Туркистон. 1917. 16 декабря.

³⁷ Наша газета. 1917. 15 декабря.

Поддавшись на эти призывы, часть участников митинга отделилась от общей массы и, перейдя Урдинский мост, по Московской улице направилась в русскую часть города.

Военные, стремясь избежать столкновения, вынуждены были пропустить колонну. Однако на территории русской части города шествие начало быстро терять характер мирной манифестации. Группа офицеров и чиновников во главе с капитаном Фроловым, шедшая в колонне с демонстрантами, захватила в качестве заложника начальника охраны города Гудовича. После этого толпа направилась к городской тюрьме. Г.И. Доррер и полковник Иванов были освобождены. Они сели в автомобиль и в сопровождении толпы направились к Кауфманскому парку. Когда солдаты попытались остановить машину, в которой ехал Доррер, из толпы раздались выстрелы. Цепь солдат, как позже вспоминал Д.И. Манжара, «не выдержала и открыла сначала оружейный, а потом пулеметный огонь»³⁸. Во время этого инцидента были убиты 16 жителей старого города. Манифестация же закончилась кровавым самосудом над графом Доррером и пятью другими гражданами, бывшими под арестом, затем освобожденными и снова арестованными.

15 декабря лидеры Туркистон Мухторияти отреагировали на эти события специальным обращением ко всем гражданам края. В нем особо отмечалось, что «12 числа месяца Рабби-уль-аввала 1336 года хиджры (13 декабря 1917 г.) во время мирной манифестации всего населения г. Ташкента в честь провозглашения автономии Туркестана, совпавшей с торжественным празднованием мусульманами дня рождения Пророка Мухаммада, произошли события, в результате которых пролилась братская кровь, оказались убитые и раненые. Выражая глубокое сожаление по поводу этих печальных событий, оскорбивших сокровенные чувства мусульманского населения края, Временный Народный Совет Автономного Туркестана и его Временное правительство призывают все население Туркестана отнестись к ташкентским событиям со спокойствием и соблюдать везде в столь тревожные дни необходимый порядок. Мы приложим все усилия для принятия необходимых мер, чтобы в крае установились законность, порядок и спокойствие»³⁹.

³⁸ Манжара Д.И. Революционное движение в Средней Азии. 1905–1920 гг. Воспоминания. – Т.: Средазпартиздат, 1934. – С. 82.

³⁹ Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. 03/п. 43.

Сразу же после случившегося, ожидая соответствующих указаний из центра, большевистское советское правительство Туркестана направило в Петроград в адрес Совнаркома телеграмму, в которой с тревогой сообщалось о том, что «в Коканде съездом мусульман, подготовленным буржуазным реакционным классом, провозглашена была в принципе автономия Туркестанского края» и что «образовавшееся автономное правительство, не признаваемое пролетарскими массами Туркестана, всеми силами подготавливается к провозглашению автономии в отдельных городах края. 13-го сего декабря в день рождения Мухаммеда в Ташкенте провозглашена автономия»⁴⁰.

16 декабря 1917 г. вопрос о положении в Туркестане стал предметом обсуждения на заседании Совнаркома, в котором участвовал В.И. Ленин⁴¹.

27 декабря народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин, выступая на заседании ВЦИК с докладом о взаимоотношениях с Центральной Радой, особо отметил, что «областные центры, построенные по типу Советов народных комиссаров (Сибирь, Белоруссия, Туркестан), обращались в Совет Народных Комиссаров за директивами. Совет Народных Комиссаров ответил: «Вы сами власть на местах, сами же должны выработать директивы»⁴².

Но это была обыкновенная тактическая уловка ленинского руководства, не желавшего бросить тень на политический имидж большевиков, выступавших с декларациями полного национального самоопределения. «Грязную» работу оно предпочитало делать руками местных властных структур.

Не получив конкретных указаний центра по вопросу автономного устройства Туркестана, местные большевистские властные структуры попытались как-то оправдаться и в целях стабилизации обстановки стали повсеместно разъяснять, что «Совет Народных Комиссаров постановил и исполком подтвердил его постановление о созыве Туркестанского Учредительного собрания, которое только одно правомочно провозгласить автономию Туркестанского края»⁴³.

⁴⁰ Наша газета. 1917. 15 декабря.

⁴¹ Ленин В.И. Биографическая хроника (1870–1924 гг.). Т. 5. —М.: Политиздат, 1974. —С. 187.

⁴² Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. —М., 1941. —С. 56.

⁴³ Наша газета. 1917. 20 декабря.

Однако туркестанские коммунисты отнюдь не стремились делить власть, а тем более отлавать ее в руки «несознательным националам». Говоря о своей приверженности автономии, о горячем желании осуществить национальные чаяния мусульман, большевистские власти одновременно, в целях усмирения «автономистов», стали формировать из числа верных ленинцев отряды самообороны, рабочие дружины, подготавливать крупные воинские подразделения.

Двойственная политика большевиков была хорошо известна руководителям национального движения за автономию Туркестана. Характерно в этом отношении выступление Убайдуллы Ходжаева еще в дни работы IV мусульманского съезда. Оценивая перспективы разрешения национального вопроса большевистской властью, он справедливо указывал, «что в России нет настоящего правительства, что все нации, населяющие территорию бывшей России, выступили на борьбу с узурпаторами-большевиками, что нет никакой надежды на возможность созыва Всероссийского Учредительного собрания, призванного конституционным путем предоставить национальную государственность угнетенным народам»⁴⁴.

Воинствующая политика местных большевиков убеждала и в том, что обещание о созыве Туркестанского Учредительного собрания представляет собой лишь пустую декларацию. Автономисты твердо верили в то, что только путем укрепления Туркистон Мухторияти можно обрести желанную свободу. В этом плане главное виделось в обеспечении активной поддержки широких народных масс, демократических политических партий и движений, а также легализации формирующегося государственного образования путем получения мандата доверия от народа. Его, по ожиданиям автономистов, должен был дать I Чрезвычайный съезд рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман.

Съезд открылся 25 декабря 1917 г. в Коканде. Он призван был определить форму власти и управления в Туркестане. В целях обеспечения максимального законодательного представительства для участия в работе съезда были разосланы приглашения Временному правительству Туркестанской автономии и большевистскому Совнаркому.

⁴⁴ См.: *Алексеев П.* Кокандская автономия. Революция в Средней Азии. — Ташкент, 1928. № 1. — С. 38.

На съезде присутствовало около 200 делегатов: 93 — от Ферганы, 30 — от Сырдарьи, 40 — от Самарканда, 5 — от Закаспия, 4 — от Бухары и т.д. Кроме того, в нем участвовали представители от городских рабочих и солдатских организаций, дехканских обществ, ряда областных советов⁴⁵.

Участники съезда молитвой почтили память погибших 13 декабря 1917 г. После этого делегаты приступили к избранию президиума. В его состав вошли Абдулла Авлони, Санджар Асфандиаров и др.

Открытие съезда приветствовал председатель мусульманского Военного Совета Туркестанского края Ариф Клевлеев. От Временного Национального собрания Туркестанской автономии выступили Ислам Шоахмедов и эсер Миллер. На съезде с приветственным словом выступили солдат Исмаи Убайдиллин — представитель Казанского мусульманского Военного Совета, Пири Мурзил-заде — от кавказских мусульман, Пономарев — от Самаркандского Совета рабочих и солдатских депутатов, Акаев — кокандский уездный комиссар, Султанов — член Ташкентского Военного Совета, Обиджон Махмудов — заместитель кокандского городского головы и др.⁴⁶.

После дискуссий, длившихся несколько дней, съезд принял решение поддержать автономное правительство, образованное на общемусульманском съезде в ноябре 1917 г., введя в его состав нескольких представителей от съезда рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман. Следует отметить, что в те дни на съезде в качестве варианта обсуждалось предложение об отправке для встречи с В.И. Лениным специальной делегации для того, чтобы глава Советского правительства лично разъяснил представителям Туркестана вопросы автономии. Однако съезд принял решение отправить телеграмму в адрес Петроградского Совнаркома. Это было сделано 26 декабря 1917 г. В телеграмме за подписью председателя Туркестанского Военного Совета Арифа Клевлеева сообщалось: «Лозунги, провозглашенные Советом народных комиссаров в Туркестане, осуществляются. Весь туркестанский народ на двух съездах единогласно провозгласил автономию Туркестанского края и предлагает Туркес-

⁴⁵ Улуг Туркистон. 1918. 4 января.

⁴⁶ Там же.

танскому Учредительному собранию выработать окончательную форму управления краем. Различные организации всех городов и селений на манифестациях и в резолюциях всецело присоединяются к объявленной автономии. В составе избранного Народного Совета русским и европейцам нами отведено 33% мест, несмотря на то, что европейцев у нас имеется в городах и селениях не более 2%. Единогласно присоединяемся к необходимости прекращения войны народов, заключению мира без аннексий и контрибуций.

I Чрезвычайный съезд мусульманских рабочих, солдат и дехкан полагает, что со стороны Совета народных комиссаров будут приняты все меры к фактическому укреплению автономии Туркестана, доказывающие перед всем миром глубочайшую искренность, желательность и неизменность лозунгов о самоопределении народов. Сообщая резолюцию, принятую на I чрезвычайном съезде рабочих и солдат-мусульман Туркестана, просим вас, как высшую власть Российской Демократической Республики, отдать распоряжение Ташкентскому Совету народных комиссаров о сдаче власти Временному правительству Туркестана во избежание анархии и двоевластия, могущего привести Туркестан к величайшей катастрофе»⁴⁷.

Краевые власти не просто внимательно наблюдали за событиями в Коканде, но даже пытались повлиять на их ход. В частности, большевик П.Г. Полторацкий, выступивший на этом съезде, сообщив о предстоящем IV съезде Советов Туркестанского края, который должен был рассмотреть и вопрос об автономии Туркестана, заявил, что «мы не против автономии бедноты, но мы против байской автономии. Мы боролись за автономию и взяли власть из рук буржуазии не для самих себя, а в интересах рабочего класса и бедноты. Мы взяли власть из рук русской буржуазии не для того, чтобы вручить ее в руки мусульманской буржуазии. Власть мы взяли для Советов рабочих и солдатских депутатов. Мы работаем и работаем для привлечения трудящихся мусульман на свою сторону»⁴⁸. «Однако, — отметил в своих воспоминаниях Мустафа Чокаев, — словам Полторацкого никто не поверил. Стало очевидным, что Советская власть в Туркестане не имеет национальной основы»⁴⁹.

⁴⁷ Ишчилар дунёси. №2. 1918. 18 января. 22—23 б.

⁴⁸ История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. — Т.: Фан, 1964. — С. 126—127.

⁴⁹ Мустафа Чокай. Истиклол жаллодлари. — 48 б.

После выступления Полторацкого съездом было принято специальное постановление. В нем указывалось: «Принимая во внимание, что Совет Народных Комиссаров Туркестанского края не является выразителем желаний всего населения, тем более мусульманской части; что воля народа Туркестанского края выражена на двух мусульманских съездах объявлением автономии; что единственным органом власти Туркестана может являться лишь правительство автономного Туркестана, организованное на общемусульманском съезде и пополненное съездом рабочих, дехкан и солдат-мусульман, съезд рабочих, дехкан и солдат-мусульман выражает желание о немедленной передаче власти Советом Народных Комиссаров Туркестана Автономному Правительству и Народному Совету, и так как настоящий съезд созван из всех демократических элементов Автономного Туркестана и является выразителем мнения всего пролетариата, созываемый Советом Народных Комиссаров 18 января Красвой съезд Советов солдатских, рабочих, крестьянских, киргизских и мусульманских депутатов для обсуждения данного вопроса является излишним»⁵⁰.

Резолюция, принятая 1-м Чрезвычайным Съездом Рабочих и Солдат Мусульман Туркестана об автономии.

Первый Чрезвычайный Съезд Рабочих и Солдат Мусульман Туркестанского края, обсудив создавшееся положение в Крае по случаю объявления Общемусульманским съездом 27-го ноября 1917 года автономии края, заявляет, что брошенные некоторыми группами обвинения, что таковой съезд был буржуазным — не соответствует действительности, что съезд 27-го ноября был по истине обшемусульманским, в котором участвовали все слои населения. Настоящий съезд, выражая полное доверие существующему Совету и Правительству Автономного Туркестана, ибо их состав есть наша передовая безкорыстная интеллигенция, служащая защите интересов рабочего класса и есть наши религиозные воспитатели, революционные муллы, обучающие нашу Священную книгу Коран, съезд, доверяя им, для усугубления этого доверия и авторитетности пред Ведикии Русским Пролетарием пополнил состав Совета и Правительства представителями из своей среды. Не желая иметь конфликт между своими братьями русскими, высказываем наше первое и последнее слово не вмешиваться в наши национальные дела, не ставить препятствие к осуществлению нашего самоопределения, согласно возведенному Великой Русской Демократией лозунгу. Туркестанские военные гарнизоны и красногвардейцы должны или принять участие в устройстве жизни края соответственно своей численности или оставаться совершенно нейтральными пока они в Туркестане. Не может быть и речи, что введенная царским правительством для покорения и усмирения „туземцев“ войска не должны продолжать ту же политики гегемонии. Дайте нам Вы, русские демократы, забыть пролитую под давлением царя нашими же братьями-русскими нашу кровь в 1916 году за то, что мы были против коварной, затеянной империалистами, войны. Вы, русские демократы, дайте нам убедиться, что Вы искренно руководствуетесь Вашими лозунгами о самоопределении и воззваниями, обращенными к обремененным народам Востока».

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. I. Д. 48. Л. 22 об.

Краевой съезд также заявил, что брошенное большевиками обвинение, будто IV Чрезвычайный съезд мусульман Туркестана был буржуазным, не соответствует действительности, ибо съезд 27 ноября был общемусульманским, в котором участвовало все население.

Таким образом, съезд выразил полное доверие существующему Народному Совету и правительству автономного Туркестана. Считая неприемлемым вмешательство в их внутренние дела, съезд призвал «русских демократов» делом доказать свою приверженность идеям и лозунгам, декларированным в обращении к народам Востока⁵¹.

После принятия делегатами решения о поддержке автономного правительства большевик П. Г. Полторацкий и часть присоединившихся к нему делегатов покинули съезд.

В эти дни газета «Улуг Туркистон» опубликовала статью, в которой говорилось: «До этого времени большевики объявили IV мусульманский съезд съездом баев и мулл и по этой причине решили не передавать власть Временному правительству Автономного Туркестана. Теперь, наверно, нет места подобным доводам. Потому что сейчас Туркистон Мухторияти получила подтверждение со стороны мусульманских рабочих, солдат и дехкан, и они на демократической основе избрали своих представителей в состав автономного правительства. Интересно, какой же довод выдвинут большевики после этого для того, чтобы противостоять автономии?»⁵².

Требование автономистов о признании их как руководства формирующегося национального демократического государственного образования поддержал исполком Всероссийского мусульманского Совета «Миллий Шуро». 12 января 1918 г. в специальном послании, адресованном в Народный комитсариат по делам национальностей, сообщается, что «Миллий Шуро», обсудив копию обращения председателя общемусульманского съезда в Коканде в адрес Совета Народных Комиссаров, выступает с предложением «принять самые решительные и неотложные меры к тому, чтобы во исполнение величайшего из принципов самоопределения были бы немедленно и в корне прекращены в Туркестанском крае двоевластие и конфликты между уполномоченной

⁵¹ Там же.

⁵² Улуг Туркистон. 1918. 4 января.

общемусульманским съездом демократической властью в лице Временного правительства автономного Туркестана, с одной стороны, и Ташкентским Советом народных комиссаров, избранным русским населением, составляющим всего 2% местного населения — с другой...»⁵³.

Признавая важность решений в поддержку Временного автономного правительства, следует отметить, что отношение к нему продолжало оставаться неоднозначным. Если туркестанские левые эсеры на своем втором съезде, состоявшемся 8–10 января 1918 г., приняли решение не только поддержать правительство Туркистон Мухторияти, но и делегировали в состав Народного Совета своего представителя Скоморохова⁵⁴, то на митинге, состоявшемся в мечети Джамии в Ташкенте, местные уламоисты выступили с критикой автономистского правительства и решили «не признавать его ввиду того, что оно ничего не сделало в наших интересах». Эта весть быстро распространилась среди мусульман и явилась причиной различных толков. Часть людей возмущалась: «Как же так! Сначала общество «Уламо» заставляло нас поклясться в верности автономии, а теперь призывает к непризнанию ее?»⁵⁵. Удивляться было чему, если учесть, что на этом митинге было решено объявить в Ташкенте особую автономию и впредь действовать от ее имени.

Однако 8 января 1918 г. на своем специальном заседании общество мусульманских правозащитников «Фуахо» сочло действия «Уламо» «противоречащими разуму и шариату»⁵⁶.

Возмущенные действиями Ташкентского «Шурои-Уламо», руководители Ферганского общества «Уламо» собрали своих единомышленников и разъяснили им сложившуюся ситуацию. В результате обсуждения было принято обращение («Мурожаатнома») к Ташкентскому обществу «Шурои-Уламо». В обращении говорилось, что «народ Туркестана и его представители объявили Мухторият ради того, чтобы освободиться от российских угнетателей... В такой важный и ответственный момент нам нет надобности вступать в разногласия. Благополучие нашей священной Родины и правозащитной религии заключается в союзе и единении»⁵⁷

⁵³ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. I. Д. 48. Л. 22 об.

⁵⁴ Улуг Туркистон. 1918. 19 января.

⁵⁵ Т а м ж е.

⁵⁶ Улуг Туркистон. 1918. 11 января.

⁵⁷ Т а м ж е. 26 января.

По этому поводу газета «Улуг Туркистон» выступила с комментарием: «В тот момент, когда весь Туркестан, объединившись воедино, стремится к развитию нашей религии и нации, а также укреплению автономии, думается, что разные противоречия и скандалы, по крайней мере, не служат интересам Ислама»⁵⁸.

Отсюда можно предположить, что и эти разногласия в некоторой мере оказали негативное влияние на дальнейшую судьбу Туркистон Мухторияти.

В те же дни печатный орган советской власти «Наша газета», рассказывая о состоявшемся многотысячном митинге мусульман в соборной мечети Джами, утверждала, что в принятой резолюции вообще заявлено, что «собравшиеся не признают власти самозванного Временного правительства»⁵⁹.

На проходившем 5—9 января 1918 г. в городе Туркестане Сырдарьинском областном казахском съезде по вопросу, к кому присоединиться сырдарьинским киргиз-казахам — к Туркестанской или Алашской автономии, было вынесено следующее решение:

1. Объявленная Алашская автономия должна пойти на союз с Туркестанской автономией. После этого киргиз-казахи присоединятся к Алашской автономии. А пока они временно будут находиться в составе Туркестанской автономии.
2. После объединения в единый союз Алашской и Туркестанской автономии киргиз-казахи присоединятся к Алашской автономии и столицей Алаша будет город Туркестан⁶⁰.

Ташкентские правители после подавления мирной манифестации в декабре 1917 г. принялись за ускоренное установление советской власти на местах. Они взяли под свою власть Закаспийскую область и распустили туркменские военные подразделения. В январе 1918 г. они разоружили несколько казачьих полков, отступивших из Персии к Уралу и Сибири⁶¹. В ответ на эти действия было распространено совместное воззвание полкового комитета 7-го Сибирского стрелкового запасного полка, комитета 18-й мортирной батареи, казаков 4-го Оренбургского казачьего войска, каза-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Наша газета. 1918. 10 января.

⁶⁰ Улуг Туркистон. 1918. 17 января.

⁶¹ См: Война в песках. — М., 1935. — С. 400—414.

ков 9-го Сибирского казачьего войска, казаков 2-й Отдельной Семиреченской сотни, казаков Уральского казачьего войска. В нем говорится следующее:

«Вот уже три месяца как шайка уголовных преступников, открытых грабителей и беззастенчивых демагогов захватила власть в крае. Эта шайка, состоящая из колесовых, полторацких, пендыспициных, фроловых и им подобных, прикрываясь большевизмом, совершила целый ряд убийств, грабежей и экспроприаций, в преступную свою деятельность втянула бессознательную часть граждан, рабочих и солдат, опошлив и опозорив нашу светлую, благородную революцию в глазах всех мирных граждан, особенно мусульман. Эти так называемые народные комиссары, а фактически растратчики народных денег и заведомо всему Туркестану известные воры и охранники разорили наш край и втянули нас в братоубийственную войну с оренбургским казачеством, в результате которой весь десятиmillionный народ края обречен на голодную смерть. Сотни тысяч женщин, стариков и детей наших братьев-мусульман, умирая в страшных муках голода, проклиная их, и неужели мы, русские люди, будем равнодушно смотреть, как гибнут люди по вине КАИ-НА КОЛЕСОВА? Эта ташкентская шайка подняла руку даже против свободного казачества, потребовав от него сдачи оружия. Мыслимо ли перенести этот позор? Как смела ташкентская банда во главе с Колесовым требовать сдачи оружия от тех, кто своего оружия никогда не слагал перед врагом, кто своею беззаветною храбростью поражал весь мир? И, двигая солдат и красногвардейцев против мирно возвращающихся домой с фронтов казаков, ташкентские негодяи поднимали друг против друга детей одного народа, одной родины. Но Самаркандский гарнизон понял кровавые приказы Колесова, войной против мирных казаков не пошел, а с ними соединился в единую семью, чтобы общими силами положить конец воцарившейся у нас в крае анархии и спасти от голодной смерти население. 27 сего января солдаты всего Самаркандского гарнизона совместно с эшелонами Семиреченского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск на объединенном собрании постановили разъехаться по домам и мы решили силою пробиться, если нам на пути станет кто-либо препятствовать. Конечно, при этом будут приняты

нами все меры, чтобы мирным жителям ни от кого не было обиды и притеснения. Мы едем домой устраивать свою собственную жизнь, и хотим, чтобы неотделимый от России Туркестанский край мог также свободно и спокойно устраивать себя. Глаза наши открылись и мы поняли, в какую пропасть и на какую гибель нас вела колесовская шайка. Долой обманщиков, долой растратчиков, воров и убийц! Кровь замученных Кияшко, Доррера, Коровиченко, Смирнитского, Дружкина и других, павших от руки ташкентских убийц, вопиет к богу. Довольно насилий! Кровь мирных мусульман, расстрелянных в Ташкенте 13 декабря минувшего года за то, что они праздновали свой праздник Рождества Магомета и объявления автономии Туркестана, громко требует, чтобы был положен конец безумной тирании шайки воров и убийц. Тот, кто за Революцию, за Свободу, за Россию, будет с нами. Мы призываем всех граждан сплотиться вокруг нас, под развернутым нами знаменем Свободы и Революции. Долой убийц и погубителей Края.

Да здравствует революционный народ, революционная армия и Автономный Туркестан!»⁶².

Из этого воззвания отчетливо видно, что большевистская власть в Туркестане все более теряла авторитет даже в стане своих бывших союзников люмпенизированных солдатских масс. Среди простого люда последовательно упорчивалась идея межнационального единства и согласия, опирающаяся на принципы демократической государственности.

Падение престижа новых властных структур большевистской ориентации привело к тому, что, несмотря на принятые попытки силовыми методами урегулировать правительственный конфликт, Коканд не подчинился Ташкенту и оба правительства функционировали параллельно, издавая взаимоисключающие законы и требуя их выполнения. В Туркестане сложилось, по сути, двоевластие.

В Ташкенте сложилось окончательное убеждение в глубокой враждебности процессов, происходящих в Коканде. Ташсовет в своей информации Центру о положении в Туркестане сообщил: «Контрреволюционные элементы пытаются опереться на мусульманскую буржуазию и темные массы мусульман-

⁶² Архив Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. П. 48.

ства. Съезд буржуазно-чиновничьих элементов совместно с мусульманскими националистами в Коканде провозгласил автономию Туркестана, постановил вступить в Юго-восточный союз казаков; возможность выступления на национальной почве не исключена в зависимости от положения в европейской части России, в частности в Оренбурге»⁶³.

Захват Красной гвардией Оренбурга 19 января 1918 г. временно наладил сообщение с Москвой и прорвал блокаду Туркестана, организованную атаманом Дутовым с северо-запада, что дало возможность Ташкенту обеспечить себя оружием и снабжением. Воспользовавшись этой ситуацией, ободренные ташкентские правители вплотную занялись рассмотрением вопроса об автономии края.

И.О. Тоболин, выступая на IV Краевом съезде Советов Туркестанского края, состоявшемся 19–26 января 1918 г., особо подчеркнул, что «мы заботимся не столько о России, сколько о классе трудящихся, классе пролетариата», далее отметил, что «если воля народа, выявленная посредством референдума, будет за то, чтобы Туркестан отделился от России, мы оставляем за ним право отделения. Но говорить о проведении в жизнь автономии сейчас же, немедленно, нельзя. Ибо первым условием автономии был бы вывод войск из края. Если же мы исполнили бы это основное положение, вытекающее из понятия автономии, то тем самым нанесли бы удар в спину революции», а край «очутился бы опять во власти контрреволюции». Поэтому, «принимая во внимание нахождение страны на положении войны, мы приступим к подготовительным работам, необходимым для создания автономной или даже самостоятельной страны». Выступивший вслед за Тобиным представитель фракции интернационалистов-меньшевиков Павлюченко высказался в том же духе, отметив при этом, что «референдум применим лишь в странах с сильным пролетариатом, для остальных же масс мусульманского народа референдум приведет лишь к реакции и торжеству контрреволюции».

После дебатов Тоболин от имени фракции большевиков IV Краевого съезда Советов предложил следующий проект резолюции: «Партия революционных социал-демократов стре-

⁶³ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 2. — С. 42.

мится к созданию пролетарской автономии». Поэтому важнейшей задачей объявлялась работа по организации мусульманских пролетарских масс «в профессиональные союзы и Советы депутатов для поднятия среди мусульманского пролетариата классового самосознания»⁶⁴. Сам же вопрос об образовании автономии был отложен на неопределенное время.

Большинством голосов этот проект резолюции был принят. Съезд также принял решение ввести в состав Совета трех депутатов-мусульман.

Примечательно то, что в дни работы IV Краевого съезда Советов правительство Туркестан Мухторияти прислало в его адрес телеграмму о своем намерении созвать 20 марта 1918 г. Учредительное собрание «на основах всеобщего, прямого, равного, тайного голосования с предоставлением немусульманскому населению 1/3 мест с применением принципа пропорционального представительства для каждой курии». Далее было подчеркнуто, что «Туркестанское Учредительное собрание, призванное разрешить все чаяния и надежды народов, проведет в жизнь в автономном Туркестане демократические начала, обеспечивающие права меньшинства населения края и трудового народа в полном согласии с демократическими принципами, выдвинутыми Великой Российской революцией». В связи с чем Народный Совет автономного Туркестана счел «своим долгом еще раз во всеуслышание заявить всем народам Туркестана, что Народным Советом разрабатываются и принимаются меры к проведению в жизнь указанного положения»⁶⁵.

Однако IV съезд Советов Туркестанского края решил объявить вне закона Кокандское автономное правительство и арестовать его членов.

Примечательным является и то, что в те дни Ферганский областной Совет рабочих и солдатских депутатов также обратился в Ташкент с запросом, как надлежит строить взаимоотношения с Временным автономным правительством. Однако ответа не последовало.

Анализируя решения IV съезда Советов, газета «Улуг Туркестон» писала: «Большевики Туркестана в открытую дали приказ к открытой войне против мусульман края... Приняв-

⁶⁴ Наша газета. 1918. 25 января.

⁶⁵ Новый путь. 1918. 24 января.

шие это решение большевики должны понять, что за членами Временного правительства и Национального собрания автономного Туркестана стоят 10 миллионов туркестанцев, от простого рабочего до крупного бая, уламо, интеллигенции. Начать войну против членов Временного правительства — это значит открыть войну против всех мусульман Туркестана»⁶⁶.

Тогда же, в конце 1917 — начале 1918 г. в Ташкенте П.Г. Полторацкому было поручено реквизировать денежные средства Временного правительства и поддержавших его кругов. Надо полагать, что эта мера была вызвана обстоятельствами не только политического, но и практического характера. Еще в декабре 1917 г. из Москвы была получена телеграмма с предупреждением краевым властям «от центра средств не ожидать», а потому приступить «к немедленному, беспощадному обложению имущих классов»⁶⁷.

Всего в Кокандском городском отделении Госбанка П.Г. Полторацким было конфисковано свыше 8 миллионов рублей, кроме того, в Русско-Азиатском банке — около 100 тыс., Соединенном банке — около 60 тыс., Русском банке внешней торговли — 12 тыс., в Сибирском банке — 26 тыс., в Кокандском казначействе — 52 тыс., у Товарищества торговли и промышленности Средней Азии — 29 тыс., в Кокандском отделении Волжско-Камского банка — 212 тыс. руб.

Операция по изъятию денег в банках города вызвала очень бурную реакцию. Резко обострились разногласия среди членов Временного правительства и деловых кругов, поддержавших его, что привело к смещению М. Тынышпаева с поста премьера и назначению на этот пост М. Чокаева, обещавшего реализовать программу более решительных мер в деле защиты мусульманских интересов. В результате кадровых перемещений М. Тынышпаев стал министром внутренних дел, И. Шоахмедов — министром финансов, С.А. Герцфельд вообще оставил свою должность. Казначеем правительства был назначен Саидносыр Мирджалилов⁶⁸. И действительно, новое руководство начало действовать более активно. В частности, известно, что Мустафа Чокаев, заняв пост главы Временного правительства, попытался консолидировать узбеков, казахов и киргизов. Однако лидеры Алаш-Ординской автономии прохладно отнеслись к этим попыткам.

⁶⁶ Улуг Туркистон. 1918. 28 января.

⁶⁷ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 2. — С. 83.

⁶⁸ Улуг Туркистон. 1918. 7 января.

В то же время не исключено, что уход в отставку М. Тынышпаева был вызван и скромностью результатов деятельности правительства. Был подготовлен проект Конституции, утвержденный Народным Советом⁶⁹, а также начат выпуск периодических изданий на узбекском, казахском и русском языках. 13 декабря 1917 г. вышел первый номер печатного органа «Известия Временного правительства автономного Туркестана». В собственность правительства перешла также типография Обиджона Махмудова. Кроме того, были предприняты усилия по созданию собственной финансовой базы. Был выпущен 30-миллионный заем, а в поисках финансовых средств члены правительства выезжали в города и районы Туркестана. По данным газеты «Улуг Туркистон», достигнуть этого было непросто. М. Чокаев выезжал специально с целью агитации за приобретение национального займа. И только потому, что большевистское правительство начало забирать деньги, владельцы частных банков «стали подумывать о передаче денег Временному правительству и покупке займа». Тогда же появился правительственный проект создания «Национального банка Великого Туркестана»⁷⁰. Впрочем, на счет правительства поступали и пожертвования. По 500 тысяч рублей дали банки Намангана и Андижана. Участники митинга в поддержку Туркистон Мухторияти, состоявшегося возле мавзолея Фазылхана в кишлаке Ханабат Джалалабадской области, собрали 500 рублей.

Финансовые затруднения правительства были связаны с весьма значительными затратами. Так, субсидирование газеты «Бирлик туги» потребовало 5 тысяч рублей, а «Свободный Туркестан» — 50 тысяч⁷¹.

Затрат требовала и армия. Согласно данным газеты «Улуг Туркистон», к началу января 1918 г. число аскеров составляло 1000. Однако после маневров, проведенных под руководством военного министра У. Ходжаева и министра финансов И. Шоахмедова, а также митинга по случаю создания национальной армии в ее ряды влились еще 1000 человек. Тем самым численность регулярной национальной армии достигла 2000 человек⁷².

---

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. 31 января.

⁷¹ Там же. 21 января.

⁷² Там же.

3.3. Насильственная ликвидация Туркистон Мухторияти

После конфискации денежных средств в кокандских банках состоялось чрезвычайное заседание городского совета «Шурои-Исломия», где обсуждался вопрос о штурме кокандской крепости. Было решено возложить ее захват на отряды под командованием М. Мансурова. При этом сторонники жестких мер были хорошо осведомлены, что силы Кокандского совдепа незначительны – численность гарнизона крепости составляла 16 человек. Еще 8 солдат были задействованы на охране 8 тысяч военнопленных чехов и словаков, лагерь которых располагался неподалеку от города¹.

В конце января 1918 г. противостояние между автономистами и Кокандским городским Советом рабочих и солдатских депутатов начало перерастать в открытые боевые действия. Вооруженные отряды, стоявшие на стороне Советской власти, начали борьбу с Кокандским правительством, по сути, первыми в России открыв фронт гражданской войны.

Накануне участники пленума Кокандского горсовета приняли решение потребовать от правительства автономии немедленного разоружения и роспуска созданной 9 января 1918 г. в Коканде мусульманской армии, численность которой уже превышала 2 тыс. аскеров. К тому времени СНК Туркестанского края распустил Ташкентскую, Наманганскую, Самаркандскую городские думы, упразднил канцелярию бывшего генерал-губернатора, закрыл «буржуазные» газеты, конфисковал запасы хлопка, провел национализацию добычи нефти, рыбной промышленности, судоходного общества «Хива», всех типографий и литографий, создал ЧК, провозгласил отделение церкви от государства и школы – от церкви.

Слухи, что мусульмане Коканда устроили резню русских и армян и разрушили европейский квартал города, послужили поводом к разжиганию среди воинских подразделений, верных большевистским Советам, антимусульманской истерии. На подавление Туркистон Мухторияти были двинуты многочисленные войска. Кокандское же правительство опиралось на поддержку только нескольких полицейских отрядов и конной кипчакской милиции.

¹ Красная летопись Туркестана. № 12. – Т.: Туркиздат, 1923. – С. 90.

В ночь с 29 на 30 января (11—12 февраля по новому стилю) автономисты предприняли попытку овладеть ключевым военным объектом города Коканда — крепостью. Однако, убив часового, открыв ворота и проникнув на ее территорию, один из нападавших случайно нажал на курок. Солдаты, разбуженные выстрелом, выскочили из казармы и открыли огонь по автономистам. Ворота были заперты, а на крепостную стену выставлен пулемет.

Проникновение автономистов на территорию крепости, как выяснилось позже, оказалось возможным благодаря коменданту крепости офицеру Д.Г. Зинченко. Он был арестован на следующее утро.

В ту же ночь несколько офицеров — сторонников Временного правительства Туркестанской автономии, прибыв на телефонную станцию, заставили перепуганных телефонисток отключить телефонную сеть нового города. В эти часы автономисты, нейтрализовав часового, ворвались в здание Кокандского Совета и начали ломиться в квартиру его председателя Е.А. Бабушкина. Бабушкину удалось убежать на станцию, где уже собрались рабочие. Здесь же собравшимся активом было принято решение образовать чрезвычайный орган городской власти — Ревком. В его состав вошли Е.А. Бабушкин, Коновалов, Месхе, Рылов, Николаенко и Н. Сазонов².

С утра 30 января в крепости начался сбор рабочих-железнодорожников, созванных колокольным звоном и несколькими выстрелами. Всем им было роздано оружие³.

Эта работа велась в крайне напряженной обстановке — по городу циркулировали слухи, что Коканд блокирован и городские власти долго не продержатся. Распустили слухи о якобы предстоящей кровавой резне европейской части населения и т.д.

С целью предотвращения разгоравшейся паники и стабилизации ситуации ревком уже 30 января выпустил специальное воззвание на узбекском и русском языках. Наряду с информацией о ночных событиях до сведения населения было доведено, что городские власти предъявили Временному правительству ультиматум с требованием освобождения всех арестованных.

² См.: Алексеев П. Кокандская автономия. — С. 60.

³ Там же.

станованных и выдачи всех главарей — организаторов нападения. Для его выполнения было дано 3 часа. Если по истечении этого срока ультиматум не будет удовлетворен, ревком оставлял за собой право на свободу действий. Ревком просил население соблюдать спокойствие.

Из воспоминаний члена ревкома Н. Сазонова следует, что в ходе переговоров Временное правительство Туркестанской автономии не приняло предъявленного ультиматума о сложении своих полномочий и признании советской власти. Камол казы от имени автономного правительства заявил: «Крепость, в которой вы сейчас находитесь, досталась нам от хана Худояра. Даем вам три дня срока на то, чтобы вы ее освободили и вывели свою армию»⁴. Ревком ответил на это требование отказом. Переговоры не увенчались успехом.

Кокандский ревком немедленно отправил сообщение о происшедшем с просьбой об экстренной помощи в Ташкент, Скобелев, Андижан и Наманган. Краевые власти отреагировали на него решением о переводе области на военное положение. Это означало, что митинги и шествия «как вооруженные, так и невооруженные» запрещаются, а «нарушение настоящего постановления будет встречено пулеметным и ружейным огнем»⁵.

Однако Ташкент не мог оказать сколько-нибудь действенной помощи Коканду. Практически все воинские части, находившиеся в его распоряжении, были брошены на подавление мятежа казачьих полков в Самарканде. Другая их часть находилась на Оренбургском фронте. Видимо, поэтому первым из откликнувшихся на тревожное сообщение из Коканда был город Скобелев. Отправке военной помощи предшествовало совместное экстренное заседание городской Думы и Скобелевского Совета рабочих и солдатских депутатов. При чем глава городской Думы В. Дориомедов возразил против решения Совнаркома «об объявлении области на осадном положении и всеобщей мобилизации... без достаточных к тому оснований вследствие непроверенной телефонограммы». Ему возразил командир Скобелевской военной дружины К.П. Осипов, отметивший, что «тревожным известиям из Кокан-

⁴ В боях за Советскую власть в Ферганской долине. — Т.: АН УзССР, 1957. — С. 126—127.

⁵ Наша газета. 1918. 19 февраля.

да легко можно было поверить, так как достоверно было известно, что в Коканде вооружаются мусульмане. К стыду нашему, их обучают некоторые наши русские офицеры». Когда Осипов охарактеризовал действия Наманганской городской Думы как «саботажные», председательствующий попытался лишить его слова. Но взвинченный тревожным сообщением зал потребовал дать оратору возможность договорить. Осипов прямо сказал: «Советы рассыпятся. И теперь, в этот тяжелый момент, саботажники предлагают вынести власти порицание». Свое выступление К. Осипов закончил так: «Поступили тревожные телеграммы, нас просят о помощи и мы не можем остаться равнодушными. Едем мы, а они остаются здесь. Мы проверим известия там, на месте. Может быть, наша помощь окажется нужной. Увидим, быть может, порицание преждевременно»⁶.

Отряд Осипова прибыл в Коканд в ночь на 31 января (13 февраля). Всего отряд Осипова насчитывал 120 человек и имел на вооружении 4 пушки и 4 пулемета⁷.

После короткого совещания на станции К. Осипов был назначен командующим вооруженными силами города. Сам отряд было решено расположить в крепости. Причем Осипов потребовал от ревкома постоянных представителей в крепость. Ревком выделил Никольского и Сазонова. Далее, как свидетельствуют источники, солдаты быстро скатили с платформ орудия, повозки, вывели из вагонов коней. Построившись у вокзала, отряд двинулся к крепости. Обычно оживленный и довольно большой торговый город, Коканд казался пустым. В домах не было видно огней. На улицах были выставлены усиленные патрули. Даже в центре, где возвышались двух- и трехэтажные дома, было темно и безлюдно. Подковы лошадей, колеса орудий и повозок зазвенели по мощенной булыжником площади у крепости. После коротких переговоров с охраной с лязгом распахнулись тяжелые железные ворота, отряд вошел в старинную крепость, окруженную трехметровыми кирпичными стенами.

После прибытия скобелевского отряда ревком и военные вступили в переговоры с Советом мусульманских рабочих и солдатских депутатов (Совмусдеп). Причем требования советской стороны были существенно расширены — она уже

⁶ Туркестанская искра. 1918. 17 февраля.

⁷ За Советский Туркестан. — Т.: ГИЗ УзССР, 1963. — С. 91.

настаивала на выдаче всего оружия, имевшегося в старом городе, а также аресте участников нападения на крепость и телефонную станцию. Однако Совет мусульманских рабочих и солдатских депутатов нашел требования властей невыполнимыми и ответил отказом.

Переговоры велись и с Временным правительством Туркистон Мухторияти. Их участник Сазонов рассказывает: «Опять встретил нас Чокаев. Все так же любезно предложил чай и угощение. Конечно, от угощения отказались. Вручили ему конверт. Он вскрыл, прочел и говорит, что передаст Совету Министров. Ибо сам не уполномочен решать такие вопросы, но думает, мало надежды на выполнение автономным правительством ультиматума. Мы сверили часы и вернулись. Чокаев опять любезно дал нам проводника»⁸.

Свидетельство Сазонова о реакции М. Чокаева очень интересно также и потому, что подтверждает стремительное падение влияния правительства на собственные вооруженные силы. Ведь ревом так и не получил ответа. Поэтому К.П. Осипову поручили арестовать Временное правительство. Однако военные не смогли выполнить задание в старом городе: они неоднократно подвергались обстрелу.

При этом попытки захватить крепость не прекращались. В этой крайне напряженной обстановке военные потребовали санкционировать применение артиллерии. Но Е.А. Бабушкин отказался, полагая, что это приведет к неоправданным жертвам среди гражданского населения и вызовет большие разрушения⁹.

Несмотря на это, 31 января около трех часов дня из крепости было произведено десять выстрелов из пушек, а на следующий день — двадцать. Снаряды попадали в разные части старого города, производя разрушение построек и убивая мирное население.

Правительство Туркистон Мухторияти, понадеявшись на мирное взятие власти, не было достаточно подготовлено, чтобы защитить себя. Несмотря на это, автономисты три дня самоотверженно отражали наступление советских войск. Они

⁸ Красная летопись Туркестана. № 12. — Т.: Туркиздат, 1923. — С. 90.

⁹ За Советский Туркестан. — Т.: ГИЗ УзССР, 1963. — С. 89.

были вооружены чем попало — использовали дубинки, топоры, кетмени, ножи, камни.

Под лозунгом «Туркестан для туркестанцев» сторонники автономии объявили священную войну — газават и ожидали помощи из областей. Однако, к сожалению, автономисты не получили достаточного военного подкрепления с других мест.

2 (15) февраля группа жителей европейской части города, желая прекратить бессмысленную бойню, проникла в крепость и предложила возобновить мирные переговоры. Солдаты встретили их враждебно, но потом согласились направить делегацию. Однако в условиях непрекращающихся столкновений желающих идти с белым флагом так и не нашлось.

Тогда же в городе начались пожары — сгорели цирк и здание кинематографа, так как означенные здания мешали обстрелу и продвижению противника. Затем начали гореть и другие здания, которые, по словам солдат, также мешали обстрелу. В этот же день сгорели базарные постройки перед крепостью, школа на Урдинской площади. Начались также пожары на Комитетской улице. Ночью Коканд освещало огромное зарево.

Вместе с пожарами участились грабежи. Вооруженные лица врываются в частные дома и приказывали жильцам покинуть их ввиду якобы продолжающегося боя. Причем то, что нельзя было забрать, они ломали и приводили в негодность. Грабили в те дни и магазины. Жертвами военных действий в Коканде становилось не только коренное население, но и представители европейской части.

4 (17) февраля противоборствующие стороны возобновили переговоры. Они были начаты под давлением на кабинет Мустафы Чокаева со стороны Совета мусульманских рабочих, солдатских и дехканских депутатов, значительная часть которого не хотела кровопролития. Это настроение было настолько сильным, что Временное правительство не могло не считаться с ним. Как, впрочем, и с другим крылом — сторонниками более радикальных действий, требовавших вообще отказаться от контактов с ревкомом и активизировать боевые действия. Радикально настроенные автономисты выступили против Временного правительства. Именно в этот момент открыто выступили уламоисты. В результате происшедшего 5 (18) февраля пере-

ворота кабинет Чокаева был свергнут, некоторые министры и группа его ближайших сторонников из числа русских офицеров были арестованы. Вся власть перешла к курбаши Эргашу¹⁰.

В ночь с 5 на 6 (с 18 на 19) февраля на запасные пути станции Коканд начали прибывать войска — всего 11 эшелонов с кавалерийскими, артиллерийскими и пехотными частями¹¹. Из Ташкента прибыл и военный комиссар Туркестанского края, 28-летний поручик Е.Л. Перфильев. Он и возглавил операцию по ликвидации правительства Туркистон Мухторияти.

Позже Перфильев вспоминал: «Мы получили известие о том, что русское население в Коканде вырезается, что сторожа в путевых будках перебиты», «по пути наш поезд обстреливается всяким сбродом», «в Коканде мы застали перестрелку», однако «крепость еще держалась»¹².

Прибывшими войсками город был блокирован с трех сторон. В полную боевую готовность приведены 12 артиллерийских орудий. После того как переговоры были прерваны, 6 (19) февраля в 10 часов 15 минут Эргашу был отправлен ультиматум. Ему предлагалось сложить оружие и слдаться. Срок ультиматума истек в 13 часов дня. В 12 часов был получен ответ. Эргаш категорически отказался выполнить условия советской стороны.

Перфильев отдал приказ артиллеристам открыть огонь. Обстрел начался в час дня. С небольшими перерывами он продолжался дотемна¹³. По словам военкома, в какой-то момент из старого города прибыли парламентареры, заявившие: «Мусульмане объявляют вам национальную войну за то, что в ответ на их требования открыли огонь по ним». Перфильев ответил, что войны этой не боится. По его приказу батареи дали девять выстрелов по городу¹⁴.

¹⁰ См.: *Алексеев П.* Кокандская автономия. — С. 64–65.

¹¹ *Зевелев А.И.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. — Т.: ГИЗ УзССР, 1959. — С. 127.

¹² Наша газета. 1918. 26 февраля.

¹³ *Алексеев П.* Указ. работа. — С. 68–69.

¹⁴ Наша газета. 1918. 26 февраля.

После артобстрела в бой вступили пехота и отряд дашнакских боевиков¹⁵. Постепенно борьба из нового города перешла на территорию старого. Защищаясь, возбужденная толпа людей не сдавала без ожесточенной борьбы ни одного здания, ни одного склада, ни одного торгового предприятия и караван-сарая. Вооруженные повстанческие отряды Эргаша окружили старый город и пытались защитить население¹⁶.

Однако перевес был уже на стороне перфильевских отрядов. После того как войска повстанцев отступили, красногвардейцы и дашнаки «двинулись по улицам старого города, расстреливая не успевших убежать мирных сартов и выжигая все на своем пути». В ночь с 6 (19) на 7 (20) февраля усилились пожары – «горели Воскресенская, Ходжентская, Комитетская улицы, а также вся торговая часть старого города. Видны были пожары в Парадизовском кишлаке. Мусульмане уже не сопротивлялись. Каждый из них старался спастись бегством». Не прекращались и грабежи: «Толпы вышедших из повиновения солдат, красногвардейцев, чернь и мелкая буржуазия бросились грабить и тащить, что только можно было... В старом городе разграблены были все магазины, торговые фирмы, торговые ряды, банки, более или менее приличные квартиры... Грабители складывали награбленное на арбы и свозили его на вокзал и в крепость. Там шел его дележ». Начались и аресты. Причем арестовывали «без ордеров и с ордерами». Характерно, что многие из них позже были признаны «самочинными». А некоторых арестованных даже расстреливали без суда и следствия¹⁷.

В панике устремились из города и жители. Жертвами войны в Коканде становилось не только коренное население, но и жители европейской части города.

Страшную картину представлял собой Коканд. 1/3 старого города была в полном смысле слова уничтожена. Везде горы трупов. Часть из них обгорела. По некоторым данным, весь

---

¹⁵ Дашнаки – члены армянской национал-революционной партии «Дашнакцутюн» («Союз»), основанной в 1890 г. в Тифлисе. В 1915 г. в результате армяно-турецкой резни дашнаки перебрались в Туркестан. Созданные военные дашнакские дружины входили первоначально в состав вооруженных сил советского Туркестана. Своей особой жестокостью, разгулом мародерства и насилия над мирным населением они вызывали всенародный гнев и возмущение.

¹⁶ См.: За Советский Туркестан. – Т.: ГИЗ УзССР, 1963. – С. 89–90.

¹⁷ Улуг Туркистон. 1918. 12, 14, 19 марта.

Коканд после ликвидации Туркистон Мухторияти.
Февраль 1918 г.

город «был разрушен до основания бомбардировкой взрывчатыми веществами», а погибло в те дни более 10000 человек. По свидетельству современников, пожары в Коканде продолжались на протяжении трех последующих суток. Английский капитан Брун, который посетил Коканд в 1918 году, нашел город полупустым, тысячи трупов еще валялись по улицам. Брун пишет, что немецкие, австрийские, венгерские наемники, которые участвовали в оккупации города, награбили более 100 000 рублей¹⁸.

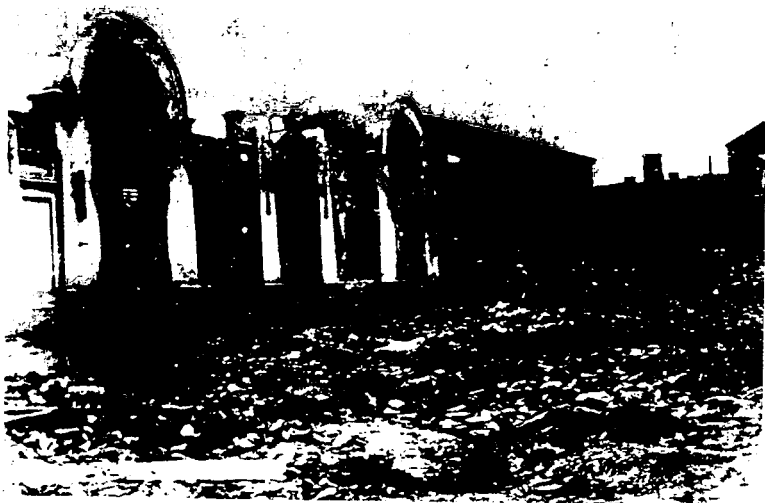
После разгрома автономистов и ухода в горы повстанцев во главе с Эргашем из старого города прибыла делегация с предложением возобновить переговоры. В здании Русско-Азиатского банка, расположенного на Розенбаховской улице, 9 (22) февраля 1918 г. был подписан документ. Согласно ему, «1. Население признает власть Совета Народных Комиссаров и местных советских учреждений. 2. Все население, как мусульманское, так и русское, не имеющее письменного разрешения Советской власти, обезоруживается... 3. Население обязуется выдать властям всех известных ему организаторов происшедших кровавых событий, а также главарей и участников вооруженных шаек.

¹⁸ Brun A. Troublous Times Experience in Bolshevik Russia and Turkistan. London, 1931. P. 3081.

4. Тайный ввоз оружия в край и его распространение среди населения признается актом подготовки к вооруженному восстанию и будет караться со всей строгостью революционных законов. 5. Население по требованию военной и Советской власти всеми силами способствует восстановлению нормальной жизни. 6. Красной Совет Народных Комиссаров оказывает помощь беднейшему населению, пострадавшему во время гражданской войны. 7. Действие сего соглашения распространяется на весь Туркестанский край».

Сразу же после этих событий ташкентские отряды покинули Коканд. При этом солдаты и красногвардейцы увезли с собой целые вагоны награбленного имущества, а также несколько вагонов с арестованными пленными. Однако в городе были оставлены мощные силы с артиллерией¹⁹.

В те же дни специальным приказом Совнаркома Туркестанского края за подписью Ф. Колесова руководители «контрреволюционного выступления, имевшего место в Коканде», были объявлены вне закона. Их собственность была национализирована с целью «передачи бедному мусульманскому и русскому населению»²⁰.

Развалины в г. Коканде

¹⁹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 1. — С. 150.

²⁰ Там же. — С. 161—162.

В отношении Саидносыра Мирджалилова были приняты особые меры. Все его финансовые средства и имущество, включая хлопкоочистительный завод в городе Туркестане, были национализированы.

Насколько оправданным с военной и моральной точки зрения было использование артиллерии, сказать сегодня невозможно. Отметим лишь, что политический резонанс кокандских событий был крайне громким. Как позже отмечал народный комиссар внутренних дел Туркеспублики, именно характер использованных при ликвидации Туркистон Мухторияти средств «нанес незаживающую рану сознанию населения»²¹. Д.И. Манжара в своих мемуарах также признает, что при самой ликвидации «Кокандской автономии» была допущена ошибка: «вместо того, чтобы тесным кольцом окружить старый город, где засели автономисты, и заставить всех их сдать... мы открыли артиллерийский огонь по старому городу, а потом пустили вооруженных дашнаков и другие отряды. В результате начались грабежи и насилия, от которых пострадало население, не только ничего общего не имевшее с автономистами, но даже являвшееся его противником»²².

На особую роль этого эпизода в военно-политической истории региона указывает и то, что проблема Туркистон Мухторияти не раз всплывала в качестве темы на переговорах представителей Советской власти с лидерами вооруженной оппозиции. По сути дела, Туркистон Мухторияти стала знаменем, идеологическим символом, активно использовавшимся лидерами ферганской вооруженной оппозиции в последующие годы. Подтверждением этого может послужить не только известная попытка Мадаминбека сформировать Ферганское Временное автономное правительство, но и заявление Шермухаммадбека о том, что его целью является создание независимой Туркистанской тюркской исламской республики²³.

Правительство автономного Туркестана пало 6 (19) февраля, но грабеж города продолжался. Из обрывочных данных, которыми мы располагаем, выясняется, что Мустафе Чокаеву удалось вырваться из огненного кольца. Он попал к повстанцам, а затем в одиночку через горные киргизские

²¹ ЦГА РУз. Ф. Р17. Оп. 1. Д. 45. Л. 127.

²² ЦГА РУз. Ф. Р-1747. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

²³ Раджабов К.К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918-1924гг.). Автореф. дис... док.ист.наук. Т., 2005. С 52.

районы добрался до независимой в те годы Грузии и сразу же активно включился в демократическое движение кавказских народов²⁴. Носирхон Тура был захвачен большевиками в Намангане, С. Герцфельд в Самарканде, Обиджон Махмудов в Бухаре²⁵.

Убайдулла Ходжаев, Абдулхамид Сулаймон (Чулпон) узнали о разгроме Коканда по пути из Анхабада в Самарканд. Понимая, что их ждет та же участь, что и тех, кто попал в руки большевиков, они изменили свой маршрут и переправились в Оренбург к Ахмаду Заки Валиди, который в тот период активно занимался внутренними и военными делами Башкирской автономии²⁶.

После разгрома Туркистон Мухторияти большевистские руководители Петрограда и Туркестана стали объектом самой жесткой критики. В частности, бывший скобелевский городской голова В. Дориомедов в газете «Знамя свободы» открыто заявил, что причиной всего происшедшего явилась «демагогическая и двуличная политика Петроградского Совета народных комиссаров, который, с одной стороны, предлагает всем народам отделиться от России, говоря о полном самоопределении, а потом, когда зерно, посеянное им, взойдет, так устраивает кровавые боины»²⁷.

Газета «Бирлик туги» прокомментировала ликвидацию Туркестанской автономии следующим образом: «Недавно она (советская власть. — А.С.) окропила человеческой кровью улицы Коканда, сравняла с землей населенный мусульманами старый город, погубила тысячи беззащитных мусульман, разграбила все имущество их... но только не под своим обычным знаменем, а под красным, не с обычным своим лозунгом, а именем свободы и революции»²⁸.

Неоднозначно оценивали кокандские события и сами представители советской власти. Обсуждение итогов кокандской операции на заседании Ташсовета, состоявшемся 23 февраля 1918 г., было бурным. В частности, большевик Г. Цвиллинг в своем докладе поспешил заявить, что «фракция вынесла порицание факту захватов, имевших место среди

²⁴ Бирлик туги. 1918. 16 марта.

²⁵ *Мустафа Чокай*. Истиклол жаллодлари. — 49 б.

²⁶ *Заки Валиди*. Хотиралар // Шарк юлдузи, 1993. № 78. — 166 б.

²⁷ *Алексеев П.* Кокандская автономия. — С. 6.

²⁸ Бирлик туги. 1918. 16 март.

наших отрядов». Лидер фракции меньшевиков-интернационалистов Х.Л. Вайнштейн, исходя из того, что в Оренбурге и Самарканде контрреволюционные выступления «были ликвидированы более или менее нормально», задал вопрос: «Куда девалась классовая борьба, во имя которой мы подняли свое красное знамя?» И сам же попытался ответить на него: «Из доклада мы слышали о вражде между русскими и сартами, армянами и персами. Мы слышали о том, как бы защитить себя от мусульман. Вместо классовой борьбы, таким образом, мы имеем борьбу национальную... Из доклада мы видим лишь одно, что национальная рознь, которую поддерживало монархическое правительство и которая является злейшим врагом социализма, расцвела при господстве социалистической власти». Было отмечено также, что «власть, прибегающая к приемам, на которые не могло рискнуть царское правительство, оказывается бессильной охранять русских людей».

Вайнштейн также подверг сомнению заявление о том, что трудовое мусульманство не хотело автономии, поскольку у Перфильева «основания те, что после того, как мусульмане были обстреляны из пушек, они изъявили готовность к подчинению. Но разве они таким же образом не изъявляли своей покорности Куропаткину? И товарищ Перфильев, рассуждающий и поступающий таким образом, является в таком случае преемником Куропаткина». В заключение Вайнштейн потребовал «немедленного создания комиссии для расследования дела и привлечения к строгой ответственности всех — от рядового красногвардейца до командиров отрядов, кто виновен в образовании темного пятна на красном знамени революции».

Лидер старых большевиков И.О. Тоболин вступил с ним в полемику. Он заявил, что «речь самого критика рассчитана не на высокое собрание, а на невежественную публику». Далее Тоболин сказал буквально следующее: «Этой партии можно лишь сказать: спрячьте свою критику в карман. Ибо критиковать может лишь тот, кто творит. И не вам, трусам, сидеть в следственной комиссии. Ибо вы сами должны сидеть на скамье подсудимых». Обозвав меньшевиков-интернационалистов «кликушами русской революции», Тоболин заявил, что «вообще смешно говорить о жестокости в такой момент и в такой борьбе». Оценив факты грабежей и насилия как «позорные», Тоболин фактически попытался оправ-

дать их, поскольку «никогда в истории не существовало столь организованных масс, чтобы не происходило подобного захвата». Предложение о создании комиссии по расследованию преступлений красногвардейцев и боевиков «Дашнакцутюн» было заблокировано И.О. Тоболиным «ввиду того, что оно не подано в письменной форме»²⁹.

В конечном счете большинством голосов была принята резолюция, приветствующая «революционные войска за стойкость и энергию в борьбе с контрреволюцией». Осудив имевшие место грабежи и насилие, участники заседания приняли решение: разбор всех инцидентов передать непосредственно в те организации и предприятия, откуда были призваны бойцы³⁰.

Были приняты меры и в отношении «Шурои-Уламо». 13 мая 1918 г. Совнарком постановил распустить ташкентскую организацию уламоистов «как не отвечающую интересам рабочего класса». Все имущество этой организации было национализировано. Был закрыт и журнал «Аль-Изох» за публикацию статей, «направливающих одну часть населения на другую»³¹.

Таким образом, насильственный разгон Туркестанского автономного правительства, подкрепленный решением Совнаркома о его ликвидации, принятым в феврале 1918 г., свидетельствовал о явном игнорировании большевистскими «управителями» кровных интересов коренного населения. Туркестанцы пытались сделать первый практический шаг по пути возрождения национальной государственности на демократических началах, чтобы решительно сбросить цепи колониализма и вновь стать хозяевами собственной судьбы. Но пришлых политических мигрантов, вознамерившихся построить тотализированное общество, мало заботили вековые чаяния широких народных масс. Будучи идеологически манкуртами, не зная ни вековых традиций, ни богатой истории края, они социальную идею намеренно возвышали над национальной. На каких-то этапах большевики в пропагандистских целях декларировали лозунги о национальном самоопределении и праве народов избирать собственный путь исторического развития. Однако политическое лицемерие и

²⁹ Наша газета. 1918. 26 февраля.

³⁰ Там же.

³¹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. Т. 2. — С. 265.

двурушничество составляло приоритетную черту нарождающегося советского режима. Многообещающие слова ортодоксальных марксистов явно не совпадали с их практическими делами. Как в центре, так и на местах большевики не желали распада «единого и неделимого» Российского государства. Акт устрашения, совершенный по отношению к свободолюбивым устремлениям туркестанцев, был направлен на то, чтобы больше нигде и никогда не смели организовывать «автономии» без согласия центра. После разгрома Туркистон Мухторияти такая же участь постигла и правительство Алашской автономии, образованной казахскими национал-демократами в декабре 1917 г. в Оренбурге.

Участники повстанческого движения

Свержение правительства Туркистон Мухторияти было воспринято туркестанцами как новое свидетельство наличия агрессивных планов большевиков в отношении Туркестана, и они с оружием в руках поднялись на защиту своей Родины от завоевателей. Тем самым было положено начало массовому движению против советского режима в Туркестане. Характер этого повстанческого движения, представлявшего собой продолжение традиций национально-освободительной борьбы, был ярко выражен в политических требованиях того времени: «За свободу Туркестана от России», «За Туркестан без притеснителей», «Туркестан туркестанцам».

3.4. Навязывание большевистской модели «национально-государственного самоопределения». Провозглашение Туркестанской автономной советской республики (ТАСР)

Ликвидация Туркистон Мухторияти с помощью военной силы высветила тугой узел противоречий в национальном вопросе. Она показала очевидное отсутствие связи большевиков с местным населением и вместе с тем — силу и зрелость регионального освободительного движения. После трагических февральских событий 1918 г. оно последовательно стало приобретать форму открытого вооруженного сопротивления. Обоснованно усмотрев в действиях большевистских властных структур неприкрытое стремление насадить чуждую национальному менталитету государственность, коренные жители края и их политические лидеры все больше склонялись к мысли, что возможности мирного разрешения национального вопроса оказались исчерпаны и сокровенную мечту о независимости и свободе можно будет осуществить лишь с помощью оружия.

Стремительное расширение движения за национальное самоопределение «снизу», сопровождаемое усилением годами накапливавшихся антирусских настроений и крепнущим желанием отмежеваться от России, поставило руководство страны и края перед необходимостью серьезной корректировки советской практики национально-государственного строительства. И, на первый взгляд, здесь как будто обозначились перемены. Пытаясь в короткий срок смягчить сложную этническую обстановку, потушить пожар обострившейся национально-освободительной борьбы, оно попыталось несколько расширить национальную базу новой власти, придать Туркестану черты национальной самостоятельности. Однако, как показала жизнь, решающих изменений в доктринальном подходе к проблеме национальной государственности не произошло. В концептуальном плане большевистское руководство по-прежнему исходило из посылки «национально-государственного самоопределения» «сверху», под жестким контролем партийно-советских структур. Это «самоопределение» целиком подчинялось идее создания унитарного советского государства, было проникнуто идеологией клас-

сового подхода, упрочения «диктатуры пролетариата». Характерно в данном отношении заявление верного сподвижника В.И. Ленина — М.В. Фрунзе, которого он направит в скором времени в Туркестан для упрочения советской модели «национальной государственности». В частности, пытаясь обозначить причины конфронтации между коренным населением и местной властью по проблеме национально-государственного строительства, Фрунзе говорил: «Вся слабость местной власти объясняется отсутствием организованных пролетарских масс, на которые можно опереться. Туземное население... нужно воспитать коммунистически, и это возможно, в этом наша задача, отсюда должна определяться наша линия поведения... Собрать мы должны весь Туркестан воедино, это возможно, опираясь на русский пролетариат... В Туркестане мыслим только коммунистический, советский строй»¹.

Говоря иначе, будущее Туркестана большевистские управители неизменно увязывали с коммунистическим государственным устройством, предполагавшим тотальный унитаризм: с обеспечением верховенства русского рабочего класса, прикрываясь именем которого ленинцы упорно насаждали новые имперско-колониальные структуры.

Правда, в тактическом плане между московской большевистской элитой и пришедшими на волне октябрьского переворота к руководству Туркестаном местными коммунистами, представленными, как правило, русскими мигрантами, сохранились разночтения в методах реализации стержневых задач «коммунистического созидания». Их позиция по национальному вопросу по-прежнему оставалась грубо великодержавной, настоянной на крайне примитивном восприятии марксистских схем построения «государства диктатуры пролетариата». Отчетливо это подметил тот же Фрунзе, который в своем выступлении на партийной конференции в Ташкенте, состоявшейся несколько позже описываемых событий — в мае 1920 г., подчеркнул: «Одним из самых больших мест являются претензии на диктатуру такого типа, как в России. Но так как здесь пролетариат организован в части только европейского населения, так как остальная масса местного населения в жизнь не вовлечена, то ясно, что по-

¹ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 9. Д. 131. Л. 10—11.

лобного рода диктатура будет означать диктатуру европейского населения и будет воспринята не как диктатура класса, а как диктатура нации. Чтобы диктатура пролетариата не воплощалась в форму диктатуры национальности, мы должны сказать, что наша линия поведения несколько изменяется, что здесь мы должны опереться на мощь всей российской революции в целом и на мощь всего русского пролетариата, но не проводить диктатуру местного европейского пролетариата»².

Рельефно проявилась данная «болезнь» туркестанских коммунистов на рубеже 1917–1918 гг. После ликвидации Туркестон Мухторияти под влиянием центральной власти они постепенно стали осознавать, что единственным средством прочного соединения Туркестана с Россией является провозглашение автономии края, тем не менее противились ей, хотя советская модель «национального самоопределения» в корне отличалась от автономистских требований национальных демократов. Местные большевистские руководители всемерно затягивали решение вопроса об автономии Туркестана, несмотря на то, что он не раз обсуждался в партийных органах.

Особенно актуализировалась проблема «национального самоопределения» в дни кокандских событий. Она оказалась в центре внимания проходившего 20–26 января 1918 г. IV Краевого съезда Советов. Программная позиция большевиков на нем была изложена делегатом И.О. Тоболиным. В своем пространном выступлении лидер местных коммунистов внешне поддержал идею автономии. Более того, он подчеркнул, что «нельзя ограничиваться лишь разговорами о самоопределении, надо дать продолжение этой идеи в ежедневной практике. Большевики борются с оружием в руках против контрреволюции, откуда бы она ни исходила — от русской или местной буржуазии. В то же время они не только признают за народом этой территории права на автономию, они признают и его право на полное отделение, если таково его желание... Большевики говорят, что территория Туркестана была захвачена силой и, если бы воля этого народа, выражаемая в референдуме, была — отделиться от России, мы выступили бы в защиту его суверенного права на отделение»³. Но в конечном

² Цит. по кн.: Назаров М. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции. — Т., 1969. — С. 394.

³ См.: ААП РУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

итоге Тоболин высказался против введения реальной автономии, ибо ее «проведение в жизнь» являлось, по его мысли, «несвоевременным». Провозглашение автономии, предлагаемое национальными демократами, полагал Тоболин, потребует вывода русских войск, тем самым будет нанесен «удар в спину революции, ибо не дремлющая контрреволюция не замедлила бы предпринять свои шаги, и весь край, где проливалась на баррикады кровь революционного народа, очутился бы опять во власти контрреволюции»⁴. Иными словами, опасаясь коренного населения, Тоболин и поддерживавшие его большевики стремились утвердить режим, опирающийся на русские штыки, выражающий интересы узкой прослойки социально взвинченных местных русских рабочих и солдат.

Шовинистический настрой четко проявился и в выступлении Г.И. Павлюченко, выступавшего от имени близких большевикам меньшевиков-интернационалистов. Он резко протестовал против определения «хозяина страны», данного «туземцам». Павлюченко дал понять, что европейские революционные демократы считают себя просвещенным авангардом революции и долг их — вести мусульманские трудящиеся массы, не обладающие политической зрелостью, по правильному пути. Меньшевики-интернационалисты выступили принципиально против федерации, так как она, по их мнению, «распыляет силы», но не считали себя вправе противодействовать образованию автономии, если этого хочет народ.

Выходит, что ничего другого, кроме своего руководства на этом «правильном» пути, меньшевики-интернационалисты не предлагали.

Сегодня очевидно, что представители местных русских «революционных демократов» отождествляли понятие автономии с отделением от России, в то время как туркестанские национальные демократы в тот исторический момент воспринимали ее иначе — как самоопределение в рамках существующего многонационального государства, на демократически правовых федеративных началах. Но им виделась будущая государственность, опирающаяся на традиционные нормы жизни местных народов, принципы рыночной экономики, политический плюрализм, что вступало в явное противо-

⁴ См.: ААП РУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2.

речие с доктринальными установками ортодоксальных марксистов.

Показательно, что намерения сохранить организационные и экономические связи с Центральной Россией выступали в 1917 г. доминантными настроениями во всех мусульманских регионах российского государства. Это, к примеру, рельефно проглядывается в речах и письмах лидеров национально-мусульманских движений тех лет, в частности А. Салихова (Цаликов) председателя Всероссийского мусульманского Совета (ВОШУРО), М. Чокаева – главы Туркестанского автономного правительства 1917–1918 гг., Д. Досмухамедова – председателя Алаш-Ординской автономии и многих других. Описывая положение в Туркестане в послеоктябрьские дни, Мустафа Чокаев говорил: «В то время мы не имели определенную национальную политику. Мы продолжали рассматривать Туркестан как часть России и его будущую судьбу считали связанной с Россией. Даже в отношении нового правительства рабочих и крестьян, сформированного в Санкт-Петербурге, мы приняли позицию выжидания. Если поведение местных русских рабочих, солдат и крестьян преследовало цель отделить нас от местной власти Советов, то декреты и воззвания центрального правительства Советов о праве каждой нации независимо от степени ее развития или отсталости на отделение и формирование своего собственного национального независимого государства и праве требовать вывода войск более сильной нации казались нам способными примирить туркестанцев с новым государственным режимом в России. Но незаконный захват власти большевиками, сопровождаемый лишением нашего народа политических прав, заставил нас поспешно принимать меры, противопоставлять волю народа решению узурпаторов»⁵.

Со своей стороны глава Алаш-Ординской автономии Досмухамедов на казахско-киргизском съезде, созванном в декабре 1917 г. в г. Оренбурге, заявил: «Мы провозгласили автономию для того, чтобы избежать проникновения большевистской заразы в степи»⁶. Желание не отделяться от Рос-

⁵ См.: *Мустафа Чокай оглы. Туркестан под властью Советов* (о характере диктатуры пролетариата). – Париж: Яш Туркестан, 1935.

⁶ Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР. – Алма-Ата, 1936. – С. 11.

сии можно объяснить и тем фактом, что алаш-ординское правительство не сразу объявило территориальную автономию, а ограничилось провозглашением культурно-национальной автономии. Осенью 1918 г. в газете «Казах» говорилось: «Самая важная причина воздержания от провозглашения в то время автономии состоит в том, что мы не могли предвидеть, каковы будут наши взаимоотношения с соседями (имеются в виду русские поселенцы. — А.С.) в случае провозглашения ее в период распространения в народе большевистской заразы. Теперь все мы знаем, что это было предосторожностью»⁷.

Эти настроения господствовали в политической мысли большинства лидеров национального движения. На первом послеоктябрьском этапе они еще надеялись, что ленинское центральное правительство признает мусульманскую культуру, религию, политические традиции, чаяния угнетенных народов о реальной национальной автономии. Только после того, как стали очевидны политические методы большевистской власти, разрыв ее многообещающих призывов с практическими делами, началось психологическое и политическое разделение империи на составные части или точнее говоря — «бегство» от тоталитарного советского режима.

Возвращаясь к материалам съезда, следует учесть и то, что в период обсуждения вопроса об автономии Туркестана на IV Краевом съезде Советов в крае еще сохранялось «двоевластие». Параллельно с большевизированным Совнаркомом действовало автономное национальное правительство, избранное в Коканде на демократической основе. Тогда еще существовала возможность компромиссного решения возникших между двумя властными образованиями противоречий. Тем более что наряду с широкими мусульманскими массами Туркестанскую автономию поддерживали меньшевики и эсеры, делегаты от которых недвусмысленно заявили об этом на IV Краевом съезде Советов. С инициативой о налаживании отношений с «ташкентским правительством» неоднократно выступали и руководители автономного правительства, которое по праву можно назвать правительством самоопределившегося народа. Однако новоявленные большевист-

⁷ Казах. 1918. 16 сентября.

ские «управители» твердо стояли на ортодоксальных позициях. Не отрицая необходимости предоставления статуса автономии Туркестану, они в то же время рассматривали ее исключительно сквозь призму идеологии «диктатуры пролетариата». В частности, в резолюции съезда об автономии Туркестана, предложенной большевиками, подчеркивалось: «Объявляя самую беспощадную борьбу буржуазной автономии, возглавляемой кучкой русских и мусульманских реакционеров, партия революционных социал-демократов стремится к созданию пролетарской автономии края»⁸.

Объясняя мотивы подобного подхода, большевики указывали: «Советская власть разрешила национальный вопрос радикально. Утверждение независимости Финляндии, Украины и Армении служит тому ярким примером. Несмотря на такую политику Советской власти, возник ряд конфликтов с наскоро сколоченными «автономными» правительствами: Радой, правительством Бессарабии, Донской области, Юго-Восточным Союзом. Не национальную подкладку имеет этот конфликт, он является столкновением социалистического правительства России с этими «автономными» правительствами, фактически вся власть которых в руках буржуазии, между тем как мы понимали самоопределение народов только как самоопределение трудящихся классов»⁹.

Итак, в резолюции большевиков была определена позиция по вопросу об автономии, но пока не провозглашалась автономия края.

Как видно, съезд не смог преодолеть извращения национальной политики, допущенные на III съезде Советов в ноябре 1917 г. Съезд продолжил линию отрицания права на самоопределение местных народов и еще более усугубил допущенные ранее ошибки тем, что приняв решение об образовании Красной Армии, высказался против призыва лиц местных национальностей в ее ряды. Здесь также проявилось понимание самоопределения как самоопределения рабочего класса, а не нации в целом. Классовый подход повсеместно превалировал над национальным.

Позицию большевиков, основанную на создании не национально-территориальной, а «пролетарской автономии»,

⁸ Наша газета. 1918. 25 января.

⁹ Там же.

поддержали входящие с ними в правительственную коалицию радикализованные левые эсеры. В результате съезд принял резолюцию ортодоксальных марксистов.

Жесткая ориентация на приоритеты классового подхода, питаемая шовинистическими настроениями подавляющей части руководящих партийно-советских работников, закономерно привела к неопределенности сроков образования «Советской автономии», декларированной в качестве главной цели краевой власти. В итоге кризисная ситуация в сфере национальных отношений продолжала сохраняться.

Одной из ключевых проблем, вставших в этот период перед правительством большевиков и левых эсеров, являлась задача: каким способом в сжатые исторические сроки совместить советскую власть и «пролетарскую автономию» края с «правом нации на самоопределение» в бывшей колонии российского самодержавия, когда в ней почти отсутствует национальный промышленный рабочий класс, а имеющиеся местные рабочие и преобладающий социальный слой населения — «трудовое дехканство» — явно симпатизируют правительству Туркестанской автономии.

Оптимальный путь разрешения данной задачи виделся ленинцам в активном насаждении социалистической идеологии в сознании «трудящихся мусульман», в их объединении в общественные организации просоветского типа. В контексте практического обеспечения такого подхода IV съезд Советов принял резолюцию, в которой намечалось организовать «мусульманские пролетарские массы в профессиональные союзы», «Советы мусульманских депутатов», призванные поднять «классовое самосознание» трудового мусульманства¹⁰.

Эта стратегическая линия твердо проводилась в жизнь. Уже в начале 1918 г. вместо ликвидированных органов власти Временного правительства как в городах, так и в сельских районах начали активно образовываться Советы, в том числе мусульманские. В этот период в Туркестане действовали 100 советов, из них Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — 11, Советов рабочих и солдатских депутатов — 7, Советов сол-

¹⁰ ААП РУз. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

¹¹ Шамсутдинов Р.Т. Становление и развитие Советов в Средней Азии. 1917–1918 гг. Проблема общего и особенного: Автореф. докт. дис. — М., 1987. — С. 28.

датских депутатов — 5, Советов крестьянских депутатов — 10¹¹.

К февралю 1918 г. мусульманские Советы действовали в ряде волостей Ташкентского уезда. В апреле первые кишлачные и волостные советы были созданы в Самаркандской области. С апреля 1918 г. как орган Самаркандского Совета мусульманских депутатов начала выходить газета «Захматкашлар товуши», позже переименованная в «Мехнаткашлар товуши». В Ферганской области организовывались Советы мусульманских рабочих и чайрикерских депутатов, т.е. кишлачной бедноты, что объяснялось большой остротой социально-экономических противоречий и наличием здесь значительной массы батрачества и безземельного крестьянства. В Ташкентском уезде Совет мусульманских и Совет крестьянских депутатов были объединены и образован Совет народных депутатов¹².

Объективно для успешного развертывания органов советской власти в Туркестане, привлечения на ее сторону широких мусульманских масс важно было установить правильные взаимоотношения с местными трудящимися, интенсивно привлекать их к управлению государством. Но даже эта, «социалистическая» по своей сути, задача вследствие грубого извращения национальной политики претворялась с откровенно шовинистических позиций. В частности, наметившаяся было тенденция к объединению солдатских, рабочих, крестьянских, киргизских и общемусульманских Советов обернулась вскоре ускоренной интеграцией существующих плюралистических форм советских органов, которая на практике привела к обезличиванию и растворению мусульманских Советов.

Разгром Туркистон Мухторияти вызвал острое политическое противостояние между официальной властью и так называемой «нетрудовой» частью мусульманства, в том числе национальной интеллигенцией. После февральских событий 1918 г. Туркестанское советское правительство начало безжалостно преследовать «кокандских автономистов». Была запрещена деятельность национальных общественно-политических организаций, особенно джаидов. В этих условиях джаидское демократическое движение раскололось. Из него выделилась группа, которая выразила готовность пойти на сотрудничество с Советом Народных Комиссаров, что об-

¹² Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. Т. 2. — Т.: Фан, 1972. — С. 180—181.

легчило закрепление Советской власти в Средней Азии. Это были младобухарские либералы, ищущие сильного союзника в своей борьбе против самодержавия эмира.

Ликвидация Туркестанской автономии, грабежи местного населения красновардейцами и крайне экстремистский образ действий ташкентских управителей привлекли внимание Москвы к положению в Туркестане. Ведь ташкентская правительственная группа своей террористически-шовинистической политикой ставила под угрозу сохранение Советской власти в среднеазиатском регионе. Ситуация представлялась ленинскому правительству тем более угрожающей, что в феврале 1918 г. в Казани состоялся очередной съезд мусульман, на котором было вынесено постановление о создании тюрко-татарской федеративной республики, в состав которой должны были войти Поволжье, Урал, Крым, Кавказ, Казахстан и Средняя Азия. Это решение было расценено Лениным как контрреволюционный заговор, рассчитанный на расчленение Советской России. Последующие затем антисоветские мятежи в национальных районах страны, сопровождаемые провозглашением антибольшевистских национальных правительств, заставило главу советского государства пересмотреть некоторые теоретические позиции по национальному вопросу.

В.И. Ленин постепенно начал осознавать, что ожидаемая им схема детерминизации социалистической революцией процесса единения «трудящихся разных национальностей», на чем строились надежды послереволюционного лозунга «национального самоопределения», не срабатывает. Вместо предполагаемого «пролетарского единения» обозначились тенденции реальной суверенизации. Причем, вместо ожидаемой борьбы между «национальным пролетариатом и национальной буржуазией» проявилась консолидация разнообразных слоев коренного населения национальных регионов России. В результате развернулась борьба между русскими большевиками, с одной стороны, и нерусскими противниками большевизма — с другой.

В этих условиях Ленин признал необходимым бережнее относиться к национальным чувствам народов, пропагандировать лозунг их «добровольного единства» в составе Российского государства. При этом добровольный союз народов

выступал конкретным выражением, а не отрицанием стремления нации к самоопределению. Правда, в стратегическом плане нетронутым оставался главный постулат ленинской национальной политики, согласно которому высшим выражением самоопределения наций в рамках социализма является принцип формирования союза народов, образующих социалистическую федерацию. Причем главным выразителем народной воли должен был стать местный пролетариат. Тем не менее со стороны центра последовало предписание региональным органам управления более тонко проводить национальную политику, призванную направить местные «национально-буржуазные» автономистские движения в желаемое коммунистическому руководству русло.

Вождь российского пролетариата терпеливо разъяснял своим шовинистически настроенным единомышленникам, что следует более гибко реализовывать социалистические принципы в национальных районах, чтобы последовательно освобождать трудящиеся массы от «губительного влияния буржуазных националистов». Одновременно в средствах массовой информации, подконтрольных советскому правительству, всемерно пропагандировалась ленинская установка, что коммунистическая партия стоит за демократический централизм, предполагавший возможность полного и беспрепятственного развития местных особенностей, почина, инициативы, разнообразие путей и средств движения к общей цели, стоящей перед партией, правительством и народом. «На самом деле, — неустанно подчеркивал Ленин в те дни, — демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость... полную свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной, и общественной, и экономической жизни»¹³.

В наши дни стало очевидно, что в данной ленинской установке многое носило пропагандистско-декларативный характер. Советская власть чуралась подлинной демократии, и поэтому ни о какой свободе в выработке разнообразных форм государственной, общественной и экономической жизни не могло быть и речи. Большевизм в силу своей ортодок-

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 151—152.

сальной доктринальной направленности с первых октябрьских дней был нацелен на построение тоталитарного общества. И смысл ленинского призыва к обеспечению принципа демократического централизма сводился к предельной централизации и всесторонней регламентации узловых форм жизнедеятельности населяющих российское государство народов.

И все же некоторая либерализация тактических приемов со стороны центрального правительства и местных управленческих структур последовала. Так, в соответствии с «обновленным» концептуальным подходом Наркомнац РСФСР в марте 1918 г. разработал специальное «Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике», в котором рассматривались практические аспекты автономного устройства национальных образований России.

Вслед за этим Наркомнац РСФСР направил в исполком Ташсовета телеграмму, заверенную Наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным и комиссаром по делам мусульман внутренней России Муллануром Вахитовым. Изложенное в телеграмме положение о Татаро-Башкирской республике определяло территорию республики и те национальные районы Поволжья и Южного Урала, которые должны были войти в ее состав. Окончательное решение вопроса об образовании Татаро-Башкирской автономии согласно пункту 3 Положения предоставлялось Учредительному съезду Советов Татарии и Башкирии. В телеграмме Сталин сообщал также, что аналогичные положения комиссариата вырабатываются для азербайджан, татар, грузин, армян, киргизов, сартов, текинцев и других народов России. Он просил революционные организации этих народов представить свои конкретные планы создания Федерации.

25 марта 1918 г. Ташкентский Совет обсудил и одобрил «Положение о Татаро-Башкирской автономии» и в тот же день телеграфировал Наркомнацу РСФСР: «Ознакомившись с вашей телеграммой от 23 марта и принимая во внимание, что Туркестанский край объемлет большой контингент трудящихся мусульманской народности, организация которой находится еще в зачаточном состоянии, Исполнительный комитет просит в спешном порядке командировать в его распо-

ряжение одного из комиссаров по делам мусульман внутренней России, снабдив его подробными инструкциями».

Тут следовало бы упомянуть, что в составе Наркомнаца в январе 1918 г. был образован мусульманский комиссариат, в задачу которого входило: информирование советского правительства о нуждах мусульманского населения, уведомление мусульман о практических шагах и мероприятиях Советской власти, самая широкая массовая агитация и пропаганда социалистических идей среди мусульманских масс, улаживание всякого рода конфликтов, возникавших между органами Советской власти и представителями различных национальностей и выработка на началах советской конституции оснований и положений административно-территориальной национальной автономии там, где это диктуется особыми экономическими и территориальными условиями.

По согласованию с Наркомнацем для решения проблем автономии центральное правительство направило в качестве чрезвычайного комиссара Туркестана П.А. Кобозева. В начале апреля 1918 г. он вместе с работниками Наркомнаца РСФСР Ю. Ибрагимовым и А. Клевлеевым прибыл в Ташкент.

7 апреля 1918 г. по телеграфу был получен циркуляр Наркомата по делам национальностей РСФСР «Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестанского края и другим», где конкретизировались вопросы государственного устройства национальных окраин на основе советской автономии.

В целях твердого обеспечения стратегической линии центрального политического руководства и ослабления позиций наиболее ортодоксальных местных коммунистов, которые своей шовинистической политикой отчуждали широкие слои мусульманского населения от советской власти, П.А. Кобозев предпринял ряд решительных организационных преобразований. В частности, 10 апреля 1918 г. был опубликован подписанный им приказ о вступлении в общее управление краем и реорганизации СНК, которую намечалось осуществить на съезде Советов Туркестана. Тем самым краевой Совнарком, возглавляемый крайне одиозными политическими фигурами, на время лишился всей полноты власти, что развязало руки П.А. Кобозеву и позволило ему сосредото-

точить усилия на энергичном претворении в жизнь ленинских установок.

Одну из главных своих задач Кобозев видел в том, чтобы в соответствии с ленинским наказом существенно поднять авторитет Советской власти среди мусульман Туркестана, внедрить в их сознание мысль о неустанной заботе центрального правительства об интересах коренного населения, дистанцировать московскую большевистскую элиту от великодержавной политики местных коммунистов. Это, естественно, вызвало недовольство со стороны уязвленной группы туркестанских руководителей, возглавляемой Тоболиным и Колесовым, считавших себя вождями «октябрьской революции» в крае. Так, они резко протестовали против введения в состав правительства видных представителей мусульманских организаций и ускоренного национально-государственного переустройства на автономных началах. Центр всеми доступными средствами пытался поддержать Кобозева. Правда, вследствие «оренбургской пробки» возможности его были ограничены. Поэтому связь поддерживалась преимущественно с помощью телеграфа и телефона. В начале апреля 1918 г. по поводу наметившихся разногласий состоялся телефонный разговор между Наркомнацем И.В. Сталиным и лидером местных коммунистов И.О. Тоболиным. Стремясь разъяснить суть ленинской стратегии в решении задач национального самоопределения коммунистическими методами, Сталин настойчиво убеждал краевые власти в необходимости «усилить работу среди мусульман с тем, чтобы отколоть мусульманский пролетариат от мусульманской буржуазии и создать мусульманский Совет». Однако даже эти умеренные акции вызывали негативную реакцию. Тоболин заявил, что «Центр имеет плохое представление о нашем положении», ибо «сказать, что мусульмане совершенно не организованы таким образом, нельзя». Глава туркестанских коммунистов безапелляционно заявил, что «везде и всюду есть представители местного населения» и что III и IV съезды Советов Туркестанского края уже разрешили вопрос об автономии в духе нашей партии, а V съезд, который соберется не позднее 15 апреля, рассмотрит практическое разрешение национального вопроса.

Конечно, в цитируемой тоболинской тираде реальное положение дел серьезно искажалось. Представительство мусульманской части населения края в органах власти было крайне незначительным, а местная русскоязычная большевистская элита стремилась насильственными методами «решить» национальный вопрос, напрочь отменяя право наций на самоопределение. Не случайно обеспокоенный Сталин спустя несколько дней направил Кобозеву радиограмму, в которой отмечалось, что «некоторые Советы на местах решили... отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая разрешение национального вопроса путем оружия». «Но этот путь, — указывал он, исходя из ленинского подхода к реализации национальной политики, — совершенно не пригоден для Советской власти», так как «способен только сплотить массы вокруг буржуазно-национальных верхов», выставив их «спасителями Родины», «защитниками нации», что ни в коем случае не входит в расчеты Советской власти. В условиях резкого обострения этнополитической обстановки и шаткости позиций советских властных структур, разъяснял Сталин, чрезвычайно важно утвердить «советскую модель национальной автономии», преподнося ее как конкретное выражение реализации права народов на самоопределение.

Ленинское политическое руководство хорошо понимало, что идеи национально-территориальной автономии нашли широкую поддержку среди угнетенных народов России. Пример создания небольшевистских правительств в Туркестане, Поволжье, Башкирии, Казахстане явился заразительным для национальных регионов. В связи с чем действенное средство тотальной советизации виделось большевистским «генералитетом» не только в том, чтобы с помощью оружия разогнать эти правительства, но и в том, чтобы использовать тягу наций к самоопределению в собственных политических интересах, подменив «буржуазную» автономию «советской». Поэтому в сталинской радиограмме Кобозеву особо указывалось, что «не отрицание, а признание ее является очередной задачей Советской власти». Сталин акцентировал внимание на том, что актуальным требованием времени выступает необходимость «окончательно оторвать от «национально-автономных движений» их же собственные массы и сплотить последние вокруг Советов». Но решить эту задачу

можно, лишь взяв «у них автономию, предварительно очистив от буржуазной скверны, превратив ее из буржуазной в советскую».

Сегодня очевидно, что, отрицая «буржуазную автономию», большевики выступали против цивилизационно-демократических норм формирования национальной государственности, за обеспечение узкоклассового характера ее представительства. Вот и в данном случае Сталин особо предупреждал Кобозева, чтобы в ходе работы предстоящего V съезда Советов и выборной кампании не допускалось «никакого деления на национальные курии с представительством от национальных меньшинств и большинств, как это предполагают некоторые буржуазно-национальные группы...» «Такое деление, — поучал он, — только обостряет национальную вражду, укрепляет перегородки между трудовыми массами национальностей...» «Основой для выборов на учредительные съезды и фундаментом автономии, — указывалось далее в радиোগрамме, — должна служить не разбивка трудовых демократических масс на отдельные национальные отряды, а их объединение и сплочение вокруг соответствующих образований»¹⁴.

Исходя из ленинских установок «интернационального единения трудящихся», раскола коренного населения по классовому признаку и объединения «трудовых» мусульманских слоев вокруг Советов, П.А. Кобозев, Ю. Ибрагимов и А. Клевлеев развернули активную пропагандистскую кампанию, нацеленную на «разъяснение» модели «советской автономии» как яркого отражения неустанной заботы центрального правительства о нуждах угнетенных народов, в частности Туркестана.

20 апреля открылся V съезд Советов Туркестанского края. На съезде присутствовали 251 делегат, отобранных в соответствии с принципами «пролетарской демократии». Правда, в отличие от предшествующих аналогичных форумов, около половины делегатов (120 чел.) были представителями коренных национальностей, представлявших, как торжественно сообщила центральная правительственная газета «Правда», «несколько миллионов мусульманского населения». Хотя при этом умалчивалось, что оппозиционные советскому режиму национальные организации не были допущены к работе съезда.

¹⁴ Наша газета. 1918. 13 апреля.

Тем не менее значительное расширение национального представительства оценивалось властными структурами как «важный политический успех». В своем выступлении от имени центра Чрезвычайный комиссар Советского правительства П. Кобозев особо тепло приветствовал «те мусульманские ряды, которые почтили нас своим присутствием». «Вместе с ними, — подчеркнул он, — мы рассмотрим вопрос о нашей пролетарской автономии, а не какой-нибудь буржуазной»¹⁵.

Вопрос о создании советской автономии Туркестана стал ключевым в повестке дня V съезда Советов. Соответствующий подбор делегатов обусловил относительно спокойное его решение в русле официальных правительственных установок. А главное, что вызывало особое одобрение центрального политического руководства, это создание видимости активной поддержки со стороны местного населения, мусульманства края. Характерно в данном отношении выступление делегата Сабирджана Юсупова. Обращаясь с приветствием к русским рабочим от имени представителей коренных национальностей, он заявил: «Мы будем у вас учиться, мы пойдем за вами. Теперь мусульмане поняли, что русский пролетариат идет рука об руку с мусульманским...»¹⁶.

Демонстрируя свою откровенную ориентацию на центральное правительство, V Краевой съезд Советов направил в Москву телеграмму. В ней политическое руководство советской России подобострастно уведомлялось, что отныне «все революционные лозунги будут твердо и неуклонно проведены в жизнь». Обрадованные столь желательным разворачиванием событий, В.И. Ленин и И.В. Сталин в ответ срочно направили правительственную телеграмму. На вечернем заседании съезда 22 апреля был оглашен ее текст. В телеграмме подтверждалось:

«Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах, мы приветствуем ваши начинания и глубоко уверены, что вы покроете весь край сетью Советов, а с существующими уже Советами будете действовать в полном контакте.

Просим Вас комиссию по созыву Учредительного съезда Советов, которую вы взялись организовать, направить к

¹⁵ ЦГА РУз Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 39. Л. 56.

¹⁶ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: Сб. док. Т. 1. — С. 250.

Ташкентскому Съезду Советов Туркестанского края, Совнаркому Туркестанского края.

Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономии Вашего края на советских началах, мы приветствуем Ваши начинания и глубоко уверены, что Вы покроете весь край сетью Советов, а с существующими уже Советами будете действовать в полном контакте.

Просим Вас комиссию по созыву Учредительного Съезда Советов, которую Вы намерены организовать, направить к нам в Москву для совместной разработки вопроса об определении полномочного органа Вашего края к Совету Народных Комиссаров.

Приветствуя Ваш Съезд, мы надеемся, что Вы достойно выполните возложенные на него историей задачи.

Москва, 22 апреля 1918 г.

Ленин и Сталин.

нам, в Москву, для совместной разработки вопроса об определении полномочного органа Вашего края к Совету Народных Комиссаров.

Приветствуя Ваш съезд, мы надеемся, что вы достойно выполните возложенные на него историей задачи»¹⁷.

Понятно, что суть этих задач сводилась к укреплению тоталитарного большевистского режима, к масштабному осуществлению пагубного социально-экономического эксперимента.

30 апреля 1918 г. съезд утвердил «Положение о Туркестанской Советской Автономной Республике», в котором определялись основы государственного устройства Туркестана, его территория, высшие законодательные и исполнительные органы, структура и функции местных органов и их взаимоотношения с РСФСР. Согласно Положению вся территория Туркестанского края в ее географических границах, исключая Бухару и Хиву, объявлялась Туркестанской Советской Республикой Российской Советской Федерации. В Положении было зафиксировано, что «Туркестанская республика, управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации»¹⁸. Для этого прямо на съезде было решено сформировать и направить специальную комиссию из пяти человек «для определения взаимоотношений с центральным правительством»¹⁹.

На съезде был избран Центральный исполнительный комитет (ЦИК), который являлся высшим законодательным органом, обладающим функциями высшей власти в крас в период между съездами Советов. ТуркЦИК был сформирован в количестве 36 человек, 18 из которых по партий-

¹⁷ Правда, Известия ВЦИК. 1918. 26 апреля.

¹⁸ Наша газета. 1918. 5 мая.

¹⁹ Там же.

ной принадлежности являлись большевиками и 18 – левыми эсерами. Председателем ТуркЦИКа стал ленинский посланник П.А. Кобозев.

V съезд Советов одновременно образовал правительство Туркестанской Советской Республики – Совет Народных Комиссаров, в котором сосредотачивались исполнительные функции и управление краем. Председателем СНК был вновь избран большевик Ф.И. Колесов. Всего в состав правительства Туркеспублики вошли на паритетной основе 16 человек – 8 большевиков и 8 левых эсеров.

Комиссаром юстиции был избран Х. Ибрагимов (большевик), продовольствия – А.А. Казаков (большевик), образования – К.Я. Успенский (левый эсер), здравоохранения – С. Турсунходжаев (левый эсер), по делам национальностей – Т. Ашурходжаев (большевик), военным комиссаром – К.П. Осипов (большевик), по внешним делам – П.А. Домогатский (левый эсер), промышленности – Н.И. Черневский (левый эсер), путей сообщения – Е.П. Дубицкий (большевик), почты и телеграфа – А.Т. Бочаров (большевик), внутренних дел – И. Обидов (левый эсер), труда – П.Г. Полторацкий (большевик), финансов – Я.Х. Ренесланц (большевик), уп-

Манифестация большевиков в поддержку провозглашения ТАСР

равделами Совнаркома – Петренко (левый эсер), земледелия – В.А. Лавенков (левый эсер).

Таким образом, V съезд практически закрепил ленинскую установку на упрочение советской модели национально-государственного устройства. Она подавалась как важнейшее достижение национальной политики новой власти. По окончании работы съезда повсеместно в городах, кишлаках и аулах Туркестана по инициативе властных структур были проведены многочисленные демонстрации и митинги в честь провозглашения «национальной автономии». Подконтрольная советскому правительству местная печать на своих страницах в восторженных тонах описывала результаты работы съезда, эмоционально противопоставляя «контрреволюционной кокандской автономии», в состав которой, якобы, «входили исключительно эксплуататорские элементы и их сообщники», советскую автономию, характеризуя ее как подлинно народную власть. «Не баи, – писала, к примеру, газета «Голос Самарканда», – а мусульманская беднота призвана отныне к власти... Отныне еще теснее сплотились пролетарские слои русского и мусульманского населения, выбив из рук врагов народа в Туркестане последнее оружие. Вот почему весь трудовой Туркестан ликует и с энтузиазмом празднует провозглашение в Туркестане пролетарской автономии»²⁰.

Подобная восторженная оценка сохранилась и в советской исторической литературе. Неизменно утверждалось, что образование ТАСР явилось крупной победой ленинской национальной политики. Оно, якобы, подтвердило жизненность марксистско-ленинского учения по национальному вопросу, способствовало активному вовлечению коренного населения в государственное строительство. В частности, в фундаментальной монографии «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» говорилось:

«Советская автономия Туркестана отнюдь не была «мертвой буквой», как это пытается доказать буржуазная историография. Образование автономии обеспечило народам края условия для свободного развития своей экономики и культуры... позволило им... в кратчайший срок ликвидировать свою былую отсталость.

²⁰ Голос Самарканда. 1918. 14 мая.

Провозглашение автономии Туркестана явилось важнейшим историческим актом, свидетельствующим о громадной притягательной силе идей дружбы народов, идей совместной борьбы за социалистические преобразования»²¹.

Отдельные отголоски подобного подхода сохранились и в работах последнего времени. Так, например, С.А. Прилуцкий, обоснованно отмечая узкоклассовую направленность советской формы народовластия, тем не менее полагает, что «наиболее существенным достижением революции в крае было провозглашение его автономной советской республикой»²².

В каких-то моментах можно согласиться с выводами советских историков. Действительно, образование ТАСР стало крупным успехом ленинской стратегии национально-государственного строительства. С провозглашением советской автономии внешне расширилось представительство в структурах власти коренного населения. Так, в состав высших государственных органов Туркестана на V Краевом съезде Советов впервые были избраны представители от местных коренных национальностей: в ЦИК – 7 человек, в Совнаркоме – 3 человека. Усилилось вовлечение коренного населения в местные управленческие структуры.

Но означало ли это обеспечение на деле свободного национального самоопределения?! Ответ может быть только однозначно отрицательным. Как точно с научной точки зрения подчеркнул Президент независимого Узбекистана И.А. Каримов, «советская социалистическая государственность... была навязана нашему народу. Она не соответствовала его коренным нравственным, моральным, духовным ценностям. Государственная машина, управляемая из центра, была рассчитана на некоего манкурта, на человека, не помнящего ни своего рода и племени, ни истории своего народа, ни его традиций. Именно поэтому образовался такой большой разрыв между тем, что декларировалось в системе этой государственности, и тем, что было на самом деле»²³.

²¹ См.: Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. – С. 622.

²² Прилуцкий С.А. Национально-государственное строительство в Советском Туркестане. 1918–1920 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Т., 1991. – С. 13.

²³ Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана: Доклад на первой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 23 февраля 1995 г. – Т.: Узбекистан, 1995. – С. 8.

Провозглашение автономии Туркестана представляло важное звено закрепления такой государственности. Это был успех ленинцев, московского политического руководства, но не коренного населения края. Ленин и его сподвижники сумели, эксплуатируя тягу народов Туркестана к национальной независимости, к автономным суверенным правам, направить часть освободительного потока в желаемое центру русло. Советская автономия Туркестана лишь внешне придала ему черты национальной самостоятельности, хотя на каком-то этапе местное правительство пользовалось определенными суверенными правами. Но это объяснялось реалиями гражданской войны, когда центральная власть оказалась во многом «оторванной». В последующем же, когда упрочился советский режим, все остатки даже ограниченной самостоятельности были решительно ликвидированы. К тому же местное правительство, за исключением национальных представителей, никогда не отражало подлинных интересов коренного населения. Подавляющая часть его была заражена великодержавным шовинизмом. Вместе с тем, несмотря на то, что в состав избранного на V съезде правительства ТАСР были введены националы, правящая ташкентская группа ортодоксальных большевиков продолжала в течение года пользоваться полной свободой действий и не считалась с Москвой, пытавшейся хоть как-то умерить их предельно шовинистический настрой и нежелание сотрудничать даже с «трудовыми» слоями местного населения.

Ленинское правительство пыталось установить дозированную «автономию» социалистического типа, не предполагавшую активного привлечения коренных туркестанцев к управленческим процессам. А значительную группу населения, прежде всего его мыслящую часть — национальную интеллигенцию вкупе с так называемыми «нетрудовыми» слоями, намечалось просто уничтожить. Говоря о необходимости расширения национального представительства, центр в то же время решительно проводил ограничительную линию, которая определялась марксистскими схемами при решении национального вопроса.

«Автономное» национально-государственное строительство должно было осуществляться под жестким контролем центра и служить целям создания коммунистической империи советского унитарного государства. К тому же провоз-

глашение «автономии Туркестана» в принципе носило декларативный характер. Ведь в рассматриваемый период, строго говоря, еще не было Российской Советской Федерации, в состав которой на началах автономии вошла Туркестанская Советская Республика. Проект Конституции РСФСР еще только разрабатывался, вследствие чего народы Туркестана, вступая в Российскую Федерацию, не могли знать, каков будет механизм реализации «суверенных» прав. Однако и впоследствии, когда данная конституция была утверждена, механизм реального самоопределения наций оказался не разработанным.

Как известно, еще в дни работы V съезда П.А. Кобозев, Ф.И. Колесов и А.Ф. Солькин направили в адрес Совнаркома РСФСР телеграмму, в которой сообщалось, что «в пределах Туркестана объявлена полная амнистия лицам, неправильно понимавшим и привлеченным за участие в буржуазно-автономном движении Туркестана. Находящиеся заключенные по вышеуказанным делам в Ташкенте освобождены, что предлагается сделать по всему Туркестану»²⁴. Среди амнистированных было немало джадидов, лидеров автономистского движения.

Эта акция вызвала недовольство центра. Не случайно в годы сталинского произвола всех тех, кто был амнистирован V съездом, вновь привлекли к уголовной ответственности, безжалостно сгноив в казематах ОГПУ. В числе тех, кого затронули репрессии, были Убайдулла Ходжаев, Мунаввар кары, Исмоил Обидов, Абдулла Кадыри, Абдулхамид Чулпон, Абдурауф Фитрат и многие другие славные сыны узбекского народа.

Таким образом, оценивая общие итоги борьбы за практическое воплощение автономии Туркестана, следует подчеркнуть, что сразу же после октябрьского переворота определились две линии, два подхода к решению задач национального самоопределения: «снизу» и «сверху».

Первое направление представляло движение широких народных масс коренного населения. Оно выступило за реальное обеспечение суверенных прав, за ликвидацию унизи-

---

²⁴ См.: Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. Т. 2. — Т., 1972. — С. 259.

тельного колониального гнета. Идейным выразителем интересов коренных туркестанцев выступили национальные мусульманские политические партии и организации. Национальные демократы смогли разработать конкретную программу суверенного национально-государственного строительства в рамках российского государства, опирающуюся на принципы демократии и учет исторических потребностей коренного населения края. Практическое выражение она нашла в создании демократической республики — Туркистон Мухторияти, сформированной в ответ на жесткие действия обольшевизированного ташкентского Исполкома и краевого Совнаркома.

Второе направление отражало узкоклассовые устремления большевистских властей. Оно опиралось на идеологию марксизма и было призвано обеспечить территориальное единство Советской России, прикрыть намерения ленинского руководства заложить обширную коммунистическую империю. Советская модель «национальной автономии» декларативно представляла угнетенным народам Туркестана право на самоопределение. Она нацеливала на создание социалистической государственности, чуждой национальному менталитету и потребностям общественного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Провозглашение на IV Красном мусульманском съезде Туркестанской автономии под названием Туркистон Мухторияти стало практическим шагом к созданию национально-демократической государственности Туркестана. В отличие от Советской власти, она формировалась на легитимной основе. Правительство Туркестанской автономии получило полномочия от широчайших масс мусульманского и демократически настроенного европейского населения.

Самобытная национальная государственность, воплощенная в Туркистон Мухторияти, опиралась на сочетание потребностей национального развития и принципов гуманизма, национальных интересов и идеалов надклассовой демократии. Национальное руководство не ставило своей целью разорвать связи с Россией. Речь шла о суверенитете в рамках единого государственного пространства России, но России демократической, способной содействовать историческому прогрессу народов Туркестана.

Образование Туркестанской автономии изменило характер политической жизни в крае. Сложилось двоевластие, объективно угрожавшее властным советским структурам, ибо подавляющая часть населения Туркестана с восторгом встретила известие о создании собственной национальной государственности. Но национальное правительство не стремилось к нагнетанию конфронтации. Оно последовательно пыталось наладить политический диалог с центральным российским руководством и ташкентским Совнаркомом. Однако центральная власть заняла позицию «умолчания», а туркестанские большевики стремились в корне истребить любое проявление стремления местного населения к достижению независимости. Обладая огромным военным потенциалом в лице люмпенизированных русских солдат и рабочих, ташкентское большевистское правительство силой оружия подавило зарождающуюся национальную государственность.

Свержение правительства Туркистон Мухторияти было воспринято туркестанцами как новое свидетельство наличия агрессивных планов России в отношении Туркестана. Последствия установления большевистского режима, разгром Туркестанской автономии в феврале 1918 г. послужили толчком к началу вооруженной борьбы за независимость, воплотившейся в движении сопротивления большевизированным Советам.

Стремительное расширение движения за национальное самоопределение «снизу» поставило руководство страны пе-

ред необходимостью корректировки советской практики национально-государственного строительства в Туркестане. Стремясь разрядить сложную этнообстановку, оно взяло курс на относительное расширение национальной базы новой власти, придание Туркесреспублике черт национальной самостоятельности. Однако в стратегическом плане изменений не произошло. Ленинская администрация по-прежнему проводила политику национально-государственного самоопределения «сверху», под жестким контролем партийно-советских структур. Это «самоопределение» целиком подчинялось идее создания унитарного советского государства, упрочения «диктатуры пролетариата».

Практическое выражение ленинская идея «советской автономии» нашла в решениях V съезда Советов Туркестанского края в апреле 1918 г. На нем было провозглашено образование ТАСР, позже преобразованной в ТАССР. В течение длительного времени закрепление советской модели национально-государственного устройства подавалось как крупное достижение национальной политики большевистской власти. С точки зрения стратегии создания советского унитарного государства это соответствовало действительности. Но эгоцентристские устремления центрального политического руководства не отвечали кровным интересам коренного населения Туркестана. Свободного национального самоопределения оно не добилося. Туркестанскому народу была навязана внутренне порочная советская социалистическая государственность, не соответствующая его менталитету, коренным нравственным, моральным и духовным ценностям.

Попытки коренного населения Туркестана самим определить свой путь социального освобождения, утвердить самостоятельное национально-государственное устройство были пресечены силой оружия. Восторжествовала ленинская модель «национально-территориальной автономии». В итоге оказались подорваны возможности цивилизационно-демократического развития. Лишь через 70 лет советское унитарное государство было разрушено неудержимой поступью исторического процесса. Развал советской коммунистической империи позволил восстановить прерванную связь времен.

Сегодня суверенный Узбекистан смело идет по пути независимости и национального возрождения. Жизнь и патриотический подвиг участников автономистского движения в крае служат для нынешних поколений узбекистанцев вдохновляющим примером. Судьбоносные цели Туркистон Мухгорияти наполняются в наши дни конкретным историческим содержанием.

SAIDAKBAR AGZAMKHODJAEV

**THE HISTORY OF
TURKISTAN AUTONOMY**

(TURKISTON MUKHTORIATI)

TASHKENT – 2006

Summary

Uzbekistan's entrance into sovereign development has raised great interest in the origins of the long struggle for land, freedom and independence among the peoples of Central Asia and in the history of the national-liberation movements that led to this independence. During the many years of the Soviet domination, the heroic deeds of the Central Asian people in their struggle for freedom were often completely forgotten or deliberately falsified. Today, as a result of independence, we have the opportunity to restore historical truth. The need for a decisive review of the past, including an examination of the role of both the national-liberation movements and their separate social and political movements, is clear. These movements formed the basis for our current national democratic statehood.

This book is dedicated to the history of the autonomous democratic republic of Turkistan, which entered history under the name Turkiston Mukhtoriati.

The history of the development of the national movement for Turkistan autonomy is described for the first time. The historical, socio-economic, and political factors that formed the foundation for reformist ideas in Turkistan and the motives of the national democratic organizations are examined.

Based on new factual material, the activities of such national public political organizations as "Shuroi-Islom," "Turon," "Shuroi-Ulamo," and "Itifaq" are described. Political portraits are presented of Munawwar Qari, Ubaydulla Khojaev, Makhmudkhoja Behbudi, Obidjon Makhmudov, Abdulla Awloni and others leaders of the autonomy movement.

In the main part of the book, the history of the creation and development of an ideology of national independence and the role of social movements in working from specific policies are explained. It is emphasized that the Jadid movement was the foremost among them.

A distinctive attribute of the Jadid movement is that from the very beginning it contained within it many key paradigms for the future program of national revival. Jadidism was primarily oriented toward peaceful, evolutionary, and democratic means of reform and reconstruction.

The most important stage in the development of the Jadid political and ideology came on the eve of 1917. On the critical issue of national liberation, they concluded by and large that in the explosive reality of the time, national independence could best be developed within the framework of a Federal Democratic Republic of Russia. Their vision was an autonomous Turkistan nation with wide-reaching sovereign authority.

Democratic nationalists set great hopes on the February revolution. However the provisional government that was established did not make essential changes in the complex socio-economic situation nor did it solve acute national problems. Under these conditions, the democratic nationalists concentrated their efforts on organizing, strengthening and gathering the Turkistan people into an autonomy movement. Coordination and unification were important goals of this political activity. This gave rise to Turkistan's Muslim Council (Kraymussovet) -, whose purpose was to unite the many separate Muslim societies, committees and unions. At the same time, the activities of some Muslim groups contradicted this process.

The congresses of Turkistan's Muslims held in 1917 were an important step in unifying national political forces. In these congresses, a program for forming an autonomous republic, the Turkiston Mukhtoriati, was adopted.

During the October Revolution, Turkistan's Bolsheviks began to openly carry out a policy of chauvinism aimed at alienating the indigenous population. The fourth extraordinary congress of Muslims held in Kokand in November, 1917 responded by proclaiming the autonomy of Turkistan under the name Turkiston Mukhtoriati. This proclamation was a concrete step towards the formation of a national democratic state in Turkistan. Although the Bolshevik administration destroyed the rising national state system by force, it served as a powerful spur to the armed struggle for freedom and independence.

The spontaneous and extensive movement toward national self-determination, led the Soviet government to create the Turkistan Autonomous Soviet Republic (TASR), but this was only "decorative self-determination." It was wholly subject to the will of the unitary Soviet state. Only after the disintegration of the USSR and state independence have the real prerequisites been created for the embodiment of the long-awaited dream of the Uzbeks, sovereign national development for Uzbekistan.

C O N T E N T S

I n t r o d u c t i o n	4
I. Standing the movement for the autonomy of Turkistan	30
1.1. Development of the national liberation movement ideology in Turkistan	30
1.2. Social-political changes in Turkistan after February 1917	63
1.3. Forming the idea of Turkistan's autonomy	98
II. Involving Turkistan's peoples in the movement towards autonomy	128
2.1. Turkistan's Muslim Council (Kraymussovet)-organizer and the coordinator of Turkistan's national movement	128
2.2. The proliferation of autonomous views	150
III. Struggle for the realization of autonomy in Turkistan	166
3.1. Planning for the request for autonomy	166
3.2. Founding of the Turkiston Mukhtoriyati - a practical step to the formation of the national democratic state in Turkistan.	188
3.3. Violent liquidation of the Turkiston Mukhtoriyati	223
3.4. Imposing the Bolshevistic model of “national-state self- determination”. Proclamation of the Autonomous Soviet Republic of Turkistan (TASR)	238
C o n c l u s i o n	262

САИДАКБАР АГЗАМХОДЖАЕВ

**ИСТОРИЯ
ТУРКЕСТАНСКОЙ
АВТОНОМИИ**

(Туркистон Мухторияти)

Издательско-полиграфическое объединение

«Тошкент ислом университети»

Главный редактор *О.Р.Рахимов*

Редактор *О.Н.Клюева*

Художественный редактор *К.Ж.Ахунов*

Технический редактор *Н.А.Сорокина*

Оператор компьютерной верстки *К.Ж.Ахунов*

Подписано в печать 20.11.2005. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Печ.л. 16,75. Усл. печ. л. 14,07.

Изд. л. 14,05. Тираж 1000. Заказ № 11.

Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение

«Тошкент ислом университети»

700011, г. Ташкент, ул. А.Кадири, 11. Договор № 03-29-05.

Отпечатано в типографии «Ношир», г. Ташкент, ул. Навои, 30.